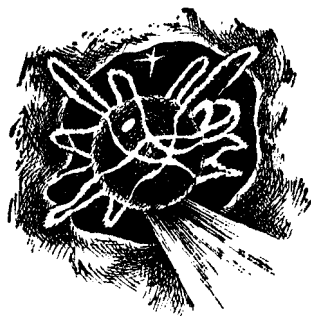

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

МИХАИЛ ПУХОВ
ЗВЕЗДНЫЕ
ДОЖДИ

БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

МИХАИЛ
ПУХОВ

ЗВЕЗДНЫЕ ДОЖДИ

Рассказы

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1982

84P7
II 90

П $\frac{4702010200-025}{078(02)-82} 092-82$

МЫ И НАШИ РОДИТЕЛИ

Как всегда, день начался удивительно.

Сережка разбудил меня чуть свет (даже темно было) и сказал, что сейчас мы с ним пойдем на речку испытывать змей.

Я ему объяснил, что змеи в нашем краю не водятся (объясняя, я успел умыться); еще я объяснил, что змея — существо реальное одушевленное и поэтому нельзя сказать: «испытывать змею». Испытывать можно только то, что ты сделал своими руками. Например, работа.

Пока я возился на кухне, подготавливая печь к завтраку, Сережка долго смеялся. Насмеявшись вволю, он сказал, что я оказался глупее, чем он думал, потому что стыд тоже нельзя сделать своими руками, а он сейчас испытывает стыд за меня, поскольку я оказался глупее, чем он думал.

Тогда я пошел к себе в комнату, чтобы занести это Сережино изречение в дневник для папы — пусть его куда-нибудь вставит, он у меня писатель. Поэтому я все интересные фразы записываю, у нас договор. Нам жаль, если хорошая мысль пропадает лишь потому, что я ее не записал. А мой папа за это учит меня умозуму и наставляет на путь истинный. Так папа говорит маме, когда она называет его эксплуататором.

Когда я вернулся, печь тихо гудела, а Сережка сидел на столе, болтал ногами и ждал. Я тоже подождать минут пять, а потом догадался посмотреть на дисплей. Печь стояла из-за противоречий. Оказывается, Сережка заказал «яичницу всмятку и кофе черный с молоком», поэтому кибернетическая печь и остановилась. Я громко засмеялся, пошел к себе, записал этот Сережкин заказ в дневник, вернулся и на-

брал новый: какао и гренки. Пока печь работала, я громко над Сережкой смеялся.

Потом я вспомнил первую сегодняшнюю запись и сказал Сережке, что змей все-таки нельзя испытывать, можно только проверять у них условные рефлексы. А если не верит, пусть спросит у отца, он у него биолог.

Сережка на это даже не улыбнулся, просто вышел во двор, вернулся с длинной веревкой, намотанной на квадратную дощечку, и объяснил мне, что эта дощечка и есть водяной змей, который он вчера сделал и который сегодня мы будем испытывать в речке.

Потом я записывал всю эту историю в дневник, и мы ужасно смеялись, а потом вышли из дому и пошли к реке. Было уже часов семь, но поселок спал. Вернее, спали домики; люди-то уже встали и возились на кухнях с гренками и какао.

Мы миновали границу поселка и окунулись в лес. Трава была совсем мокрая от росы, но лес проснулся: по верхушкам гулял ветерок. Мы бежали по тропинке, и Сережка рассказывал мне, что такое водяной змей и где он про него прочитал.

Он вычитал про него в одной старой книге. Водяной змей — это рыболовная снасть. К деревянной дощечке привязывают поводки с крючками и длинный шнур. Дощечка плавает в воде на ребре, а конец шнура держит в руке рыболов. В сущности, водяной змей ничем не отличается от воздушного: здесь течение, там ветер. Если рыболов умеет управлять змеем, тот может выделять удивительные вещи: приближаться к другому берегу, огигать коряги и плыть против течения. Все это он делает бесшумно, поэтому рыбы на него можно поймать видимо-невидимо, даже тайменя. Только нужно сначала научиться управлять змеем; вот этим мы сейчас и займемся.

Я напомнил Сережке, что река у нас узковата и поэтому лучше испытывать змей на озере, хоть оно

и далеко. На это Сережка сказал, что я болен, что у меня обострение тупости. Он спросил, где я найду на озере течение, и изрек, что водяной змей на озере все равно что воздушный змей в безвоздушном пространстве. Потом он обождал, пока я записывал эти вещи в дневник для папы (я всегда ношу дневник с собой, у меня такое правило), а потом мы пошли дальше. И, выйдя на опушку, мы увидели дедушку Сашу.

Тогда мы, правда, еще не знали, что его зовут дедушка Саша и что он брат Вити Куницына. Просто навстречу нам по тропинке шли Витина мама тетя Оля и Витин папа дядя Володя и с ними какой-то пожилой человек. Мы с Сережкой нисколько не удивились, потому что тетя Оля и дядя Володя часто бывают здесь утром, когда остальные взрослые, кроме нас с Сережкой, еще возятся на кухнях с какао и гречками. Они еще совсем молодые, хоть и родились в середине прошлого века. Мама говорит, что тетя Оля очень красивая, хотя мне моя мама нравится больше.

Таких родителей, как у Вити Куницына, больше ни у кого нет. Они совсем разные. Даже удивительно, все-таки родственники. Дядя Володя высокий, белобрысый и очень сильный. У него серые глаза и выдающийся нос, а рот такой, что, когда он закрыт, его и не видно, будто у дяди Володи лицо без рта. А закрыт он почти всегда, потому что дядя Володя разговаривает мало. Еще у дяди Володи совершенно неповторимый лоб, это моя мама заметила. И лицо у него бледное, без всякого загара.

Тетя Оля наоборот. Она родом с Юга. Лицо у нее смуглое, а волосы короткие, вьющиеся, даже темнее, чем лицо. Еще у нее есть большие черные глаза. Сама она тоненькая и на вид совсем слабенькая, хотя Сережка сам видел, как она поднимала пудовую гирю одной левой рукой. И много раз поднимала. Это она утреннюю гимнастику делала. Где-то здесь, в лесу, на этой самой опушке.

Вот такие они, Витины родители, совсем друг на друга непохожие. Похожи они только тем, что оба встают чуть свет, надевают спортивную форму и бегут в лес заниматься утренней гимнастикой, как и все, кто вернулся со звезд. Для послеполетной адаптации, как говорит Сережкин отец. Витя Куницын тоже с ними ходит. Только он гимнастики не делает — ему это не надо, а идет прямо на речку или на озеро. Окунувшись, он сидит на берегу, смотрит на воду и на небо, а потом — хлоп! — выдает точный прогноз на завтра. Причем никогда не ошибается. Так больше никто не умеет, даже Сережкина мама предсказывает погоду только когда она кому-то необходима. Допустим, для урожая нужно, чтобы завтра был дождь. Тогда Сережкина мама говорит: «Завтра будет дождь», — и на завтра действительно идет дождь. Но Сережкина мама не волшебница. Она у него инженер-синоптик.

Витя Куницын, наоборот, ошибается только когда Сережкина мама делает погоду. Если синоптики не вмешиваются, он предсказывает погоду точно. Ведь он родился вдали от Земли и воспринимает природу не как мы. У него свежий взгляд. Сережкина мама уже решила, что, когда Витя Куницын вырастет, он обязательно пойдет работать к ней в бюро погоды. Им такой человек очень нужен, чтобы зря в погоду не вмешиваться и не тратить энергию попусту. Сережкина мама взяла бы Витю на работу хоть сейчас, но он еще маленький, и пока мало знает, и ему нужно долго учиться, как и другим. Хотя, по-моему, Витя Куницын и так знает больше любого взрослого. Да и мы с Сережкой кое в чем разбираемся.

То, о чем я сейчас пишу, называется лирическое отступление. Папа меня учит, что лирическое отступление нужно делать покороче. «Учти, сын, — говорит он, — всякое отступление от темы есть отступление. Наступай, и материал тебе покорится».

Так учит меня мой папа, а он в этих вопросах «профи», как он сам говорит. Профессионал. Поэтому я и перехожу в лирическое наступление.

Мы с Сережкой бежали по тропинке к реке испытывать водяной змей, а на опушке стояли в спортивной форме: тетя Оля и дядя Володя, такие между собой несхожие, и с ними еще один человек, пожилой, но тоже в спортивной форме. Мы их поздравили с добрым утром и побежали дальше. Тетя Оля сказала пожилому мужчине: «Это Витины товарищи», а ответа я не услышал — было уже далеко, и я думал о другом. Я думал об этом незнакомом пожилом мужчине, потому что внешность у него была немного странная, непонятно почему.

Вдруг Сережка остановился, и на лице у него появилось одно очень сильное выражение, означавшее, что он загорается новой идеей. Увидев это, я сразу понял, что испытаний змея сегодня не будет.

Я присел на пенек и стал наблюдать за Сережкиным лицом. Когда он загорается новой идеей, смотреть очень интересно. Сначала на Сережкином лице, как на фотобумаге, проявляется новая мысль, и кажется, что она вот-вот станет очевидной всем без всякого исключения. Что-то вроде телепатии, «псевдонауки номер один», как величает ее Сережкин отец. И он прав, потому что спустя секунду эта почти очевидная мысль, вместо того чтобы стать общедоступной, вдруг исчезает с Сережкиного лица и уходит вглубь, и Сережка начинает изъясняться таинственным шепотом. Новая мысль остается только в его глазах, и теперь они уже ничего, кроме отблеска этой мысли, не выражают.

Загоревшись, Сережка сказал мне таинственным шепотом:

— Этот незнакомый человек... Ты его хорошо разглядел?

— Конечно, хорошо.

— И ничего не заметил?

Я подумал, подумал...

— Что-то заметил, но не понял что.

— А разве ты не заметил, — таинственно сказал Сережка, — как он похож на тетю Олю?

Это Сережка увидел очень точно. Сразу же их лица встали передо мной как живые портреты. Тетя Оля, правда, еще молодая, а незнакомец совсем старый, но волосы у него такие же курчавые, как у нее, только седые. И губы такие же, и цвет лица. Все это Сережка правильно углядел. Только что в этом подозрительного? А вдруг это ее папа?

Я ему так и сказал:

— А вдруг это ее папа?

— Папа? Какой еще папа?

— Обыкновенный папа, — сказал я. — Витькин дедушка.

Сережка немного помолчал. Соображал, как бы меня уязвить поизысканнее.

— Ну что ж, — сказал он наконец, — мысль хорошая. Может быть, это действительно ее папа. Наверняка папа. Очень дельная мысль.

Я на всякий случай кивнул, хотя было ясно, что он меня разыгрывает. Но в таких случаях я не показываю виду. Надо же сделать человеку приятное, особенно если это твой товарищ Сережка.

— Очень дельная мысль. — Сережка задумчиво покачал головой. — Только объясни, будь добр, почему тогда он так похож на дядю Володю?

Сережка сказал это так язвительно, что я снова на пенек сел. И всплыл этот незнакомый старик со дна моей памяти, и рядом с ним дядя Володя. Точно — похожи друг на друга чрезвычайно.

Во-первых, лоб у незнакомца точь-в-точь дяди Володи — такой же высокий, неповторимый. Нос такой же выдающийся. И сам он, наверное, такой же молчаливый...

— Или ты считаешь, что он и его папа? — язвительно сказал Сережка.

Некоторое время мы молча думали.

— Слушай, — предложил я наконец, — пойдем еще раз на них взглянем. Надо проверить. Вдруг мы все это выдумали?

По лицу Сережки было видно, что он в своем уме и в своей памяти уверен. Но все-таки мы пошли назад, на этот раз не по тропинке, а лесом, в обход. Вымокли ужасно, потому что трава мокрая и кусты тоже мокрые от росы. Вот по этим кустам мы к ним и подобралась. Они все трое стояли на тропе и разговаривали. То есть разговаривали тетя Оля и старик, а дядя Володя молчал и подозрительно поглядывал на кусты, в которых мы с Сережкой затаились. Все было точно, память нас не подвела. Сходство так и бросалось в глаза. Мы постояли, посмотрели на них, потом посмотрели друг на друга и тихонько пошли назад. И когда вышли на тропинку, Сережка сказал:

— И вообще. Даже если он их дальний родственник. Ведь дядя Володя с Севера, у него все родственники северяне. А тетя Оля с Юга, и все родственники у нее южане. Не может же он происходить одновременно и с Севера и с Юга.

— Да. Это только Витя родом и оттуда и оттуда, — сказал я. — На то он их сын.

— И никаких пап у них давно нет, — сказал Сережка.

Это точно. Ни пап нет, ни мам. Ведь они почти через сто лет вернулись! Какие тут папы и мамы! Стало мне так грустно, что я даже в дневник ничего не записал.

До реки мы шли молча. Холодно было в мокрых штанах и мокрых тапочках.

На берегу сидел Витя Куницын с влажными воло-

сами, а с ним незнакомый мальчик нашего возраста по имени Коля.

— Здравствуйте, — сказал Витя Куницын. Потом он посмотрел на небо (Солнце уже приподнималось над лесом) и добавил: — Завтра дождь будет после обеда, можешь передать своей маме. Вы там моего братца не встретили?

— Брата? Нет, — сказал Сережка. — Вот родителей твоих видели.

— Он с ними и прогуливается, — объяснил Витя. — Такой седой и курчавый. Его Сашей зовут. Давно они не виделись, лет восемьдесят. А это мой двоюродный внук Колька, сын Сашиной дочери. Они вчера к нам из Антарктиды прилетели.

Никакого змея мы в тот день не испытывали, тем более что Сережка его в лесу потерял, когда мы в кустах сидели. Нам вместо испытаний Коля про Антарктиду рассказывал. Мы с Сережкой ни разу в Антарктиде не были. Там Колины родители работают. И дедушка Саша, Витин брат, которого мы встретили, тоже там работает, хоть и старый. Но он еще крепкий и поэтому тоже работает.

Дедушка Саша, как выяснилось, первый сын тети Оли и дяди Володи. Он родился еще до полета. Витя Куницын рассказал, что это теперь нас воспитывают родители, а раньше это делали специальные воспитатели в специальных интернатах, куда детей отдавали совсем маленькими. Поэтому тетя Оля и дядя Володя не могли взять с собой своего первого сына Сашу и оставили его на Земле в интернате, а сами улетели на звездолете разведывать другие миры. А их сын Саша постарел на восемьдесят лет, стал дедушкой Сашей и теперь прилетел из Антарктиды, чтобы Витиным родителям было легче привыкать на Земле.

Мы еще долго слушали про Антарктиду, а потом разошлись по домам, договорившись наавтра встретиться. Когда я пришел домой, папа пил какао и ел

гренки, а мама уже ушла, ее срочно вызвали на работу. Всю эту историю я еще не успел записать в дневник и рассказал ее папе по памяти, пусть он ее куда-нибудь вставит, мне не жалко. Он выслушал меня очень внимательно, все время морщил лоб, несколько раз переспрашивал, а потом долго думал, листал какие-то справочники, разговаривал с кем-то по стереофону и в конце концов сказал, что точно, есть такое явление в теории относительности, оно называется «парадокс близнецов». Явление заключается в том, что если кто-то улетит куда-нибудь на звездолете с большой скоростью и потом вернется на Землю, то почти не постареет, а его родственники, которые остались на Земле, могут даже умереть от старости. А парадокс состоит в том, что моему папе в это трудно поверить. Папа добавил, что эта идея любопытна, но вставить ее никуда не удастся, потому что она давно использована, а читателю нужны мысли достаточно свежие и совершенно безумные.

Потом папа пошел в кабинет работать, то есть изобретать свежие безумные идеи, а я наделал себе пирожков с капустой и сел решать задачки по теоретической физике. Я немного увлекся и опомнился только когда мама позвала обедать. За обедом я все ей рассказал (а папа не обедал, он выдумывал безумные идеи), и она ни в какие справочники не стала заглядывать, а просто погрустнела и сказала печально: «Несчастные матери». Даже непонятно, кого она имела в виду, потому что я ей о матерях не рассказывал, а только о дедушке Саше и о Вите Куницыне.

Ночью мне приснился сон, будто я уже старенький и с бородой, а папа бежит по лесу в коротких штанишках, мокрых от росы, и что-то записывает в дневник. Я его за это учу уму-разуму, а он сердится и говорит, что эта идея недостаточно свежая и совсем не безумная.

На другой день мы вчетвером снова встретились

на реке. Перед встречей мы с Сережкой видели в лесу тетю Олю и дядю Володю. Вели они себя странно: тетя Оля молчала, и губы у нее были даже больше, чем обычно, а дядя Володя говорил что-то тихое и неразборчивое, но, увидев нас, тоже умолк. Витя Куницын, когда мы пришли к нему на берег, объяснил, что это его родители ссорятся. Они часто ругаются между собой, у них такая привычка. Тогда мы поговорили о привычках взрослых и нашли, что они у них очень нерациональные.

Я сказал, что, когда ссоримся мы с Сережкой, мы почти не ругаемся. Просто он идет в одну сторону, а я в другую. Например, по домам. И мы какое-то время отдыхаем друг от друга, пока не помиримся. И конечно, мы никогда не ругаемся. Почему взрослые так не могут? Они почему-то кричат друг на друга и молчат только когда дети рядом. Вернее, когда они видят, что дети рядом. Когда они этого не видят, они такие слова произносят, что гораздо лучше бы им разойтись по домам и немного отдохнуть друг от друга, пока не помирятся.

Сережка на это сказал, что рассуждать легко, но взрослым трудно понять друг друга, они ведь разные люди. И как быть, если двое живут несколько лет в кабине звездолета? Разойтись в разные стороны они не могут. Что им делать? Надевать скафандры и выходить в открытый космос, чтобы отдыхать друг от друга? Вскоре у них поневоле возникнет привычка ругаться. Без ссор ведь тоже не обойдешься.

Тут я сказал, что без ссор обойтись можно; в результате мы едва не поссорились. А Витя Куницын обиделся за своих родителей и сказал, что это только мы с Сережкой можем разойтись по домам. Родители — мои, например, или Сережкины — этого лишены. Дом у них один, и он еще меньше звездолета.

Сережка возразил: у его родителей есть работа, и

каждый из них может отдыхать от другого на работе. Все-таки это лучше, чем в открытом космосе.

Словом, Сережка с Витей Куницыным тоже чуть не поссорились, но потом Сережка сказал, что непедagogично ругаться при детях. Он имел в виду Витино-го внука Колю. Но Коля обиделся и попросил Сереж-ку не задаваться: они с Сережкой родились в одном году и в одном месяце, и Коля даже на три дня рань-ше. А если уж Сережке необходимо неравенство, пусть обращается с Витей не как с ровесником, а как с пожилым человеком, потому что Витя-то точно ро-дился на семьдесят лет раньше.

Витя Куницын сказал, что возраст ничего не зна-чит. Например, его брат Саша всегда мирит родителей, дает ценные советы и наставляет их на путь истин-ный. Советы эти ценные в том смысле, что тетя Оля и дядя Володя эти советы ценят и всегда к ним при-слушиваются. Тут мы все сразу помирились и начали мечтать, что как было бы здорово, если бы и мы учи-ли своих родителей уму-разуму. Мы долго мечтали и решили, что несправедливо, когда происходит наобо-рот, и что дедушка Саша счастливый человек, раз тео-рия относительности и парадокс близнецов позволяют ему давать ценные советы своим родителям.

Потом мы все искупались, потому что солнце под-нялось высоко и стало жарко, а потом грелись на бе-регу с мокрыми волосами, а Сережка увидел бабочку и начал ее ловить, но только вспугнул. После бабочки он вспомнил про свой водяной змей и сказал, что не-плохо бы половить рыбки и что он даже помнит, где потерял змей, но что ему лень за ним идти. Тогда я вызвался добровольцем; я больше люблю лес, чем воду. Я оставил их втроем и пошел искать. Ничего я не нашел, но хорошо погулял, а когда вернулся, на берегу сидел один Сережка с таким видом, будто опять загорелся новой идеей.

Он сказал, что думал о генетике и о взаимопони-

мании. Он придумал, что дедушка Саша похож на родителей не только внешне, но и внутренне. Тем не менее найти у них понимание ему непросто. Ведь если он сильно похож на тетю Олю, то это еще не значит, что ей легко его понять. Ведь он так же сильно похож и на дядю Володю. Поэтому тете Оле понять дедушку Сашу не легче, чем дядю Володю. И дяде Володе по этой причине тоже очень трудно понять дедушку Сашу; вообще разным людям понять друг друга бывает сложно. И никакие родители своих детей полностью не понимают, потому что даже друг друга понимают с трудом. А если ты не понимаешь человека, то как же можно учить его уму-разуму и наставлять на путь истинный?

Другое дело дети, сказал Сережка. Вот дети понимают своих родителей по-настоящему. Если Сережка похож на свою маму, то это не только внешнее сходство. Он похож на нее внутренне: все, что есть в ней, есть и в нем, он все это унаследовал. И еще в Сережке есть все, что есть в Сережкином папе; все отцовские качества присутствуют и в Сережке. Сережка унаследовал все качества своих родителей и поэтому прекрасно понимает обоих.

И опять вспомнил про дедушку Сашу. Сережка сказал, что тот учит тетю Олю и дядю Володю уму-разуму не просто потому, что он старше. Если бы только это, то у него ничего не получилось бы. Но он их сын, он унаследовал все их качества и прекрасно понимает обоих. Поэтому он столь успешно и наставляет их на путь истинный. В принципе все мы должны делать то же самое со своими родителями. Ведь, кроме нас, никто их, бедных, до конца не понимает.

Я с Сережкой согласился, но он увлекся и произнес большой монолог. И решили мы учить наших родителей уму-разуму.

Потом пошел дождь, который вчера предсказал

Витя Куницын, и мы побежали домой. Дома я рассказал все папе и маме, и они внимательно меня выслушали. А когда я заявил, что теперь моя очередь наставлять их на путь истинный, мама ушла в другую комнату и долго там что-то делала: то ли плакала, то ли смеялась. А папа подумал-подумал и сказал, что мысль вроде бы свежая и достаточно безумная, только я еще должен поднабраться жизненного опыта. А пока у меня опыта нет, сказал папа, он эту мысль куда-нибудь вставит с моего разрешения.

Жалко ведь, когда такая хорошая идея пропадает напрасно.

ЧЕЛОВЕК С ПУСТОЙ КОБУРОЙ

Мы познакомились в порту. Внизу, за стеклянной стеной, делившей мир надвое, расстилались поля космодрома. Рейс задерживался, взять детектив я забыл и скучал в одиночестве. Публика подобралась обычная — человек двадцать туристов, их сопровождающий и толпа командированных вроде меня. Поговорить не с кем, послушать некого. И вдруг в зале появился совсем другой человек.

Таких видно издалека. Разумеется, опытным глазом. Он был разведчик дальнего космоса или кто-нибудь в этом роде.

С его пояса свисала огромная желтая кобура. При ходьбе он слегка прихрамывал на левую ногу. На лице, покрытом неровным космическим загаром, красовался большой белый шрам в виде ущербной луны. Словом, это был старый космический волк при всех регалиях. Из такого человека, как я неоднократно

но убеждался, можно выудить самую невероятную историю.

Он взял в автомате кофе и сел за мой столик. Рыба, если можно так выразиться, шла на крючок сама. Я мысленно поплевал на воображаемого червяка и тут же забросил удочку:

— Откуда у вас такой замечательный шрам?

— Хоккей, — объяснил он. По его галактическому загару стекали узкие струйки пота. — В юности я увлекался хоккеем.

— Стояли в воротах?

— Сидел на трибуне. — Он тронул белый шрам пальцем. — Ничто его не берет. Хоть гримом замазывай. Сорок дней загорал на море — все без толку.

Я терпеливо ждал, как и подобает настоящему рыболову.

— На море мне не понравилось, — сообщил он. — Камни острые, скользкие. Вчера полез купаться, упал, ушиб ногу.

Он осторожно пощупал левое колено.

— До сих пор больно. И жара там, на море, почти как здесь.

Он расстегнул свою огромную кобуру. Порывшись в ней, извлек мятый платок и вытер лицо.

Многие на моем месте решили бы, что рыбалка пропала и что пора в некотором смысле сматывать удочки. Но я не из тех, кто так легко отступает.

— Вы разведчик дальнего космоса? — спросил я.

— Да. Пилот десантного зонда.

— Но где же тогда ваш пистолет?

— Излучатель? — Его взгляд скользнул к желтому футляру. — Собственно, в первую очередь это инструмент. Если нужно что-то прожечь, пробить отверстие, вырыть колодец. Еще это сигнализатор и реактивный двигатель.

Он замолчал.

— Но и оружие, — сказал я. — Все равно: где он?

— Ну, это долгая история. — Он наконец кивнул. — Если хотите...

— Конечно, — сказал я. — Ничего, если я возьму еще кофе?

Он кивнул. Когда я вернулся от автомата, он вполне созрел. Я не успел сесть, а он начал рассказ.

— Это случилось после встречи с кораблем Пятой культуры. В том сезоне мы работали в одном шаровом скоплении. Скучное место. Звезды похожи, да и планеты. Жизнь не встречалась нигде.

— Почему?

Он усмехнулся.

— Спросите биологов. В скоплениях слишком светлые ночи, суточные ритмы ослаблены. А жизнь основана на контрастах. Так говорят. Да. Ну а потом мы наткнулись на звездолет Пятой культуры.

— Сразу Пятой? — спросил я. Он кивнул.

— Сначала мы решили, что это астероид. Больно уж он был велик — шар диаметром километров десять. Но именно шар. Это был корабль одной из исчезнувших цивилизаций — Пятой галактической культуры, брошенный экипажем миллионы лет назад. Этакая космическая «Мария Целеста».

Он замолчал, и я спросил:

— А почему команда покинула корабль?

— Не знаю. Возможно, она никуда и не уходила. Через миллион лет строить догадки глупо. Мы начали готовиться к высадке. Никто нас не заставлял. Мы разведчики, мы нашли корабль. Остальное не наше дело. Но смешно, если бы мы сразу ушли. Продолжать съемку планет? Дико было бы.

Вскоре мы, десантники, уже шагали к своим судышкам. Настроение приподнятое, как на Олимпиаде. Это своего рода спорт — кто первым проникнет в корабль. В звездолетах Пятой культуры несколько

входных тамбуров, но корабль велик. Сто тысяч гектаров полированного металла, и где-то затерян вход. Ориентиров нет. На каждого из нас приходилась площадь побольше этого космодрома. Вот и ищи. Мы разошлись по ангарам и стартовали.

Наверное, со стороны это выглядело эффектно. Две колоссальные машины среди пустоты, и вдруг одна бросает в другую пригоршню светящихся точек. «Моих друзей летели сонмы...» Возможно, так сравнивать пошло, но для другого мира ты всегда бог, нисходящий на землю. И мы мчались наперегонки к чужому кораблю, как стайка богов, покинувших Олимп в поисках развлечений. Так это выглядело. Ну а в действительности это работа.

— И очень опасная, — вставил я.

— Да. Но группа скоро распалась, и я остался один на один с космосом. Силуэт нашего звездолета сжимался за кормой зонда, открывая звезды шарового скопления. Незабываемое небо.

— Это естественно.

— Почему?

— Будь оно другим, вы бы о нем не помнили.

— Вы правы, — сказал он невозмутимо. — Оно именно такое. Даже не скажешь, что черное, так много звезд. И все крупные, яркие. Не небо — застывший фейерверк. И только тень нашего корабля сжимается за кормой, да впереди вспухает пятно. Черное, круглое. Это я приближаюсь к чужому. Моих товарищей, конечно, не видно. Нет их. Скорость небольшая, самолетная. Ощущение, будто все застыло, да и время почти стоит.

Но потом оно вновь появилось. На последних километрах. Чужой корабль закрывает полнеба, зонд тормозит — то ли посадка, то ли швартовка...

И вот я уже стою рядом с зондом в центре плоской равнины. Корабль-то круглый, но большой. Такой, что выпуклость не ощущается. Стоишь на плос-

кой равнине, до горизонта метров сто или двести. Над головой звезды. Под ногами тоже звезды, только размытые. В обшивке отражаются, а она матовая, металл немного изъеден. Когда видишь это, понимаешь, что время состоит из событий. Каждое пятнышко на обшивке — это след столкновения с пылинкой. Происходят такие встречи, скажем, раз в минуту. А сколько минут в миллионе лет? Столько, что обшивка сплошь матовой стала. Я стою размышляю над этим, и нужно куда-то идти. И немного жутко. Старый звездолет похож на замок с привидениями. Страшные истории рассказывают об этих кораблях.

— Что вы имеете в виду? — прервал я его. — Звездолет был мертв, вы сами об этом сказали.

Он тронул пальцем шрам на лице.

— Нет. Жизнь всегда остается. Такой звездолет — это целая искусственная планета. Своя атмосфера, своя флора, своя фауна. Там живут не только микробы. Центр корабля занят оранжереями. Но это не заповедник прошлого. Жизнь на покинутых кораблях миллионы лет развивается без помех. Эволюция идет зигзагами, плодит чудовищ. Так говорят. Кстати, не будь этого, наша находка не представляла бы интереса.

— Почему?

— Кораблей Пятой культуры найдено много. Они почти одинаковы. Но эволюция на каждом из них шла по-своему, и биологи каждому радуются. Я стоял на поверхности корабля, не зная, где искать вход. Пошел наугад, и мне повезло.

— На вас напали чудовища?

— Нет. Просто я посадил зонд в нужное место. Всего через несколько шагов металл подо мною задрожал. Ускорений не ощущалось, но звезды исчезли, стало темно.

Потом вспыхнул свет. С трех сторон меня окружали слепые стены. Четвертая была прозрачной.

Собственно, дальше я мог не идти. Нашу маленькую олимпиаду я и так выиграл. Чтобы вернуться, достаточно было остаться в подъемнике, и он вынес бы меня наверх. Но ждать я не стал. Торопясь, чтобы лифт не ушел, я шагнул внутрь корабля сквозь прозрачную стену.

— И на вас напали чудовища?

Он поморщился.

— Я вынул из кобуры излучатель и шагнул внутрь. План звездолета я знал. Все входы соединены туннелями с рубкой управления. Раньше я много читал о навигационных приборах Пятой культуры. Да и очевидцы рассказывали. Мне хотелось увидеть это своими глазами. Профессиональное любопытство, если угодно. До рубки было километра полтора. Воздуха в скафандре оставалось на два часа. Стены туннеля, слегка загибаясь, уходили вдаль. Странные стены. Там ветерок дул вдоль туннеля — слабенький, почти неощутимый. Вентиляция или просто сквозняк. Но за миллионы лет он такое сделал за стенами — никогда не поверил бы, если бы кто рассказал. Он все скруглил, загладил все неровности. Отполировал стены до блеска.

В общем, там было чисто и светло. Я вложил излучатель в футляр, защелкнул крышку. Возможно, не так уж страшны эти старые звездолеты. Никакого движения не замечалось даже в боковых коридорах — дорогах в глубь корабля. Я шел и размышлял о разных вещах. В основном о том, как попроще представить себе миллион лет. Задумавшись, я не заметил, как обстановка в туннеле изменилась. Стало темнее, от сглаженных выступов потянулись длинные тени. И моя собственная тень извивалась впереди, на магнитном полу и стенах. Я брел неизвестно куда. Справа зияли отверстия боковых ответвлений. Незащищенный, я шагал по открытому месту, а из узкой черноты нор за мною кто-то следил.

Это было как наваждение. От тишины, полумрака, ритма шагов... Я остановился. Но впереди, сливаясь с моей тенью, шевелилось что-то черное, длинное.

Как толстая слепая змея, оно двигалось там, неуклюже тыкаясь в стены. Оно меняло форму у меня на глазах, а потом размеренно закружилось, становясь вывернутым наизнанку смерчем с нацеленной на меня глубокой воронкой. Вращение замедлялось.

Отступать я не привык. Я вновь расстегнул кобур и приблизился к черной воронке.

Она уже не вращалась. Как чья-то симметричная пасть, она застыла поперек туннеля, и ее края сливались с его стенами. По внутренней поверхности воронки бежали концентрические волны.

Я стоял перед ней неподвижно.

Черные волны сходились в центре воронки, утихая. Я заметил, что воронка мелеет. Она распрямлялась, становясь гладкой мембраной, отделявшей меня от цели.

Я торопился, но время и кислород у меня еще были. Я стоял неподвижно. Мембрана была упругой, кто-то наделил ее простейшим из инстинктов... вы знаете, о чем я... Время от времени она вздрагивала, словно чего-то ждала.

Я положил руку на излучатель.

Мембрана напряглась, стала заметно тверже.

Я снял руку. Мембрана снова расслабилась. Стояла, боязливо подрагивая, и почему-то напомнила мне собаку. Бездомную собаку, ждущую, чтобы с нею заговорили.

Она загоразживала мне путь, но я к ней хорошо относился. Время у меня пока было. Я сел перед нею на гладкий вогнутый пол.

«Я тороплюсь, — сказал я ей. — Мне хочется попасть в рубку, и у меня мало воздуха. Ты меня понимаешь?»

Казалось, она внимательно слушает.

«Пусть это прихоть, — сказал я, — но мне очень хочется там побывать. Пропусти меня, пожалуйста».

Она заколебалась.

«Пожалуйста, пропусти меня в рубку», — еще раз попросил я.

Задрожав, она медленно расступилась. И я пошел дальше.

— А пистолет? — напомнил я, когда он замолчал. — Куда он делся? Вы обещали...

— Да, — сказал он неопределенно, — потом я оказался в рубке. Я долго пробыл там, разглядывая диковинные приборы, назначение которых знал из книг. Самым любопытным был шар в центре рубки. Специальной тонкой иглой я прокалывал в нем отверстия, и против них на сферических стенах загорались звезды, как изображение в планетарии. Если бы я нарисовал на шаре настоящее звездное небо какого-нибудь района, корабль немедленно перенес бы меня туда. Но вероятность случайного совпадения ничтожна, и я мог забавляться сколько угодно. Вдруг в разгаре своих занятий я обнаружил, что прошло уже больше часа и что нужно срочно возвращаться к зонду, если я не собираюсь остаться здесь навсегда. Я побежал к зонду.

— Понятно. — Разумеется, я был разочарован. — Короче, вы оставили пистолет в рубке.

— К сожалению, нет. В туннеле я снова наткнулся на мембрану. Она ждала меня, виляя несуществующим хвостом. Мы хорошо относились друг к другу. Казалось, все было как в прошлый раз. Но вы понимаете, что ситуация изменилась.

«Пропусти меня, пожалуйста, — сказал я ей. — Я очень тороплюсь».

Она уловила нетерпение в моем голосе и заколебалась.

«Пожалуйста, пропусти», — еще раз попросил я. Она напряглась, стала плотнее.

«Пропусти», — повторил я. Спокойно, как мне казалось.

Она сделалась еще тверже. Я ее понимал, но у меня не было времени. Я уже ничего не мог с собой поделать.

«Немедленно пропусти меня! — крикнул я. — Ты меня слышишь?»

Она дрогнула, подалась назад, уплотнилась и стала глухой, как стена крепости.

— И вы...

— Да, — сказал он. — Если бы у меня не было излучателя, все было бы по-другому. Я нашел бы нужные слова. Но...

Он замолчал, потом сказал:

— С тех пор у меня не было случая, чтобы оружие было действительно необходимо. Это естественно. По-моему, оружие есть орудие зла и еще то, чем борются с вооруженным злом. Но даже войны, о которых никто давно не вспоминает, выигрывались не только оружием. Тем не менее у вас на поясе висит «универсальный инструмент», который, как вы правильно выразились, «и оружие тоже». Ясно, что продолбить дырку можно не только в стене. Вы им пользуетесь, потому что оно у вас есть. Только поэтому. Вы никогда не охотились?

— Нет.

— Жаль, — сказал он. — Вы бы поняли лучше. Когдаходишь в лес с ружьем, все меняется. По-другому реагируешь на все: на звуки, запахи... И смотришь не так, и идешь иначе, и думаешь. Словом, ты другой человек. Понимаете?

Потом он сказал:

— И наоборот — без оружия ты тоже другой человек.

Он ушел, а через полчаса объявили рейс на солнечную систему, и я в толпе других двинулся на посадку.

ТЕРМИНАТОР

1

Кто будет его компаньоном по дороге к Европе, Двинский узнал за три дня до вылета, когда начальник сказал:

— Скучно тебе не будет. Полетите с компьютером.

— С кем? — удивился Двинский.

— С компьютером. На Европе нужны не только специалисты. Компьютер, с которым ты полетишь, необычный. Самая последняя модель. Заодно его собираются лишний раз испытать. Да сам увидишь.

Оставшиеся три дня Двинский не вспоминал об этом разговоре. Он прощался с Настей. Вечером накануне вылета сказал ей:

— Теперь две недели я буду думать о тебе, и никто мне не помешает.

— Разве ты летишь один?

— Не считая компьютера.

— Бедный. Роботы добрые, но бесчувственные. Затоскуешь. Ведь правда?

— Нет, — не согласился Двинский, — со мной будешь ты.

Наутро он был на космодроме. Европа не только часть света. Еще это спутник Юпитера: там филиал института. Рейсовый караван малой тяги ходит к Юпитеру раз в год — полгода туда, полгода обратно. В другое время пользуются экспрессами — сжатый объем, никакого комфорта и грандиозные энергетические затраты. Но ожидание дороже.

Аэровокзал. Граница Земли и неба. Две группы — улетающие и провожающие. Насти не было,

так договорились. Грустно, когда провожают. Еще грустнее провожать... даже если на время.

На орбите Двинского ждали. Не каждый день кто-то стартует к Юпитеру, тем более на экспрессе. Проводили в ангар. Экспресс без разгонного блока был мал, вроде бескрылого истребителя.

У открытого люка Двинский попрощался с провожатыми. В который раз выслушал последние инструкции — как вести себя при взлете и особенно при посадке. Потом поднялся по лесенке в кабину и опустился в кресло перед пультом управления.

Створки сошлись, отгородив Двинского от людей.

2

— Здравствуйте, — произнес голос. — Двинский Владимир Сергеевич, ведь правда?

Голос звучал ровно, бесцветно, как у обычного автомата. Но слова были другие. «Ведь правда?» — Настя тоже всегда так говорит. Удивительно: ты прощаешься с женщиной и приходишь к машине, и слова, сказанные машиной, те же, что произнесла женщина при прощании. Философский смысл: машина связана программой с будущим, человек связан памятью с прошлым. Прощание с человеком — аналог встречи с машиной. И поэтому одинаковые слова? Чужь какая-то!

— Здравствуйте, — ответил Двинский.

— Теперь приготовьтесь, — сказал голос. — Скоро старт. Вы не боитесь одиночества?

— Нет.

— Правильно. Есть вещи, которые сначала надо пережить. Ну ладно. Две недели я буду для вас всем — и пилотом и собеседником. Еще буду о вас заботиться. Вместо мамы. Или девушки. У вас есть девушка, ведь правда?

— Невеста.

— Видите, Володя, я умею угадывать. Вы разрешите называть вас так? Вам тридцать, я немного старше. Но мы почти ровесники. Как вам нравится предложение?

— Нормально, — сказал Двинский. — А в каком смысле мы ровесники?

— Это долгая история, — бесцветно сказал компьютер, — но впереди у нас две недели. Вашей невесты здесь нет, и позаботиться о вас некому. Кроме меня. Поэтому застегните ремни. Мы отлетаем. Можете курить, хотя это запрещено. Мне дым не мешает. Если возникнет пожар, мы с вами его потушим.

— Не курю.

— Вот и чудесно, — произнес компьютер. — Дым мне не вреден, но он плохо пахнет. И тушить пожары мало приятного.

— Действительно радость небольшая.

— Вы умный, Володя. Все понимаете. Ну ладно. Вы уже пристегнулись? Прекрасно. Сейчас отлетаем.

3

Перегрузки были небольшие и не доставляли ему неудобств. В этом прелесть старта с орбиты. Перегрузки слабые, но длительные. При взлете с Земли все наоборот.

Легкий толчок сообщил, что разгонный блок отделился и, сменив траекторию, идет на приемную базу.

— Ускоритель отошел. Приготовьтесь к невесомости.

— Готов, — сказал Двинский.

— Хорошо. Вы как ее переносите?

— Неплохо.

— Славно, — сказал компьютер. — Я читал, многие боятся. Сам я этих чувств не испытываю. Кстати, как вам нравится выражение «испытатель чувств»? Тот, кто испытывает разные чувства. В этом смысле каждый из нас испытатель...

Из-под Двинского выдернули кресло. Он падал на пол. Но падение затнулось, и Двинский разумом осознал, что кресло на месте, он все еще к нему привязан. Ничто никуда не падало. Невесомость.

— Вероятно, это забавно, — сказал компьютер. — Я читал, что из-под тебя будто выдергивают кресло. Но это быстро кончается, если ты тренирован.

В свое время Двинский тренировался достаточно. Он надавил кнопку на подлокотнике; ремни, скользнув, исчезли. Двинский придерживал кресло, чтобы оно никуда не уплыло. Да, непривычно.

— Никакого комфорта, ведь правда? — сказал компьютер. — Обедать, к сожалению, рано. Что будете пить? Есть чай, кофе, разные соки...

— Я бы предпочел кофе, — сказал Двинский.

— Правильно. Когда я был человеком, — сказал компьютер, — я тоже предпочитал кофе.

4

Шли вторые сутки полета. Двинский, разговорившийся было с компьютером, теперь избегал бесед. Последняя фраза его обескуражила. «Когда я был человеком». Шутка конструкторов? Нет. Что-то жуткое было в словах компьютера, будто на Двинского повеяло холодом из чужого, скрытого прошлого. «Когда я был человеком...»

Вечером компьютер сказал:

— Вы зря стесняетесь. Не думайте, что меня мож-

но обидеть. Не думайте, что я о чем-то жалею. Все считают, что я лишь потерял. Потерял что-то большое, а приобрел немного. Наоборот. Я почти ничего не потерял, а приобрел очень много. Мозг, очищенный от эмоций, чистое мышление без примеси унижающих человека страстей... Спрашивайте, я отвечу на ваши вопросы.

Он умолк. Двинский тоже молчал. Он уже понял: его спутник киборг — кибернетический организм, человек, сращенный с машиной. Такие уже сто лет разгуливали по страницам романов. Но что они есть в действительности, Двинский не слышал.

— Собственно, я киборг, — продолжал невидимый собеседник. — Знакомое слово?

— Да.

— Но вы не знали, что оно произносится с ударением на «и». Наверняка ударяли на «борг».

— Да, — сказал Двинский.

Вот она, человеческая трагедия. Теперь ему важно одно: правильно расставить ударения.

Впрочем, зачем трагедия? Если человек на это пошел, то добровольно. Как он сам признает, его положение ему нравится.

— С Европы меня высадят на Юпитер, — продолжал невидимый собеседник. — Представляете? Разве это не чудо? Я буду работать там, где побывали только роботы. Под вечно бушующей атмосферой, на дне океана газов. Один во веки веков. Это прекрасно, ведь правда?

Двинский молчал.

— Для вас, наверное, все равно, что я, что робот, — сказал его собеседник. — Вы в чем-то правы. Все правы. Только не думайте, что я об этом мечтал, что добровольно пошел на это. У нас впереди много времени, и вы все узнаете, если захотите слушать.

— Смерть — это одиночество. Вы ни разу не умирали. Никогда не ощущали, как замедляется и останавливается время. Вечность проходит в этом состоянии — больше чем за всю остальную жизнь. Но интересно ли вам это? Или я зря стараюсь?

— Наверное, интересно, — помедлив, сказал Двинский. — Ведь этого и вправду почти никто не испытывал. Точнее, некому об этом рассказать.

Разговор происходил, естественно, в той же кабине, там же, если забыть, что за ночь экспресс переместился на много миллионов километров. Собственно, Двинский ни о чем не спрашивал киборга. Как обычно, тот вел разговор сам.

— Это коллапс времени, — сказал киборг. — Вы и все остальное оказываетесь в разных временных рядах. В субъективном времени смерти нет, ибо по другую ее сторону нет сознания. Мир же проскакивает мимо. Реальна только чужая смерть, собственной для индивидуума не существует.

— Это удобная теория, — сказал Двинский. — Думаю, многие с нею согласятся, если вы всем это расскажете. Приятно чувствовать себя бессмертным, пусть даже в собственном времени.

— Ну, бессмертие в застывшем мире не так уж сладостно. Но бояться смерти не стоит. Вселенная останавливается в сознании умирающего точно так же, как для вселенной застывает коллапсирующая звезда. Знай я это раньше, меня бы тут не было. Правда, мой выбор оказался лучше, чем я полагал. Теперь, как видите, я понял массу вещей. Вы не представляете, насколько это мощный инструмент — мой теперешний мозг. Впрочем, возможности человеческого воображения ограничены.

— А ваши? — спросил Двинский.

— Я другое дело. Ведь то, о чем я сейчас гово-

рил... Я этого не испытывал. Все было спокойнее. Несчастный случай, я без сознания. Потом прямо на столе мне предлагают выбор: или — или. Не смерть мне предлагали, конечно. Но... Жизнь калеки почему-то всегда меня утешала. Тогда я решил, что пусть уж лучше вообще ничего не будет, никакой оболочки. Незадолго до этого я разошелся с женой. Под ее влиянием, наверное, и родилась у меня эта мысль. Ты, говорила она, добрый, но бесчувственный. Как робот. Тебе только компьютером быть.

6

— Жизнь у нас не сложилась, — рассказывал киборг. — Мы были женаты пять лет. Я ее любил, но был слишком ревнив. Это сейчас я понимаю, что слишком. Тогда мне казалось, что это она чересчур легкомысленна.

— Казалось?

— Конечно, — сказал киборг. — Она была очень красивая, умница... Естественно, пользовалась успехом. Ну а на меня иногда находило. Говоря кратко, я был готов убить каждого, кто осмелился хотя бы подойти к ней. Дикая это штука — ревность. Внутри возникает тревога, пустота, а потом эту пустоту затопляет что-то черное из глубины. И ты уже совсем другой человек. И ты совершаешь поступки, о которых потом жалеешь. И как жалеешь! Но ты сам убиваешь все... Постепенно совместная жизнь становится невыносимой, и остается только один выход.

— Что вы имеете в виду?

— Развод, — объяснил киборг. — Конечно, это было нелегкое решение для нас обоих. Переживал я ужасно. И она, как я думал, тоже. Но всего через несколько дней — представьте себе это! — еду куда-то по делам, а она стоит на тротуаре. Не одна. Стоит с

мужчиной, и оба смеются. Вот здесь на меня опять накатило. И понесло куда-то за город, а очнулся я уже на хирургическом столе...

Киборг помолчал, потом заговорил снова:

— Да, ревность — дикая вещь. Теперь я многое понимаю. Если бы в моей власти было вернуть те времена, все было бы по-другому. Нельзя смотреть на женщину как на собственность. Я сто раз клялся ей, что это не повторится. И себе клялся. Но все повторялось.

— Вы уверены, что действительно любили? — помолдав, спросил Двинский.

— Конечно. Уверен, и она любила. Она ведь такой же человек. Конечно, любила. По-своему, разумеется. Она об этом почти не говорила, но есть вещи, которые ты знаешь сам. Ведь правда?

— Пожалуй, — согласился Двинский.

7

Со старта прошла неделя. Заполненная разговорами с киборгом, она пролетела незаметно. Экспресс проходил пояс астероидов. Пояс традиционно считался зоной повышенной метеорной опасности. По сравнению с другими районами солнечной системы вероятность столкновения действительно повышается здесь в тысячи раз, но все равно остается ничтожной.

— Можно, я сам сварю себе кофе? — спросил Двинский.

— Вам не нравится мой метод?

— Нравится. Но я никогда не варил кофе в неведомости. Сейчас мне кажется, что вы варите его почти так, как кое-кто на Земле. Возможно, когда я сам его сварю, вам мне понравится еще больше.

— Действуйте, — сказал киборг. — Правда, это не по правилам. Мы в поясе астероидов, и пассажи-

рам полагается сидеть по местам. Могут быть ускорения, толчки. Экспресс уходит от метеорита, а вы влетаете во что-нибудь головой. Но что нам правила? Не можете же вы сорок часов подряд не вставать с кресла.

Двинский возился у кухонного автомата. В принципе экспресс мог нести в себе пять человек. Сейчас четыре кресла сняты и места достаточно. Кухонный автомат размещался позади, справа от кресла Двинского. Рядом с автоматом был иллюминатор. За прозрачным стеклом начиналась пустота, заполненная чернотой неба. Окно в черноту, посыпанную мелкими звездами, как порошок кофе с сахаром перед тем, как его заваривать по-турецки.

Как это делается в невесомости? Очень просто, Настенька. Элементарно, любимая. Жидкость слегка намагничивается. Или электризуется. Это раз. Джезва тоже электризуется. Или намагничивается. Это два. Теперь это уже не джезва, а магнитная ловушка. Магнитная чашка. Сейчас мы будем пить кофе по-турецки из магнитных чашек...

Джезvu вырвало из рук Двинского. Самого его бросило вперед мимо иллюминатора, головой к пульту управления. Но он не ударился о пульт. У самого пульта его подтормозило, остановило, поставило на ноги. Потом его бросило в кресло. На этом неприятности завершились.

8

Двинский осматривал кабину. Немного кофе, две маленькие чашки. Но кабину испачкало основательно. Теперь он с тряпкой в руках ползал по полу, отмывая кофейные пятна. Киборг ему помогал.

— Должны быть две лужи в углу. Правильно. Еще правее.

— Точно, — сказал Двинский, снимая пятно тряпкой. — Как вы их находите? Разве у вас есть глаза внутри кабины?

— Нет, — сказал киборг. — Они глядят во вселенную. Но у меня есть инерционные датчики.

— Вы хотите сказать, что реагируете на смещение центра масс?

— Естественно.

— На смещение из-за пролитого кофе?

— Почему нет?

— Нужна потрясающая точность.

— Что вы знаете о моей точности?

— Ничего, — сказал Двинский. Он нашел второе пятно в углу. — Нет, нет, нет. Я ничего не знаю. Но каждый сравнивает с собой. И еще — как вам удалось сманеврировать так, что я очутился в кресле? По-моему, вы спасли мне жизнь.

— Не стоит благодарности. Нам угрожал метеорит. Есть множество траекторий, уводящих экспресс от опасности. Бесконечное множество. Оно содержит бесконечное подмножество траекторий, на которых инерционные силы бросают вас в кресло. Что остается? Выбрать путь, оптимальный по какому-либо параметру. Например, по величине ускорений.

— Но ведь это очень сложная вариационная задача! — воскликнул Двинский. — Ее нужно решить, и практически мгновенно! Разве это возможно?

— Почему нет? — сказал киборг. — Если решение однозначно, процесс его нахождения сводится к переводу. Это чистая лингвистика. Вы переводите задачу с языка начальных условий на язык решений. Естественно, все переводят с разной скоростью.

— И вы быстрее всех?

— Нет, — сказал киборг. — Как пишут в анкетах, я владею обоими языками в совершенстве. Мне не нужно переводить. Если задача поставлена, я сразу знаю решение.

— Слова-то я понимаю, — сказал Двинский. — Впрочем, если вы делаете такие вещи инстинктивно, как я перехожу улицу, мне очевидна и суть. Только почему я не оказался в кресле вверх ногами? Впрочем, для вас это тоже просто.

— Естественно, — сказал киборг. — Я могу придать вам любое положение относительно кабины. Могу усадить в кресло, прижать лицом к иллюминатору, положить вашу руку на пульт, заставить нажать какую-нибудь кнопку. Наш ручной пульт — фикция. Когда кораблем управляет робот, пилот всегда может перехватить управление. У нас такое возможно лишь в принципе. Сигнал с пульта перебивает мои команды, но от меня зависит, чтобы пульт молчал.

— Почему так сделано? — спросил Двинский. Вновь на секунду он ощутил, будто на него повеяло холодом. — Зачем?

— Никто этого не предвидел, — сказал киборг. — Все думали, что у пилота есть возможность взять управление на себя. На деле получилось не так. И правильно. Человек всегда во власти эмоций. У него могут возникнуть галлюцинации, он может сойти с ума, его может затопить черная волна из глубин психики. Я знаю это на опыте. Мало ли что может случиться с человеком!..

— А с вами?

— К моему глубокому сожалению, — монотонно произнес киборг, — ничего.

Двинский любовался Юпитером. Более величественного зрелища он не видел. Земля тоже впечатляет, но мы привыкли к Земле. Юпитер — другое дело. Никакая кинохроника не в силах передать вид на Юпитер с расстояния в миллион километров. Бездон-

ные глубины атмосферы, выпуклости тайфунов, полосы облаков, круглые тени спутников. И то, для чего в языке еще нет подходящих слов.

Экспресс догонял Европу. Основная скорость была сброшена. Даже наиболее сложный маневр — гравитационное торможение при пролете Каллисто и Ганимеда — был завершен. Сейчас экспресс, почти погасив скорость, приближался к Европе. Ее пятнистый диск висел впереди, превышая Землю, наблюдаемую со стационарной орбиты. И увеличивался на глазах.

— Вы не забыли, как вести себя при посадке? — спросил киборг. — Через несколько минут мы войдем в атмосферу. Когда скорость упадет до тысячи километров в час, я выпущу крылья. Вернее, сначала тормозные парашюты. Ленточный, потом обыкновенные. Их четыре. Они очень красиво смотрятся на фоне неба — как букет из четырех цветков. Хотя я бы предпочел, чтобы их было три.

— Почему?

— Ну, четные букеты кладут на могилы, — сказал киборг. — Парашюты напоминают мне, что я... не совсем жив.

Некоторое время они молчали.

Европа стала больше Юпитера. Ее вогнутая чаша занимала полнеба. Она уже не увеличивалась в размерах, но рисунок пятен медленно укрупнялся.

— Пора прощаться, — сказал киборг. — Надеюсь, наши беседы не пропадут впустую. Вы нравитесь мне, Володя. Главное, берегите свою невесту. Не поддавайтесь ревности. Мужчина должен уметь прощать. Сейчас я никогда бы не поступил так, как раньше. Мне бы хотелось, чтобы вы всегда ее любили. Пусть моя печальная история не повторится.

— Ваша жена тоже была не права, — сказал Двинский. — По-моему, ей нравилось вас мучить. Женщина должна быть другой. Если любит, конечно.

— Она меня любила, — сказал киборг. — Есть

вещи, которые ты знаешь. Кстати, обратите внимание на пейзаж. Скалы Европы — это вам не какие-нибудь Альпы! А какой, по-вашему, должна быть женщина?

Небо в иллюминаторах окрасилось алым: экспресс накалял воздух. Скалы были далеко внизу, дикие, не тронутые цивилизацией. От них тянулись длинные тени. Экспресс приближался к линии терминатора — внизу была вечерняя заря, там заходило Солнце, хотя на ста километрах оно стояло еще высоко. Еще немного, и будет видна темная сторона спутника. Там обитаемый центр, и ночь, и люди уже засыпают.

— Женщина должна быть доброй, — сказал Двинский, — как моя Настя.

— Ее зовут Настя?

— Да. А почему вы спросили?

— Так, — монотонно произнес киборг. — Действительно глупо. Она у вас, наверное, красивая.

— Очень, — сказал Двинский. — Хотя почему-то ее лицо ускользает, я не могу удержать его перед собой. Отчетливо помню лишь родинку на щеке.

— Родинку на щеке?

— Да. У нее небольшая родинка возле левого глаза. Но она ей идет. Только ее фамилия мне не нравится. Но это дело поправимое. Ведь правда?

— А как ее фамилия? — помедлив, спросил киборг.

— Фамилия? — Двинский назвал фамилию. — Зачем она вам?

Киборг не ответил. Несколько мгновений висела тишина. И внезапно оборвалась — в репродукторах замяукало и засвистело. Радиоголос Юпитера, превращенный в звук.

Но почему киборг включил приемник, не ответив на заданный вопрос?

Экспресс во что-то уперся — это пошли за борт парашюты, гася оставшуюся скорость.

Опять невесомость. Без предупреждения, без при-

глашения затянуть ремни. Поверхность спутника метнулась вверх, запрокинулась, перевернулась. Экспресс падал. Мелькнуло небо — пустота, заполненная черным. В отдалении возник причудливый разноцветный букет. Четыре небесных цветка, отделенные парашюты.

— Почему вы не выпускаете крылья?..

Киборг молчал. Или ответ потонул в грохоте радио.

— В чем дело? — закричал Двинский. Спутник медленно поворачивался в иллюминаторах. Снизу. Слева. Справа. Сверху. Опять снизу. Экспресс вращало.

— Что случилось?

Никакого ответа.

Что могло случиться? «К сожалению, ничего». За иллюминаторами лишь небо и скалы. Скалы все ближе, и небо все ближе. И жуткий хохот радио.

Двинский дернулся к пульту. Еще не поздно. Включить двигатель и выпустить крылья. С киборгом что-то произошло. Там разберемся.

Двигатель ожил сам. Корабль вздыбился. Двинского вырвало из кресла и швырнуло вперед.

Это уже когда-то происходило.

Он не ударился головой о пульт. Его подтормозило в воздухе. Нет, он висел неподвижно, а кто-то уводил от него пульт, медленно поворачивал вокруг него кабину и приближал к его глазам иллюминатор. И давил, давил, давил иллюминатором на лицо.

Перегрузка была оглушительной. Двинский не мог шевельнуться, но мысль работала. Были фразы, которые все объясняли: «Роботы добрые, но бесчувственные», «Я сто раз клялся, что это не повторится», «Что-то на меня находило», «Я готов был убить каждого», «Теперь я бы так не поступил», «Со мной ничего не случится», «Ее зовут Настя?», «А как ее фамилия?», «И у нее родинка на щеке? Ведь правда?»

Совпадение? Нелепое совпадение? Нет. Нет. Нет!

Налитый свинцовой тяжестью, Двинский лежал лицом на прозрачном стекле, не в силах пошевелиться. Что-то рыдало в динамиках.

Внизу скалились камни.

ЗВЕЗДНЫЙ ДОЖДЬ

1

Кресло под Рыбкиным качнулось; руки вцепились в подлокотники. Кажется, стена напротив зашаталась тоже. Во всяком случае, пейзаж за спиной Васильева дернулся и повис криво. И всякие светильники покачивались как маятники, только медленнее.

— Вы у нас впервые? — хладнокровно произнес Васильев. — Не бойтесь, ничего страшного не произошло. Видимо, рядом упал метеорит. Крупный метеорит. Мы, конечно, его сопровождали. Но кто меня предупредил? Никто... Извините. Дежурный по Системе, — сказал он другим тоном, включая приемник.

Из глубины кресла Рыбкин смотрел, как Васильев, приставив к уху наушник, слушает донесение. Ему хорошо с такой специальностью. «Ничего страшного...» А вот Рыбкин действительно испугался. Но ничего постыдного нет: виновно слабое лунное притяжение. Сотрясение было не такое уж сильное, но кресло под собой тут и так почти не ощущаешь, а при толчке его из-под Рыбкина будто выдернули, от этого и испуг. Здорово, когда можешь все объяснить. Да, виновата гравитация.

Они сидели вдвоем в центральном зале Лунного

метеоритного поста. Помещение большое, с богатой отделкой. Светильники, ковры; стены увешаны картинами, теперь покосившимися. Наверняка подлинники. Особенно эта вещь за спиной Васильева: метеоритный дождь в тысяча каком-то году. Падающие звезды, испуганные лица, шпили церковей... Средневековые. Удивительно: еще полвека назад думали, что в лунных домах будет тесно, как в колодцах.

Экран гиперсвязи размещался на столе Васильева, и Рыбкин не видел, что на этом экране происходит. Текст донесения поступал только в наушники Васильева, но все было понятно и так.

— Да, — говорил он. — Да. Рад приветствовать. Да. Понял, что вспышка. Теперь, пожалуйста, координаты. Спасибо, принял. Понял, что семь баллов. Да. Ладно, привет.

Он положил наушники на стол и оторвал глаза от экрана.

— Вот так. Когда вспышка на Солнце, тебе докладывают. Но если что-то сыплется тебе на голову... Главное, хотя бы других предупредили. Иначе скандал. Но вернемся к звездным цивилизациям. Я не понимаю, почему наша метеоритная служба должна чуть ли не сегодня начинать слежку за вашими неопознанными объектами.

— Не путайте нас с уфологами, — усмехнулся Рыбкин. — Ксенология — это учение о чужом разуме, серьезная дисциплина со своим математическим и экспериментальным обеспечением.

— Которого вдруг стало мало, — подхватил Васильев, — и понадобились наши радары. Но зачем? Ваши люди всегда говорили, что единственное достоинство чужих цивилизаций, за которым есть смысл охотиться, — это информация. Значит, нужны не локаторы, а радиотелескопы. И вы их строите все больше и лучше. На Земле, на Луне, теперь в космосе. Кста-

ти, как дела с последним? Вот с этим, который у вас на значке?

Рыбкин потрогал эмблему SETI у себя на груди.

— Разумеется, все в порядке. Скоро заработает. — Он вздохнул.

— Чем-то недовольны?

Рыбкин махнул рукой.

— Инерция, — объяснил он. — Эту антенну заложили лет пять назад. Но кому нужен приемник, которому нечего принимать?

Они помолчали.

— Зачем же так? — сказал потом Васильев. — Я знаю о ваших неудачах. Но ведь все дело в чувствительности аппаратуры. Или представления изменились?

— В корне, — сказал Рыбкин. — Раньше мы искали сигналы от очень развитых сверхцивилизаций, находящихся чрезвычайно далеко. Похоже, мы не там искали. Весьма вероятно, что сверхцивилизаций просто нет. «Молчание вселенной» — вам знаком этот термин?

— Читал. Раз есть другие цивилизации, должны быть сигналы. Вы их ищете, ищете долго. Вселенная молчит. Значит, сверхцивилизации отсутствуют. Вывод ясен, но основание ненадежно. Через одну экспериментальную точку можно провести сколько угодно прямых.

— Есть и другие экспериментальные точки, — объяснил Рыбкин. — Известно, что наблюдаемая частота мутаций не соответствует темпам биологической эволюции. Следовательно, иногда количество мутаций скачком увеличивается.

— Также читал, — кивнул Васильев. — Один раз в миллионы лет вблизи от нас взрывается Сверхновая. В результате появляется разум. Или динозавры. Или они вымирают, не помню точно, Вы говорите об этом?

— Именно об этом. Но есть две волны, два вида излучения Сверхновой. Во-первых, жесткое электромагнитное излучение. Оно распространяется со скоростью света. Это сравнительно кратковременный, но мощный мутагенный фактор, действующий на расстояниях вплоть до десятков парсеков от места взрыва. Оно вызывает в биосферах мутации, которые, в частности, могут привести к появлению динозавров. Или к возникновению разума.

— А во-вторых?

— Вторая волна — это космические лучи. Радиоактивная оболочка вспыхнувшей звезды разлетается гораздо медленнее. Это излучение отстает от электромагнитного и достигает уже облученных планет только через многие тысячи лет. Вот вам вторая мутагенная волна. На сотни веков планеты погружаются в радиоактивную туманность.

— И эволюция делает новый скачок, — предположил Васильев.

— Нет. Высокий уровень мутаций на протяжении длительного времени приводит к деградации. Именно поэтому погибли динозавры. Именно поэтому от могучей древней цивилизации насекомых остались одни муравейники.

— А человечество? — усмехнулся Васильев. — Тоже лишь остаток чего-то?

— Мы живем между волнами, — сказал Рыбкин. — Первая волна прокатилась миллион лет назад. До прихода второй остались считанные столетия.

Они помолчали. Потом Васильев сказал:

— Я все-таки надеюсь, что вы шутите. Но ладно. Какое отношение эта печальная перспектива имеет к проблемам SETI?

— Целиком меняется все, — объяснил Рыбкин. — Если развитые культуры существуют лишь краткое время, то они не успевают подняться до уровня сверх-

цивилизации. Общаться на больших расстояниях они не могут. Молчание вселенной получает логичное объяснение.

— А вы остаетесь без работы.

— Нет, — возразил Рыбкин. — Есть одна любопытная возможность. Близкие звезды, как и Солнце, уже пережили первую волну, а вторая до них не докатилась. Понимаете? Только там есть смысл искать разумную жизнь, причем примерно нашего уровня.

— И для этого нужны радары? Но они ничего не увидят. Такие расстояния только вам кажутся небольшими.

— Цивилизация, способная понять опасность, будет искать выход, — сказал Рыбкин. — В частности, работать над межзвездной связью и готовиться к бегству. Она должна запускать автоматические зонды в ближайшие планетные системы, в том числе в солнечную. Поэтому шансы обнаружить чей-нибудь зонд повышаются. Вот для чего нам нужны ваши люди, ваша организация и ваша совершенная техника.

Рыбкин вытер лоб. В помещении было прохладно, но пот лил ручьем. Еще бы — прочел целую лекцию!

— Я все понял, — сказал Васильев. — Но если бы что-то такое было, мы бы заметили. Правда, важна скорость. Наши локаторы работают в диапазоне, соответствующем скоростям небесных тел и космических кораблей. Земных кораблей, разумеется... Извините. Дежурный по Системе. Фобос? Рад приветствовать. Что? Поздравляю. Нет. Да, записываю. Время известно? Отлично. Значит, берем эти десять часов, умножаем на скорость ракеты, результат откладываем на циркуле и рисуем сферу с планеткой в центре. Внутри сферы и должна находиться похищенная ракета. Ничего нет? Не может быть. Обшарьте все астероиды, каждый обломок. Должна быть. Ищите. Ладно, привет.

Васильев щелкнул тумблером и бросил наушники.

— Вот что такое наши локаторы, — сказал он. — Вы все поняли?

— Кое-что, — сказал Рыбкин. — По-моему, кто-то потерял ракету. Где-то в поясе астероидов.

— Да, — сказал Васильев. — Именно там. И это абсурд, такого никогда не было. Дичь. Геолог оставляет ракету в космосе, садится на модуле. Ракета над головой, иногда он на нее поглядывает. Вдруг смотрит — ракеты нет. Пропала. Понимаете? Просто бессмыслица. Это же астероиды, там все просматривается из конца в конец. Локаторы отличные, лучше наших. Самая совершенная в мире техника, как вы утверждаете. И что они находят с помощью этой техники? Естественно, ничего... Извините. Дежурный по Системе. Главная? Рад приветствовать. Спасибо, нормально. В поясе угнали ракету, слышал? А у тебя? Магнитная буря? Знаю. Дежурный знает все. Когда на Солнце вспышка, на Земле всегда буря. Ладно, привет. Теперь понимаете, какая у нас работа? А вы говорите о зондах. Такими пропажами, правда, занимаются другие, мы просто помогаем. Но все эти вспышки, землетрясения, магнитные бури... Метеоритные дожди. Информация идет на компьютеры, они все делают сами и сами предупреждают кого надо. Возьмем метеорит, который только что грохнулся. Наши локаторы его, конечно, сопровождали. Компьютеры известили всех, кого сочли нужным. Меня — нет. Значит, я программой не предусмотрен. А вы — ищите чужие зонды! Как же я смогу их искать?..

Васильев умолк: выговорился. Некоторое время Рыбкин молча смотрел, как он играет наушниками гиперсвязи. Очень ценная вещь: таких на всю Систему пар десять. Когда Васильев оставил наушники в покое, Рыбкин сказал:

— Собственно, я имел в виду другое. Нам нужна информация, хоть малая толика. Иногда происходят странные события. Об этих вещах много рассказыва-

ют, но никто ими толком не занимается. Таинственные радиоэхо, локационные призраки, эфирные голоса... Словом, загадочные события.

— Насколько я знаю, в основном это байки, — сказал Васильев. — Я работаю в метеослужбе десять лет, но никаких событий за это время...

Он вдруг замолчал и быстро встал. Его взгляд был устремлен мимо Рыбкина, к входной двери.

Из коридора повеяло ветерком. Рыбкин обернулся и тоже встал. В проеме стоял высокий седой человек, знакомый по фотографиям. Это был знаменитый в прошлом космонавт, а ныне начальник Лунного комплекса Озерский — комендант Луны, как он себя называл.

— Здравствуйте, Виктор, — ласково сказал он Васильеву, кивнув Рыбкину. — Хорошо проводите рабочее время, за приятной беседой...

— Мы по делу, Николай Львович, — виновато сказал Васильев. — Это товарищ Рыбкин. Он мне совершенно не мешает.

— Вы так считаете? — ласково поинтересовался Озерский. — Действительно не мешает?

— Что случилось, Николай Львович? — тревожно спросил Васильев.

— Вам лучше знать. Это вы дежурите по Системе. Последовала пауза.

— Неужели этот метеорит? Что-нибудь случилось?

— На сей раз ничего, — холодно произнес Озерский. — Но предупреждения я не получал. К счастью, он упал на той стороне.

— Правда? — сказал Васильев с облегчением. — Тогда понятно. Если метеорит падает вдали от города и если он небольшой, тревога не поднимается. Но как же так? Почему тогда был толчок?..

— Да вы знаете, что там упало? — вдруг закричал Озерский, побагровев. — Гора! Да! Самая на-

стоящая гора! Тысячи тонн! Тысячи! Просто счастье, что на обратную сторону! Счастье! А если бы сюда?..

Озерский обвел рукой центральный зал Лунного метеопоста и тихо повторил:

— А если бы сюда?..

Он замолчал. Потом махнул рукой и вышел.

2

Зал обработки информации располагался рядом по коридору. Если в центральном зале было нежарко, то здесь почти холодно. Машина не человек, тепло ей противопоказано. Два оператора в цветных нейлоновых куртках играли в шахматы перед огромным пустым дисплеем. Телетайпы безмолвствовали.

— Привет, ребята, — сказал Васильев. — Хорошо проводите рабочее время.

Игроки вскочили, остановив часы. Васильев, следом Рыбкин приблизились. Рыбкин поздоровался с обоими за руку.

— Рыбкин. Александр Петрович.

— Губенко. Саша.

— Вадим.

— Есть работа, — сказал Васильев. — Только что приходил Озерский. С претензиями. Мы пропустили что-то вроде астероида.

— Если шел мимо, то могли, — сказал Губенко.

— Если бы мимо, — сказал Васильев. — Толчок почувствовали?

— Он мне такой мат испортил, — сказал Вадим, — с жертвой ферзя. Все фигуры попадали. Потом восстановили, но неправильно. Мата не получилось, а ферзь...

— Не было там мата. А где он упал?

— На обратную сторону, — сказал Васильев. Гу-

бенко свистнул. — Так говорит Озерский. А предупреждения от нас не было.

— Невозможно, — сказал Губенко. Вадим сел за машинку, застучал клавишами. — Конечно, тревога поднимается, когда есть угроза. Если он падал на ту сторону, причин для тревоги нет. Но если это действительно астероид...

— Несколько тысяч тонн, — объяснил Васильев. — Так они определили по силе взрыва.

— Невозможно, — повторил Губенко. — Где-то ошибка.

Наступило молчание. Только тихо щелкали клавиши.

— Скажите, — Рыбкин потянул Васильева за рукав, — у вас всегда такие дежурства? Я здесь всего полчаса, а так много произошло. И вспышка на Солнце, и магнитная буря, и этот метеорит, и где-то пропала ракета...

— По-разному, — сказал Васильев. — Конечно, обычно спокойнее. Но когда метеорный поток, бывает хуже. Тревога, тревога, тревога...

— Ну там причина одна, — сказал Рыбкин.

— Почему же? Все время разные метеориты. Вспышка на Солнце и магнитная буря тоже причинно связаны.

— Вы думаете? — сказал Рыбкин. На черном экране дисплея возник белый круг. Рядом по экрану были разбросаны светящиеся точки разной яркости.

— Луна, — сказал Вадим. — А это спутники. Все снесено в плоскость экватора. Долгота истинна, широтой пренебрегаем. Время полчаса назад, за две минуты до взрыва. Начинать?

— Погодите, — попросил Рыбкин. — Это что за яркий объект?

— Сейчас посмотрим. — Вадим тронул указкой огонек на экране. В нижней части дисплея появились слова и цифры.

— О, так это ваш новый радиотелескоп! — обрадовался Васильев. — Тот самый! Диаметр двадцать метров, масса тысяча тонн.

— Надо же, — сказал Губенко. — Двадцать метров, а как отражает.

— Это линза Люнеберга, — объяснил Рыбкин. — Полный круговой обзор. Поэтому и поперечник рассеяния велик со всех направлений.

— Ладно, начинай, — сказал Васильев. — Где место падения?

Вадим тронул указкой точку на круге.

— Как видите, поблизости ничего.

Прошла минута, но картинка на дисплее не изменилась. Движение светящихся точек было неразличимо глазу. При таком масштабе это естественно, отметил Рыбкин.

Пошла вторая минута. Все молчали, вглядываясь в экран. Внезапно из только что указанной точки полетел сноп искр. Это длилось мгновение, потом они исчезли.

— Осколки, — сказал Васильев. — Но я не заметил ничего, напоминающего астероид. Неужели все-таки извержение? Кстати, это совпало со вспышкой на Солнце.

— Простите, — сказал Рыбкин. — Возможно, я ничего не понимаю, но куда девалась антенна?..

Все посмотрели, куда он показывал. В том месте дисплея, где только что горел яркий огонек радиотелескопа, сейчас не было ничего. Только черная гладь экрана.

3

Разбег был коротким, но чувствительным. Перегрузки большие даже по земным меркам. Место пилота занимал Васильев, Рыбкин сидел рядом. Лунолет ничем не напоминал аэроплан, хотя выполнял

сходные функции. Даже шасси у него не было. Магнитный монорельс разогнал его до нужной скорости — под четыре тысячи километров в час и бросил в пустоту. При разгоне молчал даже двигатель аппарата — единственное, что у него осталось от самолета.

Траектория вела лунолет вдаль. Надземные постройки города провалились за горизонт, и внизу, под прозрачным днищем, простиралась пустыня, не тронутая деятельностью человека. Сплошные кратеры разных калибров. Парадокс Луны — с какого расстояния на нее ни смотри, она выглядит одинаково.

Рыбкин пошевелился, устраиваясь удобнее. В тесной кабине даже легкий скафандр казался громоздким, как рыцарские доспехи. Ощущение восхитительное. Невесомость, безмолвие, высота небольшая, и вот-вот во что-нибудь врежешься.

— Нет, это невероятно, — сказал Васильев. — Пусть радиотелескоп падает на Луну. Пусть он движется так быстро, что выходит из скоростного диапазона локаторов. Не будем искать причину этого феномена. Но несоответствие моментов! Почему сначала взрыв на Луне, а телескоп исчезает только потом?..

— Это вообще не гипотеза, — сказал Рыбкин. — Вас подталкивает к ней одно: тело, упавшее на Луну, весило около тысячи тонн, и телескоп столько же. Но это не совпадение, а недоразумение. Откуда известна масса упавшего объекта?

— Ее определили селенологи по силе взрыва. Такие оценки обычно довольно точны.

— Конечно, — сказал Рыбкин. — При этом они считали скорость объекта обычной для метеорита. Что-то около двадцати километров в секунду. Они не знали, что локаторы его пропустили. Мы-то это знаем. Насколько я понял, ваши радары фиксируют все цели, скорость которых не превышает тысячи километров в секунду. Если они чего-то не увидели, это

«что-то» летело с большей скоростью. Значит, его масса была не тысяча тонн, а на несколько порядков меньше.

— Что же это тогда было? Межзвездный зонд?..

Рыбкин не ответил. Лунолет достиг вершины траектории, приближаясь к границе дня и ночи. Внизу от стен кратеров тянулись длинные тени. Далеко впереди они становились гуще, сливались вместе. Обратная сторона Луны была залита тьмой. Громадное огненное кольцо Земли и маленький рядом с ним диск Солнца быстро опускались к горизонту. Потом воцарился мрак.

— Скоро прилетим? — спросил Рыбкин.

— Минут пятнадцать, — откликнулся Васильев. — Нас встретят селенологи. Невероятно, но им нет дела до наших забот. Падение метеорита всегда для них праздник.

— Наука требует жертв, — сказал Рыбкин. — Возьмем этот радиотелескоп. Допустим, он начал бы работать, и с его помощью мы наткнулись бы на некую важную тайну. При этом считалось бы, что инструмент оправдал возложенные надежды и вложенные средства. Ведь так?

— Да. Но этого никогда не будет. Он погиб.

— Не будет? Телескоп исчез; мы столкнулись с тайной. Почему бы не считать, что прибор оправдал надежды и средства?..

— У вас какая-то извращенная логика, — сказал Васильев.

Лунолет снижался, хотя это не ощущалось. Кругом была темнота. Вверху, правда, горели звезды, внизу не было ничего. Лунолет как бы висел в центре этого асимметричного мрака.

— У меня идея, — сказал Васильев. — Допустим, это действительно сверхбыстрый метеорит или даже чей-нибудь зонд, непринципиально. Он проскакивает мимо локаторов, разрушает телескоп и вон-

зается в лунную поверхность. Как вам такая идея?

— А где обломки телескопа?

— Столкновение было таким, что он распался на атомы.

— Так. Масса телескопа тысяча тонн. Он распался на атомы. Ваш сверхбыстрый объект на атомы не распался. Следовательно, он был гораздо больше. Но мы уже пришли к выводу, что, наоборот, он был гораздо меньше. Противоречие.

— Жаль, — вздохнул Васильев. — А вдруг их было два?..

Лунолет развернулся кормой вперед. Аппарат затрясло — это заработал двигатель, изрыгая огненную струю, распарывающую ночь подобно прожектору. Потом внизу возникла освещенная площадка. Через секунду она скрылась из глаз, но в памяти остались надувные горбы палаток и несколько блестящих фигурок, копошащихся возле глубокой ямы диаметром в сотню метров.

Потом лунолет стоял на корме среди громадных камней, а Рыбкин с Васильевым вглядывались в темноту. Вдали из мрака выступала высокая скала, озаренная прожекторами. Лагерь и освещенная площадка прятались в тени, но ясно было, куда идти.

Потом они пробирались через нагромождение угловатых булыжников, светя себе фонарями. Потом дорогу им преградил человек в тяжелом скафандре высшей защиты.

— Дальше нельзя, — сказал он. — Радиация.

4

— Полагается вдвоем, — сказал селенолог. — Но поместимся. У вас такая легкомысленная одежда...

Они втиснулись в тамбур. Действительно, селено-

лог в своем тяжелом скафандре занял ровно половину объема, так что Васильеву и Рыбкину осталось по четвертушке.

Когда открылся внутренний люк, они прошли в палатку и сняли скафандры. Селенолог — его звали Черешин — оказался неожиданно миниатюрным. Не верилось, что это он только что занимал больше всех места. Рыбкин и то был крупнее, не говоря о Васильеве.

— Устал как собака, — признался Черешин. — Шесть часов в этой шкуре без перерыва. Но интересно.

— Я, вы знаете, тоже устал, — сообщил Васильев. — Не вахта, кошмар. Три ЧП в час.

— Но наше наверняка самое-самое, — сказал Черешин. — Чрезвычайное не бывает. Неизвестно даже, кого позвать, чтобы разобрались. Ядерный взрыв, но без цепной реакции. Да. Потом вам дадут скафандры, и вы сами посмотрите на воронку.

— Мы ее видели сверху, — сказал Рыбкин. — Вы могли заметить нас перед посадкой. Мы над вашими головами прошли.

— Ну, вверх мы не смотрели. И не видели ничего. Вы же беззвучно летели. И пролетели очень быстро.

— Забавно, — сказал Рыбкин. — Вы нас не видели, потому что мы пролетели очень быстро. Но, хотя мы летели очень быстро, мы все прекрасно рассмотрели.

— Не понимаю, куда вы клоните, — сказал Васильев. — Я, признаться, уже ничего не понимаю. Что за взрыв, вы определили?

— Нет. Картина такова. Есть воронка, сравнительно небольшая, но глубокая. Никаких следов упавшего тела. Похоже, его и не было. Химический состав вещества в воронке радикально отличается от обычного. Сплошные остатки расколотых ядер, почему я и говорю, что взрыв был атомным. Впечатление, буд-

то почву облучали на ускорителе. И не чем-нибудь, а тяжелыми ядрами. Физиков позвать — умрут от радости.

— Как на ускорителе, — задумчиво повторил Рыбкин. — А не могли атомы упавшего тела разрушить атомы грунта? Не все равно, как их разгонять: ускорителем или так?

— Что значит «так»? — спросил Черешин.

— Товарищ Рыбкин считает, что в Луну на громадной скорости врезался чей-то межзвездный зонд, — пояснил Васильев. — Товарищ Рыбкин является экспертом по вопросам внеземных цивилизаций.

— Понятно, — сказал Черешин. — Ну в принципе... Я, конечно, не специалист... Но если скорость была действительно громадной... Скажем, тысячи километров в секунду... Возможно, это действительно решение. Другого я не вижу.

Он замолчал.

— Скоро нам возвращаться, — сказал погодя Васильев. — Подведем итог. Есть два варианта. Первый — это атомный взрыв. Во втором мы автоматически попадаем в ведомство товарища Рыбкина. С чем можно его и поздравить.

— Поздравлять меня рано, — возразил Рыбкин. — Дело в том, что меня такой зонд не устраивает.

— О, — сказал Васильев, — это уже интересно. Почему?

— Сейчас объясню. Из технической характеристики радаров легко получить нижний предел скорости зонда: около тысячи километров в секунду. Зная эту цифру и энергию взрыва, получаем оценку массы сверху: не более нескольких тонн. Это очень мало для зонда. И еще — почему он врезался в Луну? Неужели он летел вслепую? Что же это за зонд — просто кусок металла?..

— Еще счастье, что он столкнулся с Луной, — сказал Черешин. — А если бы с Землей?..

— С Землей? — задумчиво повторил Рыбкин. — А что? Отличная мысль.

Он немного помолчал и повторил:

— Просто отличная.

5

По возвращении в город Рыбкин освободился от скафандра с радостью. Романтика романтикой, но работать в этой одежде круглые сутки, как селенологи...

На месте дежурного сидел оператор Губенко из группы обработки. Когда они вошли, он встал, уступая место хозяину.

— Как дела? — спросил Васильев. — Ракету нашли?

— Пока нет. Ищут.

Губенко обогнул стол и вышел. К шахматам, компьютерам и партнеру Вадиму.

— А вы предсказывали массу новых событий, — сказал Васильев. — Но ничего не случилось. Не так просто делать прогнозы.

— Вы правы, — согласился Рыбкин, устраиваясь в кресле. — Подождем. Возможно, еще сообщат.

— Каких сообщений вы ждете?

— Например, о магнитной буре на Юпитере.

— Почему? Ах да, вспышка на Солнце. Но для бури еще рано. Бурю вызывает не сама вспышка, а заряженные частицы. Они летят не со скоростью света, а гораздо медленнее. Это как две волны, о которых вы рассказывали. Пока они достигнут Юпитера... До Земли и то добираются не сразу.

— Вот именно. Но сообщение о магнитной буре

на Земле вы приняли сразу после сигнала о вспышке, без всякого запаздывания.

— Точно, — сказал Васильев. — Чудеса! А я не обратил внимания. Значит, вы считаете, и на Юпитере... Сейчас проверим.

Он приставил к уху наушник.

— Европа? Дежурный по Системе. Рад приветствовать. Скажите, как там Юпитер? Принято. Мы так и думали. Ну, было такое предположение. Что вы говорите? Ладно, привет... Вы просто волшебник! Там вправду идет магнитная буря. Самое поразительное — она началась еще до вспышки!.. Что вам еще узнать?

— Свяжитесь с Марсом. Поинтересуйтесь, не падало ли к ним за эти сутки что-нибудь крупное.

Васильев повиновался беспрекословно.

— Фобос? Дежурный по Системе. Как дела? Да. Принял. Слушай, есть предположение, что к вам на Марс кое-что рухнуло. Пять тысяч тонн? Принято. Дежурный знает все. Ладно, привет.

Теперь он смотрел на Рыбкина по-новому:

— Переходите работать к нам. Я говорю серьезно. Вы же можете нам помочь! Например, с этой ракетой. Или телескоп. Куда он делся? Обстоятельства похожи. Ракета исчезла бесследно, и телескоп бесследно. И даже время примерно совпадает, всего десять часов разницы. Почему вы так на меня смотрите?..

— Эврика! — крикнул Рыбкин. Он вскочил и выбежал в коридор.

6

Вернулся он через полчаса, испытывая желание прыгать на одной ноге. Здорово, когда можешь все объяснить. Он нес с собой три листка бумаги. На них было все. Абсолютно все.

Он даже не стал садиться в кресло.

— Вы так внезапно исчезли, — сказал Васильев. — Я, честно говоря, и не надеялся, что вернетесь. Где вы были?

— Рядом, в зале обработки. У вас такой замечательный компьютер! Мы с ним решали одну задачу.

— И как? С ответом сошлось?

— Конечно, — сказал Рыбкин. — По-моему, все мы с самого начала заподозрили, что сегодняшние события связаны с межзвездным зондом, появившимся в солнечной системе. Но после полета на ту сторону я составил определенное представление об этом зонде. Некую схему, в которую все вписывалось. Я уже знал, что именно упало на Луну и какая связь между вспышкой на Солнце и бурей в магнитосфере Земли. Знал, почему буря началась гораздо раньше, чем ожидалось. Представлял, куда девался радиотелескоп. Исходя из этой схемы, я кое-что предположил, и мои догадки — насчет Марса и Юпитера — подтвердились. Но это все. Как вы правильно сказали, через одну экспериментальную точку можно провести сколько угодно прямых. Второй точки у меня не было. Но потом она появилась.

— Мы же не получили ни одного нового донесения.

— Правильно. Просто я ошибся, не придав значения вашим словам, что похищение ракеты абсурдно. Но когда вы сравнили исчезновение телескопа с пропажей ракеты, мне стало все ясно. Знаете, что мы с компьютером сейчас делали? Проводили прямую через две точки. Через ту, в которой исчез телескоп, и ту, где пропала ракета. Результат представлен на схеме.

Рыбкин положил на стол свой первый листок бумаги. Васильев встал, и они оба склонились над столом.

— Это план солнечной системы. Вот прямая, которую мы провели. Как видите, она пересекает орбиты планет, но проходит вдали от всех, за исключением Земли и астероида, на котором работал геолог. Это путь межзвездного зонда, пронзившего солнечную систему. Когда я имел одну точку, я не знал ничего. Теперь я даже вычислил скорость аппарата: двадцать пять тысяч километров в секунду. Те, кто его послал, интересовались главным образом Землей. Но и другими планетами тоже. При подходе к солнечной системе от корабля отделились малые зонды. Их было много — десять или больше. Два таких аппарата столкнулись с Луной и Марсом. Взрывы фиксировались с других зондов: изучался химический состав планет. Еще два пролетели в атмосферах Земли и Юпитера. Отсюда магнитные бури, полярные сияния и другие явления. Один из зондов врезался в Солнце — отсюда вспышка.

Рыбкин положил на стол второй принесенный листок.

— Потом компьютер выдал мне вот эту схему звездного неба. Это карта области, откуда прилетел корабль. В центре звезда Эпсилон Эридана. Одна из ближайших к нам звезд, всего три парсека. Мы давно подозревали, что у нее есть подходящие планеты. К счастью, ее склонение невелико, поэтому траектория зонда лежит почти в плоскости эклиптики. В противном случае он не прошел бы через пояс астероидов и у нас не было бы второй точки.

Рыбкин передохнул и положил на стол свой третий листок.

— Вот карта противоположного участка звездного неба. Туда ушел зонд. Сейчас он передает эриданцам собранную информацию, и, если направить туда антенну, мы поймем эти сигналы. Если направить антенну в обратную сторону, мы услышим команды

для зонда. Словом, космические лингвисты без работы не останутся.

— Но что все-таки случилось с радиотелескопом? — спросил Васильев. — И с ракетой геолога?..

— Это тоже элементарно. У вас на стене висит картина. Метеоритный дождь, рой частиц, ворвавшийся в атмосферу. Как защитить межзвездные корабли от метеоритов? Еще в прошлом веке нашли остроумное решение. Впереди корабля на расстоянии нескольких сот километров создается облако из мельчайших пылинок. Оно расчищает дорогу, уничтожая все, что встретится. Очевидно, эриданцы пришли к аналогичному решению. Их защитное облако уничтожило ракету геолога, а потом телескоп. Бесспорно, были сметены сотни настоящих метеоритов, но никто этого не заметил.

— Да, — сказал Васильев. — Возразить нечего, логика безупречная. Только жаль радиотелескоп. Он особенно пригодился бы теперь, когда известно, откуда ловить сигналы...

— Не переживайте. Я уже говорил, наука требует жертв. Задачей этого телескопа было поймать сигналы другой цивилизации. Мы думали, он устарел. Но он задачу выполнил: принял свою порцию информации.

Рыбкин помолчал, потом добавил:

— Просто ее оказалось для него многовато.

ОКНО В ФУТУРОЗОЙ

Посветив фонарем, Климов нашел звонок. Никакой реакции. Он надавил кнопку снова и прижался шлемом к гладкой поверхности купола. Ничего не

слышно. Заледеневший за ночь металл охлаждал даже сквозь мех скафандра. Спят они там? Безобразие.

Климов опять нажал кнопку и не отпускал ее по крайней мере минуту, когда вдруг дверь тамбура сдвинулась и в хлопьях воздуха на пороге появился человек. Несколько секунд он стоял неподвижно, задрав застекленное лицо к небу. Небо было и впрямь замечательное, сплошь усыпанное звездами.

— Красота-то какая! — сказал человек с чувством, и стало ясно, что это действительно Николаенко. — Но вам, Женя, этого не понять. Вы человек черствый, и поэзия вам недоступна.

— Доброе утро, Саша, — сказал Климов. — Нужно думать, ты звезды видишь впервые.

— Точно! — обрадовался Николаенко. — Ведь они когда? Ночью, Женя. А ночью я сплю. Не надо ругаться, Женя. Разве мы куда-то торопимся?

Они не прошли и десятка шагов, когда над невидимой головой Сфинкса возникла звезда ярче других. Она разгоралась, увеличивалась, стала краем спящего диска.

Потом Солнце оторвалось от головы Сфинкса. Как всегда на экваторе, восход продолжался минуту.

Миллион лет назад рассвет на Марсе выглядел по-иному. Но флюктуация солнечной активности привела к снижению температуры; облака исчезли, атмосфера частью вымерзла, частью рассеялась. В результате здешние зори рекордны по краткости. Марс почти лишен атмосферы и быстро вращается.

Одна флюктуация — и такие последствия! Поверить трудно. Или правы те, кто связывает исчезновение атмосфер с деятельностью вымерших марсиан?

К сожалению, следов марсиан нет. Их нельзя считать даже гипотезой, но, когда смотришь на Сфинкс, не верится, что это работа ветров. И по-другому относишься к рассказам Вильгельма Штоффа — един-

ственного пока человека, побывавшего внутри Сфинкса.

— Приффет, коммунисты!

Штофф собственной персоной стоял на боевом посту в скафандре и с микрокомпьютером в руках у фундамента будущей станции и что-то высчитывал.

— Привет!..

Штофф опять оторвал глаза от компьютера, посмотрел недоверчиво. На шлеме блеснуло Солнце.

— Куда тфижетесь?

— У нас выходной, — пояснил Климов. — Идем к Сфинксу, в пещеры. Проверять ваши данные, господин Штофф.

— Профериайт, — презрительно повторил Штофф. — Ф-фыходной...

Штофф опустил глаза. Разговор окончен, можно двигаться дальше.

— Ф-фанатик, — сказал Климов. — Неужели он все придумал?

— Вряд ли.

Два года назад, когда выбирали место для строительства, кто-то предложил устроить поселок в пещерах внутри Сфинкса. Потом от идеи отказались, но Штофф по инициативе одной частной западногерманской компании совершил вылазку. Вернулся он с подробным планом лабиринта и рассказал удивительные вещи. Коридор, поднимающийся в голову Сфинкса, завершался просторным гротом, отгороженным от внешнего пространства гладкой стеной. Стеной непростой. Вначале сквозь нее ясно различалась равнина. Но она не была унылым каменным заповедником, как сейчас. Она была как миллион лет назад, когда Марс не потерял атмосферу. Над равниной синело небо, белели облака, сама она зеленела деревьями, над лесами и парками возвышались прекрасные здания, а в воздухе носилось множество марсиан. Это длилось несколько секунд, потом стена стала ма-

товой, едва пропускающей свет. Штофф, естественно, предположил, что стена — это не просто стена, а искусственное сооружение, своеобразный хроновизор, созданный древними марсианами, чтобы хоть изредка заглядывать в прошлое. Некоторое время он ждал, но явление не повторилось. Тогда он повернул назад. Его рассказ выслушали недоверчиво. Через неделю с Земли прилетел архитектор Минин с проектом купольного поселка, очень дешевым, и о пещерах забыли. Начались будни, и даже сам Штофф ни разу не удосужился подняться пещерами к голове Сфинкса.

— Станный человек, — сказал Климов. — Специалист прекрасный, но... Вот раньше, вот прежде, вот до... Всегда одна песня.

— Естественно, Женя. Общественное сознание развивается. Мир не стоит на месте. Когда-то человек, совершая поступок, спрашивал себя: что сказали бы предки? Потом: что говорят современники? Наконец: что скажут потомки? Штофф — один из представителей прошлого, их надо прощать.

Они миновали границу участка. Впереди лежали ночь и холод. Тень Сфинкса. Скала выглядела злоеще: черный силуэт, окаймленный светящейся линией.

Почему скалу называли Сфинкс? Откуда на Марсе лев с человеческой головой? Вероятно, ветры, ваявшие статую, учились у фараонов. Если Сфинкса строила природа, она подражала разуму. Если разум, он советовался с природой.

Солнце впереди поднималось, но люди шли быстро, и голова Сфинкса нагоняла Солнце.

— Жалко мне Марс, Женя, — сказал Николаенко. — Ну построим мы станцию, дадим терраформистам энергию. Они восстановят атмосферу. Сюда ринется поселенец. Последнюю пустыню загадит. Разве не жалко?..

Вокруг воцарилась ночь. Сразу запылали фары на шлемах скафандров. Наконец их лучи уперлись в от-

весное подножие Сфинкса. Его голова нависала на высоте километра. Они двинулись в обход каменного постамента.

У входа в пещеру остановились. С пригорка поселок строителей казался стадом больших чéрепах. Сплошные купола — защита от метеоритов и низких давлений.

За поселком, на горизонте, тянулась гряда. Характерный рисунок — крепостная стена, украшенная башнями. Из-за стены выползла яркая звезда и начала восхождение по черному небу.

— Фобос? — сказал Климов.

— Скорее ТФС.

Климов кивнул. Да, это станция терраформистов. Главная марсианская база на Фобосе. Но терраформисты, повторяя опыт Венеры, привели сюда собственную станцию, ТФС. Они одинаковы и у Марса, и возле Венеры. Недалек час, когда такие же станции появятся в окрестностях близких звезд, чтобы подготовить для колонистов тамошние планеты. Тераформисты считают Марс и Венеру научным экспериментом, подготовкой к настоящей работе. Правда, после этого опыта земляне получают сразу две планеты, пригодные для человеческой жизни. Если бы и другие науки давали такой же выход!..

Они вступили в пещеру.

* * *

— Тут развилка. — Лучи фонарей освещали каменный грот. В стенах темнели проходы. Один вел влево, другой почти прямо.

Сверившись с планом, они свернули в левый коридор.

Жутко было идти в темноте по неровному полу. Туннель постепенно сужался. Кроме дыхания —

собственного и Николаенко — Климов слышал в наушниках какие-то шорохи.

— Откуда шуршит, Женя?

— Эхо, Саша. Остановись.

Они замерли. Но что-то шелестело еще минуту, потом затихло, и стал различим новый звук — журчание невидимого ручья.

— Откуда вода, Женя?

— Не знаю. Ничего не знаю.

Подземный Марс. Здесь все по-другому. Неспроста думали построить поселок здесь. Поэтому и Штофф сюда ходил — не из любопытства...

Дальше.

Опять извилистые туннели, мертвая красота под лучами. Громадные сталактиты: о них Штофф тоже докладывал. Но начались будни, стало не до красот.

И шорохи, шуршание в нишах. Что-то бежит там. Страшно, хоть и нету жизни на Марсе. Но ведь когда-то была. А теперь? Где-то нет, а здесь, в пещере?..

Дальше.

Шорохи усиливаются. Жуткие шорохи. Из всех ниш, из всех нор, из всех ответвлений и тупичков. Кто-то шепчется в нишах, решая судьбу пришельцев. Тени минувшего?

И вода будто льется. Откуда вода? Нет на Марсе воды. Но ведь раньше была? Теперь нет на поверхности. А здесь, в пещерах?..

Дальше.

Вновь темнота, уступающая лучам фонарей, яркая игра стен, шорохи, плеск невидимой влаги. И вдруг:

— Выруби свет, Женя.

Климов остановился. Черно — кажется, выколи глаз, ничего не изменится. Нет, не сплошная тьма. Впереди свет, совсем слабый.

— Скоро конец, Женя.

Они шли последний переход. Поднимались с выключенными фонарями по наклонному коридору. Ча-

ры пещеры угасли, исчезла игра блистающих стен. Кристаллы будто пропали, но свет победил, и они вышли в светлый каменный зал.

Он был просторен. Позади в ровной стене зиял туннель, из которого они появились. Перед ними в такой же стене было другое отверстие, гораздо большее: дыра, заливавшая грот светом.

За прозрачной стеной было синее небо с клочьями облаков. Внизу на сотни километров простиралась равнина, поросшая лесом, и редко среди деревьев возвышались строения. Одно колоссальное, что-то напоминавшее. Белый куб без окон, окруженный сиянием.

Пейзаж был марсианский. Солнце обычного здешнего размера, и силуэт гор на горизонте тот самый, из-за которого недавно выплыла звезда терраформистов. Пейзаж был живой: облака ползли, а среди деревьев и зданий вились крылатые фигуры.

Живой марсианский пейзаж, отражавший другую эпоху.

Люди смотрели; Штофф не солгал, у него не было галлюцинаций. Они смотрели на панораму; вдруг одна крылатая точка ринулась прямо к ним. Она приблизилась быстро: они увидели длинные серебряные крылья и глаза, совсем человеческие. Но уже на гладкой стене появилась сеть чужеродных пятен, потом цвет пропал, изображение стало тускнеть, как в телевизоре, когда падает напряжение. Через секунду перед ними осталась лишь поверхность каменного экрана, равномерно светившегося. Но метаморфозы не кончились: по камню вновь побежали пятна, изображение восстановилось, но небо теперь было черное, равнину покрывали купола поселка, слева угадывался фундамент станции, а из-за горизонта вставала звезда — то ли Фобос, то ли ТФС. Просто прозрачная стена, а за ней настоящее.

— Ты понял?..

Климов кивнул. Сияющий куб с предыдущего изображения был неотличим от макета, виденного не раз.

На просмотренном куске далекой эпохи была станция, заложённая сейчас. Они видели не прошлое Марса, за стеной было будущее после конца работ. И сделали эту стену, естественно, не марсиане.

Вы ошиблись, Штофф. Окно в минувшее — вот что вы увидели здесь. Подвела интуиция, ориентированная в обратную сторону. Если привык смотреть только назад, станешь видеть прошлое всюду. Даже в будущем, которое строишь сам.

СПАСЕНИЕ ЖИЗНИ

— Погодите, не делайте этого! — донеслось откуда-то сверху.

Свен Дальберг отнял указательный палец правой руки от кнопки на левом плече скафандра и поднял глаза к ядовито-синему небу. К нему опускалось белое облачко, туманная оболочка, кокон, в котором кто-то сидел.

Кокон приземлился и стал невидим, как бы растворясь в ядовитом воздухе. Его пассажир, оставшись без прикрытия, сразу направился к Свену Дальбергу. Пассажир от человека почти не отличался, лишь иллюминатор скафандра походил скорее на телеэкран с изображением человеческого лица. Впечатление усугублялось тем, что черты иногда начинали дрожать и смещаться, как в телевизоре, когда сбивается настройка.

— Служба охраны жизни, — представился инопланетец (языковой барьер для него, как видно, не

существовал). — Мы занимаемся спасением жизни от несчастных случаев.

Помощь подоспела, что называется, вовремя. Посадить корабль, правда, Свену Дальбергу удалось, но поднять его в космос теперь не смог бы никто. Изувеченный звездолет возвышался на фоне безрадостного ландшафта: ядовито-белые облака, ядовито-желтое солнце и плесень на скалах, довершавшая однообразие пейзажа. Больше здесь не было ничего, если не считать смертоносных бактерий, которые нес в себе отравленный цианидами ветер.

Положение было вполне безнадежным. Кнопка на левом плече, которую Свен Дальберг собирался нажать, управляла забралом шлема. Надави он кнопку, ядовитый ветер и полчища беспощадных микробов тут же ворвались бы в скафандр, неся с собой мгновенную смерть. Сделать так следовало, ибо ждать помощи было неоткуда. Но она почему-то пришла.

— От несчастных случаев, — повторил инопланетец и задрал голову. Проследив за его взглядом, Свен Дальберг обнаружил, что еще одно облако останавлило свой бег и теперь снижается как аэростат, повинуясь незаметной команде инопланетца.

— У вас хорошая специальность, — сказал Свен Дальберг, чувствуя, как возвращается настроение. — Мне просто повезло, что вы оказались поблизости.

— Повезло? Ошибаетесь. Мы контролируем всю Галактику. Наши посты есть во всех планетных системах.

— Неужели во всех?

— Без исключения.

— Странно, — сказал Свен Дальберг. — Почему же я раньше ничего о вас не слышал? Ведь несчастные случаи происходят все время.

— Вы заблуждаетесь, — самоуверенно заявил

инопланетец. — Мы работаем эффективно. На моей памяти ни с одной жизнью ничего не случилось. Я сам спас их больше десятка.

Нос инопланетца сдвинулся к уху, тут же, впрочем, вернувшись на старое место. Облако, похожее на аэростат, остановилось. Из его недр вынырнул объемистый красный куб и, в свою очередь, стал плавно спускаться, как бы держась на невидимом тросе. Он походил на жилой блок или на контейнер с тяжелым грузом.

Красный куб опускался прямо на Свена Дальберга, так что ему пришлось вскочить и посторониться. Камень, на котором он только что сидел, захрустел и рассыпался в прах. Инопланетец ткнул контейнер кулаком, и тот беззвучно раскололся на две половины, обнажив аппарат непонятного назначения. Освободившаяся красная оболочка по сигналу инопланетца тут же взлетела, скрывшись внутри застывшего в поднебесье облака.

Оставшийся на земле аппарат представлял собой металлический цилиндр на массивной треноге. В одном из торцов цилиндра зияло отверстие диаметром с человеческий череп.

— Отлично, — удовлетворенно произнес инопланетец. Он прошелся вокруг аппарата, встал на колени, заглянул под треногу. Потом поднялся, брезгливо стряхнул со скафандра налипшую уже плесень и развернул металлический цилиндр отверстием на Свена Дальберга. В глубине цилиндра прятался мрак. Затем инопланетец ухватился за незаметную ранее рукоятку и с натугой ее потянул, из-за чего она удлинилась, почти упершись в грудь Свена Дальберга.

— Готово, — сказал инопланетец. — Самая надежная машина. Никогда не подводит.

— И что теперь будет? — полюбопытствовал Свен Дальберг.

— Все будет в порядке. Если вы нажмете рычаг, ваше желание осуществится.

— Любое желание? — усомнился Свен Дальберг.

— Зачем же любое? Исполнится желание, владеющее вами в данный момент.

— Ну это все равно, — усмехнулся Свен Дальберг. — Здорово!

Он загадал желание и положил ладонь на рычаг.

— Не торопитесь, — сказал инопланетец. Его лицо задрожало, глаза разъехались в разные стороны. — Сначала я должен удалиться на необходимое расстояние.

Свен Дальберг снял руку с рычага и внимательнее посмотрел на инопланетную машину для исполнения желаний. Она напоминала какую-то музейную древность. Телескоп? Нет. Ракетный двигатель? Пожалуй. Но скорее что-то другое.

По знаку инопланетца рядом с ними возникла полупрозрачная оболочка летательного кокона. Инопланетец ступил внутрь. Летающий кокон лениво двинулся вверх.

— Эй! — крикнул Свен Дальберг. — Погодите!..

Он вдруг понял, что загадочное устройство сильно смахивает на орудие, посредством которого в древности решали демографические проблемы.

Кокон вернулся на землю.

— Не получается? — заботливо спросил инопланетец. — Если вам трудно, я переставлю регулятор на меньшее усилие. Вот так. Но не торопитесь. Вы должны понимать, что наши желания не совсем совпадают.

Свен Дальберг с нарастающим сомнением глядел на инопланетное демографическое орудие.

— Вы действительно уверены, что эта штукавина исполнит любое мое желание?..

— А вы действительно разумное существо? — поинтересовался инопланетец. — Ясно, что никто не в

состоянии удовлетворить все желания всех обитателей нашей звездной системы. Сколько, по-вашему, в Галактике разумных существ?

Свен Дальберг покачал головой. Тут же ему показалось, что и демографическое орудие шевельнулось, отслеживая это движение.

— Не знаю.

— Очень много, — сообщил инопланетец. — Поэтому нас интересуют лишь желания, имеющие отношение к нашей работе. Мы их фиксируем и по мере сил выполняем. Например, недавно вы пришли к решению, угрожавшему жизни. Естественно, мы не могли не вмешаться.

— Какое решение вы имеете в виду?

Рот инопланетца расширился до ушей, в лице все смешалось, и лишь минуты через полторы оно вернулось к нормальному виду.

— Вы же разумное существо. Есть вещи, говорить о которых не принято. Но раз вы настаиваете... Несколько минут назад вы решили, извините за выражение, умереть. Ваше желание угрожало жизни...

— Понятно.

— ...поэтому я привез необходимое оборудование. Кстати, вам известно, сколько энергии стоит срочная доставка такого дезинтегратора?

— Так это... дезинтегратор?..

— Называют по-разному. Дезинтегратор, уничтожитель, убиватель... Кому как нравится.

— Значит, — сказал Свен Дальберг, — если я нажму на рычаг, то...

— Ваше желание осуществится, — кивнул инопланетец.

— Но вы же собирались меня спасти!

— Вас? Мы? — Инопланетец задумался. Черты его лица извивались как змеи. — Вы что-то путаете. Во-первых, это противоречит вашим желаниям, а смерть, извините за непристойность, это личное дело каждого.

Во-вторых, существ, даже разумных, слишком много. Спасение умирающих — дело рук самих умирающих. Извините еще раз.

— Так, — сказал Свен Дальберг, — и называется это спасением от несчастных случаев.

— Естественно, — кивнул инопланетец. — Ведь мы охраняем жизнь. В Галактике много жизней. В каждом мире она своя, и ей всегда что-нибудь угрожает. Вот вам, извините, вздумалось умереть. Ваше право, но какой способ вы выбираете? Самый варварский — открыв шлем скафандра. Значит, полчища бактерий из-под вашего шлема вырвутся на свободу, и местной жизни будет нанесен непоправимый урон. Возможно даже, что она погибнет совсем.

— Местная жизнь? — сказал Свен Дальберг.

— Местная жизнь, — сказал инопланетец.

— Эта серая плесень? Или это... не плесень?

— Почему же? Плесень, бактерии, микроорганизмы. Вы что-то имеете против?

— Нет, — сказал Свен Дальберг, — но как же так получается? Перед вами выбор. С одной стороны, разумное существо, человек, венец творения. С другой — какие-то микробы. Разве можно сравнивать?

— Нельзя, — согласился инопланетец. — Что человек? Гибель отдельных существ, в том числе разумных, предусмотрена эволюцией. Каждая самостоятельно возникшая жизнь бесценна, потому что невозпроизводима. Нет бедствия ужаснее, чем смерть живого в масштабах целой планеты. По-моему, это очевидно.

— И если я открою скафандр... Так вот в чем дело! — обрадовался Свен Дальберг, увидев наконец в происходящем нормальную, неизвращенную логику. — Действительно, это очевидно. По-моему, я начинаю вас понимать.

— Одного понимания мало. Нужно еще и действо-

вать. Но что вы делаете вместо того, чтобы воспользоваться дезинтегратором, который не только исполнит ваше желание, но и убьет, извините, всю нечисть, сидящую под колпаком вашего шлема? Что вы делаете? Затеваете бессмысленный разговор. Вам не кажется, что он затянулся?..

Инопланетец шагнул к своему кокону.

— Погодите! — крикнул Свен Дальберг. — Я же не хочу умирать!

— Уже передумали? Как вам угодно. Никто вас не заставляет.

Туманная оболочка вокруг инопланетца сгустилась, потеряла прозрачность.

— Я хочу жить! — крикнул Свен Дальберг. — Жить!!

— Живите, — отозвался инопланетец. — Это ваше законное право.

Кокон взлетел к облакам. Черное жерло дезинтегратора смотрело точно в лицо. Свен Дальберг сделал шаг в сторону. Массивный ствол шевельнулся, держа его на прицеле, следя за каждым движением.

— На помощь!!! — отчаянно закричал Свен Дальберг.

Минуту спустя инопланетец вновь стоял перед ним.

— Зачем кричать? Я же сказал вам — живите.

— Здесь? Но я...

— Где угодно. Например, если вы улетите к себе, мы будем очень признательны.

— Как же я улечу? — Свен Дальберг показал на свой искалеченный звездолет.

Инопланетец повторил его жест.

— Вероятно, так же, как прилетели.

— Вы что, смеетесь? Он же совсем разбит. Управление, двигатель, даже обшивка.

— А почему вы не хотите его починить?

— Смейтесь? — повторил Свен Дальберг. — Как же его починишь?

Глаза у инопланетца от этих слов полезли на лоб.

— Вы не умеете ремонтировать свой корабль???
Пойдемте посмотрим.

* * *

Свен Дальберг положил руку на стартовый рычаг. Инопланетец стоял вдалеке, среди скал, облокотясь на дезинтегратор. Все еще боялся, что землянин опять передумает.

Корабль дрогнул и тронулся вверх. В обзорных экранах Свен Дальберг как бы впервые видел планету, куда его занесла судьба. Видел ее синее, быстро темнеющее сейчас небо, белые облака, вровень с которыми он поднимался, и дикие скалы, уходящие вниз. Нет, это он улетал, остальное оставалось на месте — и небо, и облака, и скалы. И плесень на скалах — древняя жизнь с еще не изведанным будущим.

МОНОПОЛИЯ НА РАЗУМ

Три истории с Мариона

Марион был обыкновенной планетой в системе, расположенной во втором спиральном рукаве Млечного Пути. Вокруг миллиардов солнц необъятного звездного острова вращались самые разнообразные планеты — одни больше и массивнее Мариона, другие меньше. На некоторых имелаась жизнь.

Лишь одно обстоятельство отличало Марион от всех остальных миров — это было единственное место в Галактике, где уже появился разум.

1

Текст был лаконичным:

«Для работы в государственном учреждении требуются полицейские и физики-теоретики».

Дальше следовал адрес.

2

На этаже был разгром. Обои ободраны, проходы завалены. За столом посреди коридора восседал крупный чиновник, похожий на генерала.

— По объявлению, — сказал Эо.

Чиновник пытливо на него посмотрел.

— Полицейский?

— Физик, — сказал Эо. — Вот мои документы.

Чиновник зашелестел бумагами.

— Биография, паспорт... А это что за справка?

— Список научных трудов.

— Ученый, значит, — сказал чиновник. — Ладно. Документы оставьте, но не обольщайтесь. Число вакансий ограничено. Ожидается конкурс, до двадцати на место.

— Так мои шансы пять процентов?

Чиновник поднял брови.

— Вы считаете в уме?

— Ум считает во мне, — усмехнулся Эо. — Может, лучше сразу забрать документы?

— Пока погодите. Вакансий у нас мало, но и претендентов не очень много. — Чиновник помолчал. — Собственно, вы первый. Разглашение этих секретных сведений недопустимо. Кстати, почему у вас такое странное имя? По-моему, в нем слишком много гласных.

— Всего две, — усмехнулся Эо. — Раньше я занимался радиоастрономией, изучал гравитационный коллапс и «черные дыры». Для калибровки радаров используют эталонные отражатели, сокращенно ЭО. Мне понравилось это сочетание.

— Дело ваше, — сказал чиновник, вставая из-за стола. — Так вот, уважаемый Отражатель, с настоящего момента вы уже эксперт по физическим проблемам министерства внешней безопасности, руководителем которого я имею честь состоять. Рабочий день у нас начинается в девять пятнадцать, но приходите попозже, после ремонта. Вопросы будут?

— Нет, — сказал Эо.

3

— Чем мы занимаемся, вы догадались, — сказал министр внешней безопасности через месяц, когда ремонт закончился. — Мы обеспечиваем охрану Мариона от наших инопланетных врагов.

— Разве такие есть? — поинтересовался Эо. — Насколько мне известно, Марион — единственная обитаемая планета в Галактике.

— Во вселенной много галактик. Потом, раньше не было нашего министерства, — объяснил министр. — Но я хочу рассказать, что вы должны делать.

— Я уже понял. Разыскивать инопланетных врагов Мариона.

— Нет, — усмехнулся министр, — для этого у нас много других специалистов. Но противник, вероятно, будет использовать весь арсенал современной науки, включая физику. Когда мы столкнемся с такими фактами, вы будете их анализировать и вырабатывать рекомендации. Понятно?

— Да. Но вы уверены, что мы с ними столкнемся?

— Уверен, — твердо произнес министр. — Теперь, когда министерство организовано, ждать придется не долго.

4

Еще через месяц Эо, придя на службу, нашел у себя министра внешней безопасности. Его лицо было необычно возбужденным.

— Я был прав, — заявил он. — Вы читали сегодняшние газеты?

— Вообще не читаю газет.

— Правильно, — сказал министр. — Первоисточники надежнее. Вы знаете, что это такое?

На столе возвышалась стопка бумаг. Эо промолчал.

— Это доклад астронавта Дузла, чей звездолет «Гамма-Марка» на этой неделе подвергся вероломному нападению наших инопланетных врагов, — торжественно заявил министр. Он встал, освободив место. — Теперь у нас есть работа, по которой все мы успели соскучиться.

Эо сел за свой стол.

— Где это случилось?

Министр опустил в кресло напротив.

— Столкновение произошло в центральном районе Галактики, в небольшой туманности Конская Грива. В докладе, — министр ткнул пальцем в бумаги, — есть подробное описание инцидента, но на вашем месте я незамедлительно приступил бы к допросу свидетелей. Как говорят, по горячим следам.

— Разве допросы входят в мои обязанности?

— Ну, если нравится, называйте это опросом, — поморщился министр. — Ваша задача анализировать факты и вырабатывать рекомендации. Если не возражаете, я буду присутствовать. Можете начинать.

Министр пересел на мягкий диванчик в глубине помещения.

— Хорошо, — сказал Эо. — Только где взять свидетелей?

— В соседней комнате, — сказал министр внешней безопасности.

5

— Меня зовут Гран, — сказал первый свидетель. — По образованию я астроном. Последние годы работаю наблюдателем звездолета «Гамма-Марка» под командой выдающегося астронавта Дузла.

— В чем заключаются ваши обязанности?

— На борту звездолета есть наблюдательный пост, оснащенный телескопами и другими средствами. Объекты наблюдений разнообразны. Это, во-первых, обычные небесные тела: метеориты, планеты и прочее. Во-вторых, искусственные объекты — космические станции и корабли. Еще мы следим за зондами, стартующими с «Гамма-Марки».

— Понятно, — сказал Эо. — Расскажите о вашем последнем рейсе.

— Мы искали планетную систему на стадии возникновения, — начал Гран. — По пути к Конской Гриве корабль посетил еще несколько туманностей. Заметив мощное скопление газа, так называемую протопланету, я должен был сообщить о нем капитану.

— Сколько таких скоплений вы обнаружили?

— Ни одного, — признался Гран. — В других туманностях результат также был отрицательным. Не знаю почему, но основные надежды возлагались именно на Конскую Гриву.

— Но вы ничего не нашли?

— О, если бы так! — сказал Гран. — Протопланет там не было, это точно. И я обнаружил вовсе не протопланету. Скорее это походило на астероид: круглая

глыба диаметром двести метров. До нее было всего сто миллионов километров. После моего рапорта капитан Дуэл приказал мне продолжать сбор информации, а сам повел звездолет на сближение.

— Минуту, — сказал Эо. — Раньше я думал, что дальние звездолеты перемещаются главным образом в подпространстве.

— Вы ошибаетесь. «Гамма-Марка» — это ФПЗ, фотонно-подпространственный звездолет. Для выхода из пространства такому кораблю нужно разогнаться до субсветовой скорости. Поэтому гиперпереход оправдан лишь при значительных перемещениях. В данном случае цель была рядом, и сближение проводилось обычным способом.

— Понятно. И вы стояли у телескопа?

— Да.

— Заметили ли вы что-нибудь необычное?

— Да. Это было так необычно, что капитан Дуэл отдал приказ застопорить. Из моих наблюдений следовало, что объект является чужим космолетом.

— Вот как? Почему?

— Это был шар. Идеальный шар, будто выточенный на станке. Природа не способна создать такое. После моего сообщения капитан Дуэл немедленно остановил звездолет. Это случилось в миллионе километров от чужого.

— Постойте, — вмешался в рассказ министр внешней безопасности, до этого молчавший. — Не понимаю. Вы говорите, природа не в силах создать ничего подобного. Но как же Марион и другие планеты? В школе нас учили, что Марион тоже имеет форму шара. Неужели теперь взгляды переменились?

— У Мариона колоссальная масса, — объяснил Гран. — Марион массивнее обнаруженного нами объекта на 14 порядков, если плотности равны. Гравитация пропорциональна массе. Гравитационное поле

сферически симметрично. Это центральное поле. Поэтому эквипотенциальные поверхности, так называемые изогравы, также имеют сферическую форму. Во избежание больших градиентов поверхность планеты следует одной из изограв. Иначе на планете появятся значительные перепады напряженности, и они автоматически приведут к сглаживанию рельефа. По-моему, это понятно.

— В общем да, — сказал министр. — Вы объясняете очень доходчиво.

Некоторое время все молчали, в том числе и Эо. Потом он сказал:

— Я, кажется, задумался. Извините. У меня возникла одна мысль, но продолжим. Насколько я понял, на искусственное происхождение объекта указывала только форма?

— Нет, — сказал Гран. — Это было главное, но не единственное обстоятельство.

— Однако другие обстоятельства, — сказал Эо, — вероятно, не связаны с очертаниями объекта. Я понимаю так, что это была совершенно гладкая сфера, без пятнышка или выступа.

— Точно, — подтвердил Гран.

— Другие обстоятельства связаны, вероятно, с ее оптическими свойствами?

— Точно, — подтвердил Гран, немного удивившись. — Но откуда вы это знаете?

— Я ничего не знаю. Я могу только предполагать и строить гипотезы. Продолжайте.

— Я еще не описал оптическую обстановку в Конской Гриве. Это самое обычное газопылевое облако, но на его границе, менее чем в парсеке от нас, имелось несколько молодых звезд. Под их лучами газ флюоресцировал преимущественно в длинноволновом диапазоне. Туманность багрово пылала, и было бы естественно, если бы эти составляющие преобладали и в свете, отра-

женном от сферического звездолета. Однако дело обстояло не так просто. Спектр отраженного от корабля излучения был сдвинут еще дальше в длинноволновую область и вдобавок деформирован. Вероятно, чужие астронавты непохожи на нас — это подтверждает и их дальнейшее поведение — и не приспособлены к привычным для нас излучениям. Поэтому они фильтруют соответствующие компоненты специальным покрытием.

— Я опять не понимаю, — пожаловался министр. — Ведь у меня нет специального физического образования. Не могли бы вы изложить свою мысль проще?

— Можно и проще, — сказал Гран. — Вероятно, инфракрасные лучи им вредны. Поэтому покрытие корабля наиболее интенсивно отражает именно эти лучи. И спектр отраженного света казался мне сдвинутым в инфракрасную область и искаженным.

— Теперь понятно, — удовлетворенно сказал министр. — Вы просто молодец. — Министр повернулся к Эо. — Правда?

— Да, — сказал Эо. И добавил, обращаясь к Грану: — Сегодня вы дали нам очень ценную информацию. Благодарю вас. Кажется, я совершенно отчетливо вижу объект, встреченный вами в туманности.

— Вражеский звездолет, — вставил министр внешней безопасности.

— Да. У меня есть еще один, последний вопрос. Вы сказали, что диаметр шара составлял двести метров. Вероятно, это приближенная цифра. Не могли бы вы ее уточнить?

— Нет ничего проще, — сказал Гран. — Двести одиннадцать метров. Естественно, с сантиметрами.

— Двести одиннадцать метров, — медленно повторил Эо. — Вы свободны, Гран. Когда вы понадобитесь, я вас вызову. До свидания.

— Как вам понравился рассказ наблюдателя? — спросил Эо у министра внешней безопасности, когда они остались вдвоем.

— Очень понравился, — ответил тот. — Но еще больше мне понравился сам наблюдатель. По-моему, он весьма компетентен и очень доходчиво все излагает. Особенно хорошо он объяснил, почему этот объект является чужим звездолетом.

Эо промолчал.

Лицо капитана Дузла покрывала густая седая борода. Его голова, казалось, жила отдельно от тела в другом, ускоренном, времени и рано состарилась. Даже отсутствие морщин было трудно заметить, потому что из бороды выглядывали только глаза, нос и куполообразная лысина. Лишь когда капитан Дузл говорил, верхняя часть бороды (это были усы) отделялась от нижней, открывая два ряда белых зубов.

— События разворачивались именно так, — говорил капитан Дузл. — Выслушав первый доклад наблюдателя и посоветовавшись со штурманом, я повел корабль к обнаруженному объекту.

— Меня интересуют причины вашего решения, — сказал Эо. — Ведь в задачи экспедиции не входило изучение астероидов. Вы искали зародыш планетной системы. Кстати, неужели такая работа ведется вслепую? Почему вы направились именно в Конскую Гриву? В Галактике очень много газопылевых облаков.

— Да, — кивнул капитан Дузл. — Осматривать все подряд бессмысленно. Мы пользовались данными гравитационной разведки, указывавшими на присут-

ствие в этой туманности локальных гравитирующих масс. Но на месте мы не обнаружили ничего подобного.

— Ничего, кроме этого сферического объекта? — уточнил Эо.

— Да, — кивнул капитан Дуэл. — Впрочем, разведка ошибается часто.

Эо перевел взгляд на министра внешней безопасности. Тот восседал на диванчике в глубине комнаты и улыбался. По-видимому, он все понимал.

— Скажите, есть ли на «Гамма-Марке» гравитационные телескопы? — спросил Эо.

— Нет, они не входят в состав стандартного оборудования ФПЗ. Мы обходимся оптическими рефракторами.

— Неужели у вас нет никакой гравитационной аппаратуры?

В бороде Дуэла образовалась широкая щель — он усмехнулся.

— ФПЗ оборудован детекторами, измеряющими напряженность поля. Но их показания не выводятся на пульт. Данные о гравитационных полях идут сразу в исполнительную систему, к двигателям и автоматически учитываются при выполнении навигационных команд.

— То есть даже в сильных полях вы маневрируете так, будто находитесь в свободном пространстве?

— Совершенно верно.

— Ладно, — сказал Эо. — Пойдем дальше. Выслушав наблюдателя, вы двинулись к обнаруженному объекту. Почему? Ведь вы не планировали исследований астероидов.

— Да, — подтвердил капитан Дуэл. — Но нас можно понять. Действительно, мы искали планетную систему в зародышевой фазе. Ничего такого ни по дороге, ни на месте не встретилось. И вдруг этот астеро-

ид. До нас в газовых туманностях не находили ничего, превышающего доли миллиметра.

— То есть вас толкнуло туда любопытство?

— Да. После второго доклада наблюдателя — о форме объекта — я остановил звездолет и приказал двум своим десантникам готовиться к старту в одноместных зондах. Расстояние между «Гамма-Маркой» и чужим кораблем составляло почти точно миллион километров. Вскоре десантники стартовали.

— О работе десантников мы поговорим позже. Сейчас меня интересует другое. Я не понимаю, как можно остановиться в пространстве. Всегда есть какие-нибудь силы, которые куда-нибудь вас увлекают. Или вы их учитываете?

— Звездолет все делает сам, — сказал капитан Дуэл. — Вы командуете, остальное протекает без вашего участия. Если поблизости есть небесное тело, гравитационные датчики измеряют напряженность полей и передают соответствующие поправки исполнительным механизмам. Как это происходит, мы с вами уже обсуждали.

— Еще один вопрос, — сказал Эо. — Извините, но я профан в астронавтике. Я понял так, что, если вы вблизи планеты отдаете кораблю команду остановиться, состояние покоя поддерживается двигателями?

— Да.

— Но работа двигателей должна чувствоваться внутри корабля!

— Нет. Современные ФПЗ имеют гравитационную защиту и аппараты искусственного тяготения. Что бы ни происходило, тяжесть внутри звездолета нормальна. Она такая же, как здесь, на Марионе. Это сделано, чтобы экипаж не страдал от ускорений.

— Понятно, — сказал Эо. — А звукоизоляция не пропускает шум работающих двигателей.

— Да, — Дуэл усмехнулся. — Естественно, эффек-

тов, о которых идет речь, в данном случае не ожидалось. Тяготение такого маленького астероида ничтожно. Тем более это относится к космолету.

— Кстати, аргументы вашего наблюдателя показались вам достаточными?

— Да. Подозрение возникло у меня уже после первого доклада. Наблюдатель не знал параметров движения объекта. Необходимые приборы есть только в рубке. Я совершенно не удивился второму докладу. Я его ждал. Пилоты зондов уже готовились. Была одна особенность, несовместимая с гипотезой, что это астероид.

— Он покоился относительно туманности? — быстро спросил Эо.

— Да, — произнес капитан Дузл с некоторым удивлением. — Но откуда вы это знаете? Впрочем, вы читали наш отчет.

— Нет, — сказал Эо, — я ничего не читал. По моему убеждению, необязательно читать, чтобы думать.

8

— Этот астронавт мне тоже очень понравился, — сказал министр, когда Дузл удалился. — Знаете, сейчас мы ведем переговоры с министерством транспорта о передаче нам нескольких звездолетов. После соответствующей доработки они пригодятся в борьбе с нашими инопланетными врагами. У меня возникло желание, чтобы среди этих судов была и «Гамма-Марка». Люди, с которыми мы беседовали, обладают всеми необходимыми качествами. Они отважны и компетентны. Как вы считаете?

— Полностью с вами согласен.

— Кстати, что вы думаете о реконструкции кораблей? Большая потребуется работа?

— Думаю, не очень, — сказал Эо.

На следующее утро Эо вновь находился в своем кабинете. На диване в глубине комнаты опять восседал министр, а в кресле напротив Эо снова сидел Гран.

— Вчера, — напомнил Эо, — вы говорили, что наблюдатель должен следить и за зондами, стартующими с борта звездолета.

Гран молча кивнул. Его длинное худое лицо было бледным. Он часто моргал. Было ощущение, что он всю жизнь провел в полумраке астрономических отсеков и не привык к яркому освещению.

— Остановив корабль, — продолжал Эо, — капитан Дуэл послал два зонда к обнаруженному вами объекту. Входили ли в вашу задачу наблюдения за зондами?

— Безусловно, — кивнул Гран.

— Мне непонятна одна вещь, — сказал Эо. — Непонятно, как это возможно? Стартовая скорость зонда велика, и держать его в поле зрения телескопа очень трудно. Особенно если учесть, что зондов два. По-моему, такая задача по плечу только автомату.

— Безусловно, — кивнул Гран. — Так и делается. Расчетные траектории вводятся в автомат, управляющий телескопами, и они работают согласно этой программе.

— Ясно. Наблюдателю остается приставить глаз к окуляру.

— В общем да, — кивнул Гран. — Только инструменты у нас телевизионные, с выводом на экраны. Такие же экраны есть и в рубке. Кроме того, все записывается на магнитофон.

— Так, — сказал Эо. — О старте зондов вас известили заранее?

— Да.

— И в момент старта вы приступили к наблюдениям?

— Да, — кивнул Гран.

— И, насколько я могу судить, ничего не увидели?..

Министр в глубине комнаты издал неопределенное восклицание. Некоторое время Гран молча смотрел в глаза Эо.

— Ничего, — подтвердил он потом. — Не знаю, откуда вам это известно, но я действительно ничего не увидел. Оба зонда будто провалились в четвертое измерение. А чужой звездолет багрово светился в миллионе километров от нас, таинственный и зловещий.

10

— Это было для нас как гром среди ясного неба, — сказал капитан Дузл. — Ничего подобного никто не предвидел. Как всегда при десантных операциях, мы с пилотами детально разработали план полета. Они должны были приблизиться к чужому кораблю вплотную, произвести фотографирование и сразу вернуться. Кроме того, мы согласовали расписание радиосвязи — первый сеанс через час, а в дальнейшем каждые полчаса.

— Первый сеанс только через час? — удивленно переспросил Эо. — Почему так поздно?

— Ну в начале рейса мы не ждали неожиданно-стей. Пилоты ушли к зондам, а мы со штурманом ждали в посту управления. Вам уже рассказывали, что за зондами, покинувшими корабль, следят специальные телескопы, передающие изображение в рубку. На информационном табло в момент старта зажглись надписи. Как рапорт — «Канал 1 свободен», «Канал 2 свободен»... Это означало, что зонды покинули стартовые туннели. Мы со штурманом повернулись к экранам слежения, чтобы удостовериться, что все идет по программе.

— Но они были пусты, — сказал Эо. — Зонды с самого начала двигались по нерасчетной траектории.

— Да, если размышлять логично, именно такой вывод и следовало сделать. Но мы растерялись и какое-то время не могли мыслить логично.

— И вы даже не попытались связаться с ними по радио?

— Не скрою, такая мысль у нас возникла. Но установить связь не так просто. Это мог сделать только радист. Но в посту управления его не было, потому что до начала первого сеанса все еще оставался час.

— Разве трудно разыскать радиста?

— В принципе нетрудно, но счет шел на минуты. Они уходили, а ситуация не прояснялась. И вдруг на информационном табло зажглась новая надпись: «Канал 1 занят». Это означало, что один зонд возвратился.

— Только один? — спросил Эо.

— Да. Это и удивило нас больше всего. Но самое поразительное произошло еще через минуту, когда вернувшийся пилот в полном снаряжении ворвался в рубку.

— Он закричал, чтобы вы немедленно разворачивали корабль и возвращались? — спокойно сказал Эо.

— Да, — удивленно сказал Дуэл. — Но откуда вы... Впрочем, вы читали наш отчет. Он прокричал именно эти слова. И вдобавок предположил, что я сошел с ума. Он сделал так.

Командир звездолета «Гамма-Марка» капитан Дуэл громко постучал пальцем по своей сверкающей лысине.

11

— Неужели вы действительно не читали этот отчет? — спросил министр внешней безопасности, когда они с Эо остались одни. — Если бы он не лежал под

замком в моем сейфе, я бы никогда этому не поверил. Вы ведете себя так, будто присутствовали на месте происшествия и хорошо знакомы с этими чужими звездолетчиками. Но посмотрим, сможете ли вы определить, какое оружие они применили, и выработать план борьбы с ними.

— Посмотрим, — усмехнувшись, сказал Эо. — Пока мне и правда удается угадывать. Но будущее покажет.

12

Дверь в кабинет Эо рывком распахнулась, и в помещении появился высокий человек, уже немолодой, но спортивного вида. Не дожидаясь приглашения, он опустился в приготовленное для него кресло и посмотрел на Эо.

— Я Марио, десантник с «Гамма-Марки», — представился он. — Вы меня вызывали.

— Вероятно, о причинах вы догадались, — сказал Эо. — Расскажите все, что вы знаете.

— Началось с того, что командир ФПЗ Дузл позвонил нам в десантный отсек и сказал, чтобы мы приготовились. Он объяснил, что наблюдатель заметил астероид. Еще он сказал, что ожидает от этого астероида какого-нибудь подвоха. У него необычайно развита интуиция, у Дузла. Потом, через два часа, он вызвал нас с Эльдаром в рубку и рассказал, что астероид оказался звездолетом, принадлежащим другой цивилизации. Дузл объяснил, что, поскольку мы не знаем намерений чужих и поскольку они не отвечают ни на радио-, ни на световые сигналы, дальнейшую работу будем проводить мы с Эльдаром.

— Погодите, — вмешался министр. — Капитан Дузл, по-моему, не упоминал об этих попытках связи. Они кажутся мне весьма важным обстоятельством.

— Они ведь были безрезультатными, — сказал Эо.

— Да, — согласился министр. — Но вспомните, что говорил нам Гран. О видах излучения, вредных для этих существ. Вдруг капитан Дуэл пытался сигнализировать одним из этих вредных излучений? По-моему, это вполне объясняет их дальнейшее агрессивное поведение.

— Возможно, — сказал Эо. — Надо будет над этим подумать. Продолжайте, — кивнул он Марио. — Рассказал ли вам капитан Дуэл, каков объект, к которому вы должны приблизиться?

— Да, — кивнул Марио. — Он даже показал нам его.

— И какое впечатление он на вас произвел? Не возникло ли у вас хотя бы минутного подозрения, что это не чужой звездолет, а что-то другое?

Некоторое время Марио размышлял.

— Нет, — сказал он наконец. — У нас не возникло и тени сомнения. Это был, бесспорно, искусственный объект. Идеальный шар, абсолютно круглый, без выступа. Природа бессильна создать такое. Если вы встречаете в пространстве шар, значит, это что-то искусственное. Потом, он покоился относительно туманности, как и наш звездолет. Естественные тела всегда куда-нибудь движутся. Вдобавок он довольно необычно светился.

— Так, — сказал Эо. — Насколько я знаю, это все.

— Нет, — произнес Марио. — Аргументы, которые я привел, важны, но они для ума, не для чувства. В действительности размышлять было не нужно. Этот предмет...

Марио замолчал.

— Ну? — сказал Эо.

— В нем чувствовалось что-то разумное. Не знаю, как это объяснить, но это так.

— Можете не объяснять, — сказал Эо, — это понятно. Что было потом?

— Потом мы согласовали стартовую программу и расписание радиосвязи. Мы с Эльдаром, оставив рубку, вернулись в десантное отделение. Все было спокойно. Мы надели скафандры, заняли места в машинах и стартовали. Но сразу после отрыва начались неожиданности.

Марио замолчал.

— Вы стартовали перпендикулярно оси звездолета? — спросил Эо.

— Да, строго перпендикулярно. Если бы все шло как следует, ФПЗ оставался бы строго сзади, и мы видели бы, как он уменьшается за кормой. Но вместо этого мы...

— Вы увидели, как корабль уходит от вас перпендикулярно вашему курсу.

— Точно, — подтвердил Марио. — Не успели мы стартовать, как ФПЗ пошел из-под нас вбок, как перрон космического вокзала. Поравнявшись с рефлектором, мы увидели, что двигатель действительно включен. Корабль уходил, бросив нас на произвол судьбы.

— «Гамма-Марка» была сориентирована кормой к сферическому объекту? — спросил Эо.

— Да. А теперь она уходила, бежала от этого чужого. Мы решили, что в момент старта произошло нечто, заставившее Дузла повести корабль прочь.

— Вы попытались связаться с «Гамма-Маркой», но никто не откликнулся, — сказал Эо.

— Да. Радист наверняка был вне рубки, потому что первый сеанс должен был состояться только через час. Установление связи требовало времени, а время было для нас самым ценным. Нужно было что-то срочно предпринимать. Мы с Эльдаром посоветовались и пришли, как нам показалось, к единственному решению.

— Вы решили, что один продолжит работу, а другой вернется и выяснит, что происходит.

— Да.

— Вы бросили жребий, и вам выпало вернуться.

— Точно. Мы с Эльдаром попрощались, я развернул машину и лег на обратный курс. Звездолет не успел далеко уйти. Догнать его было просто. Я вогнал машину в причальную трубу и, не снимая скафандра, бросился в рубку.

— И выразили капитану Дузлу кое-какие сомнения.

— Да, — смущенно признался Марио. — Ни он, ни штурман ничего не подозревали. Кораблю приказали остановиться, и он повиновался. «Гамма-Марка» покоилась относительно звезд. Но ее двигатели работали. Это было нетрудно выяснить. Они работали, чтобы...

— Чтобы скомпенсировать силу, направленную к сферическому объекту, — закончил Эо.

Министр внешней безопасности издал удивленное восклицание, полное ужаса и экспрессии.

— Точно, — сказал Марио. — Чужой звездолет не подавал ни признаков жизни, ни сигналов. Так казалось нам раньше, но это не соответствовало действительности. На самом деле он прилагал большие усилия, чтобы подтащить нас к себе. «Гамма-Марке» было приказано остановиться, и она покоилась, создавая компенсацию двигателями. Напряженность поля была колоссальна. До чужого звездолета был миллион километров, но двигатели «Гамма-Марки» работали так, словно нужно было зависнуть неподвижно над планетой средней величины.

— Размером со спутник Мариона, Рону, — сказал Эо.

— Верно, — подтвердил Марио. — Это все объясняло. Когда машины оторвались от ФПЗ, поле чужого

подхватило нас и понесло прочь от «Гамма-Марки», упирающейся двигателями. Но движение относительно, и нам казалось, что это ФПЗ уходит, бросив нас на произвол судьбы.

— Да, забавная ситуация, — сказал Эо.

— Забавная? — возмутился министр. — Проявление агрессивных инстинктов враждебной нам цивилизации вы называете забавным? Словно на цирковом представлении!

— Ну я употребил это слово в другом смысле, — примирительно сказал Эо. — Совершенно не в цирковом. Но пойдем дальше. Вы вернулись и во всем разобрались. Но второй пилот, Эльдар, еще некоторое время продолжал полет. Мне кажется, пора пригласить сюда и его. Интересно, что нового он расскажет.

Последовала пауза.

— Он ничего не расскажет, — произнес потом министр. — Эльдар не вернулся. Он был убит или похищен звездолетчиками противника.

13

— Марио остался в рубке, — рассказывал капитан Дуэл. — Вскоре нашелся радист. Он наладил связь с Эльдаром. Тот, как мы и предполагали, продолжал полет, но шел с опережением графика. Это естественно — помимо двигателей, к цели его влекла и таинственная сила чужого. Следует отметить, что она возрастала по мере приближения. Но с момента старта прошло всего десять минут, расстояние между нами не достигло еще и тысячи километров, и, хотя скорость зонда увеличилась до трех километров в секунду, его ускорение почти не изменилось. Вернуться Эльдару было не сложнее, чем Марио. Просто это заняло бы чуть больше времени. Паниковать было рано. Когда мы

связались по радио, я спокойно обрисовал ему ситуацию и рекомендовал лечь на обратный курс. Он не менее спокойно отказался.

— То есть нарушил приказ?

— Нет. Зонд — автономная единица. Пилоты дисциплинированы, но приказывать Эльдару я не мог. Конечно, на борту ФПЗ все подчиняются его командиру. Но выйдя в космос, пилот — иначе командир зонда — становится полностью свободным и самостоятельным. По ряду причин так удобнее. Я мог только высказать свое частное мнение.

— Но какие мотивы заставили его так поступить?

— Очень простые мотивы. Он полагал, что это первый шаг к контакту, и считал, что я преувеличиваю опасность. По его мнению, чужие включили поле, чтобы помочь ему подойти к ним. Потом они выключат поле. Спорить было бесполезно.

— Какое легкомыслие с его стороны! — воскликнул министр.

— Почему же? — возразил капитан Дуэл. — Определенная логика в этом была. Поэтому никто с ним не спорил. Время тянулось медленно. Прошел час, другой. Зонд ускорялся. Мы уже знали, что поле чужого одинаково действует на все предметы и сообщает им равные ускорения. Из всех полей только гравитационное обладает этим свойством. Вероятно, у чужих звездолетчиков был искусственный источник направленного тяготения — нечто вроде гравитационного лазера.

— Никогда не слышал о подобном оружии, — с ужасом вставил министр.

— Мы тоже, — сказал капитан Дуэл. — Мы увидели его в действии. Я упоминал, что ускорение, с которым двигался зонд, постепенно нарастало. Через три с половиной часа оно увеличилось вчетверо и достигло двух единиц. Скорость зонда возросла до ста километров в секунду. Его двигатель мог обеспечить

полет на тройном ускорении, но не больше. Конечно, Эльдар знал это, тем не менее он опять отказался вернуться. Он уже прошел полпути до чужого корабля. «Вторая половина короче», — заявил он. И вновь возразить было нечего.

— Тем временем темп событий нарастал, — сказал Эо. Перед ним лежал лист бумаги, на котором были нарисованы какие-то кривые. Слушая Дузла, Эо смотрел на эти кривые и удовлетворенно кивал, когда Дузл называл новую цифру.

— Да. Зонд летел по эллиптической траектории, и поэтому чужой звездолет находился пока вне поля зрения телескопа, следившего за зондом. Спустя четыре часа после старта зонд прошел уже девять десятых всего расстояния; его скорость возросла до трехсот километров в секунду, а ускорение — до пятидесяти единиц. Обратный путь был закрыт. Чужие все еще не снимали разгоняющее поле, и было непонятно, каким образом они собираются остановить зонд. Его скорость и ускорение росли.

— Но вы все еще с ним разговаривали?

— Да. Пока связь была устойчивой, Эльдар оставался спокоен, хотя многим уже казалось, что он обречен. Но чужим от этой встречи тоже не поздоровилось бы. Продолжать разгон с их стороны было равносильно самоубийству. Поэтому оставалась надежда.

— Надежда, — сказал министр. — Жаль, что там не было меня. Я бы сразу раскусил их агрессивные замыслы.

— Не спорю, — сказал капитан Дузл. — Вскоре связь все-таки нарушилась. Доплеровский сдвиг увеличил частоту передатчика за пределы приемного фильтра. Разумеется, заранее никто не предполагал, что скорость зонда относительно звездолета может приблизиться к световой.

— И что произошло, толком никто не видел, — сказал Эо.

— Конечно. Все кончилось стремительно. Изображение ракеты смазалось, исчезло, телескоп не мог уследить за ее движением. Мы даже не заметили, как силуэт чужого звездолета вошел в поле зрения. А еще через миг на экране не осталось ничего, кроме багрового света туманности.

— Они взорвались оба? — дрогнувшим голосом спросил министр.

— Нет. Телескоп сопровождения проскочил точку встречи. Но на других экранах чужой корабль стоял так же неподвижно, как и раньше, таинственный и зловещий. Зонд будто испарился. А для чужого это столкновение было как укус комара.

14

Оставшись одни, министр и Эо долго молчали. Потом министр сказал:

— Ну, как вам это понравилось? То есть я понимаю, что в данном случае этот оборот не совсем уместен. Но каковы эти чужие! Какая хитрость, какое вероломство! Какое непревзойденное коварство! Этот Дузл упомянул о гравитационном лазере, которым они пользовались. Ведь у нас, на Марионе, нет такого ужасного оружия?

— Пока нет, — сказал Эо. — Во всяком случае, я о нем не слышал. Правда, информация, которой располагаю я, ограничена.

— В данном случае ее достаточно, — сказал министр. — Но оружие, конечно, не главное. Главное — это смерть пилота, и мы должны за него отомстить.

— Думаете, Эльдар погиб?

— Безусловно. У вас разве остались сомнения?

— Я хочу завтра снова поговорить с наблюдателем Граном, — сказал Эо. — Мне кажется, от него мы

услышим дополнительные подробности. Можно будет это устроить?

— Разумеется, — сказал министр внешней безопасности. — Мне тоже доставит удовольствие встреча с ним. Он так понятно все объясняет.

15

— Скажите, «Гамма-Марка» ушла сразу после случившегося?

— Нет, — сказал Гран. — Звездолет нужно подготовить к старту. Это раз. Потом, ФПЗ не так беззащитен. Одно дело расправиться с маленьким суденышком, другое дело с ФПЗ. Кроме всего прочего, звездолет оснащен фотонным двигателем, а это могучее оружие.

— Значит, какое-то время вы находились там?

— Да.

— Производили ли вы осмотр чужого?

— Да.

— Капитан Дуэл рассказал, что зонд исчез бесследно. Соответствует ли это действительности?

— Не совсем, — сказал Гран. — Направив телескоп на чужой корабль, я заметил, что в точке, где траектория зонда пересеклась с его поверхностью, образовался микроскопический бугорок. Что-то вроде прыщика высотой два метра. Он незаметно укорачивался. Но этот процесс протекал так медленно, что его завершения мы дожидаться не стали. И только потом, уже на пути к Марнону, мы догадались, что это было такое.

— В нашей первой беседе, — сказал Эо, — вы упоминали, что все, попавшее в телескоп, записывается на магнитофон. Вероятно, на обратном пути вы просматривали эти записи.

— Вы попали в самую точку, — сказал Гран. — Так мы и сделали. Выяснилось, что процесс сближения протекал не так, как нам представлялось. Вначале зонд разогнался до немыслимой скорости, и его изображение смазалоcь. Но потом оно вновь возникло. Это происходило уже рядом с чужим кораблем. Зонд тормозил, причем его торможение нельзя сравнить даже с разгоном. Зонд набирал скорость четыре часа. Он погасил ее полностью на каком-то десятке метров. Почему он не разлетелся на куски, было непонятно. Во что превратился Эльдар, было страшно подумать. Но зонд сбросил скорость до нуля. Он тормозил, при этом корма двигалась быстрее, чем нос. Он тормозил, одновременно деформируясь, сплющиваясь, укорачиваясь. И тот почти неподвижный нарост, который мы потом обнаружили...

— Был зондом, укороченным и деформированным до неузнаваемости, — закончил Эо.

16

— Каковы инопланетчики! — воскликнул министр. — Мало того, что их разум бесконечно чужд нашему. Этот враждебный нам разум жесток и патологически извращен. Им мало было просто убить этого несчастного Эльдара. Они должны были обязательно искромсать его маленькую ракету, исковеркать ее вместе с ним, что не могло не причинить ему невыносимых страданий. Но теперь наша очередь. Окончив переговоры с транспортниками, мы получим мощные средства. Наша месть будет страшной. Конечно, если мы нападём на след их звездолета.

— Мне думается, что напасть на след нетрудно, — сказал Эо. — С ним-то мы расправимся, будьте уверены.

Когда Эо на следующий день вошел к министру, тот, очень довольный, вытирал с лица пот. В комнате было жарко, даже вентиляторы не помогали.

— Вы меня вызывали, — сказал Эо.

— Да. Я должен вас обрадовать. Сегодня впервые после нескольких дней, заполненных этими ужасными описаниями, к нам пришла добрая весть. Мои люди завершили переговоры с транспортниками, и весьма успешно. Вам, несомненно, доставит удовольствие сообщение, что «Гамма-Марка» стала первым из пяти звездолетов, которые передаются нашему министерству. Следовательно, эти милые люди, с которыми мы разговаривали — Гран, Дузл и Марио, — теперь являются нашими коллегами.

— Поздравляю от всего сердца, — сказал Эо.

— Спасибо, — сказал министр. — Но теперь, помимо поздравлений, нужны конкретные действия. Вероятно, вы уже закончили предварительное рассмотрение этого печального дела?

— Да.

— У вас, надеюсь, уже сформировалось мнение об этом чужом корабле и об оружии, которым он оснащен?

— Да, — сказал Эо.

— В таком случае вы должны в кратчайшие сроки дать рекомендации по переоборудованию звездолета Дузла, чтобы он смог найти этих чужих и достойно покарать их. Вы, как мне показалось, прекрасно ориентируетесь в их поведении и должны понимать, что их вызывающие поступки не могут остаться безнаказанными. Недели вам хватит?

— Мне она не понадобится. Я могу все высказать хоть сейчас.

— Так быстро? — удивился министр. — Впрочем, сначала нужно вас выслушать. Итак, какое дополни-

тельное оборудование требуется «Гамма-Марке», чтобы наш звездолет мог успешно противостоять чужому?

— Спасательное, — коротко сказал Эо.

— Вы имеете в виду спасательное оборудование? — спросил министр. — Я не ослышался? Кого же, позвольте поинтересоваться, вы собираетесь спасти? Уж не этих ли инопланетных агрессоров?

— Нет, — коротко сказал Эо. — Эльдара.

— Эльдара? — грозно переспросил министр.

— Да, — подтвердил Эо. — Пилота, без которого они вернулись.

— Но он же погиб!

— Нет, — сказал Эо. — Он живет нас с вами. Если хотите, я все расскажу по порядку.

Он сделал паузу. Министр молча ждал, сильно обескураженный.

— Если вы помните, когда-то я занимался астрофизикой, — сказал Эо. — Есть древний принцип минимизации мышления. Гипотеза чужого разума является последней, к которой следует обращаться. Прежде должны быть исчерпаны объяснения, основанные на естественных причинах. Мне сразу не понравилось, как наши новые коллеги в один голос твердили, что природа бессильна создать объект, с которым они встретились. Мне стало обидно за природу. В природе существует все. Ну а правильную мысль мне подсказали.

— Кто это сделал? — спросил министр внешней безопасности, очень заинтересованный.

— Вы, — коротко ответил Эо. — Заговорив о том, что Марион имеет форму шара.

— Помню, помню, — польщенно сказал министр. — Но этот астроном Гран развеял мои аргументы. Он объяснил, что планеты шарообразны из-за гравитации, что гравитация пропорциональна массе и что масса такого маленького объекта ничтожна.

— Правильно, — сказал Эо. — Это послужило вторым толчком. Масса такого тела ничтожна в том слу-

чае, если его плотность не превышает плотности средней планеты. Но откуда следует, что это так? Откуда вытекало, что плотность мала? Ведь ее никто не измерял. Мне в голову пришла естественная мысль: шар круглый из-за большой гравитации, а гравитация велика из-за массы. Из этой гипотезы следовало, что масса шара по порядку величины совпадает с массой звезд.

— Но плотность? — сказал министр. — У него в этом случае должна быть совершенно невероятная плотность! Разве есть в природе такие объекты?

— Есть, — спокойно ответил Эо. — Поступая на работу, я говорил вам, что до этого занимался астрономией, изучал гравитационный коллапс и «черные дыры». Есть предел плотности, после которого материя может только сжиматься, остановить ее ничто не в силах. Это и есть коллапс, а «черная дыра» — это коллапсирующая звезда. Ружья стреляют не только в романах, но и в жизни. Наши решения и поступки во многом определяются тем, что мы делали в молодости. А в молодости я изучал «черные дыры» и поэтому сразу предположил, что «Гамма-Марка» встретила с «черной дырой». Это все объясняло, все факты. Поэтому потом я только и делал, что угадывал. И неплохо, по-моему.

— О каких фактах вы говорите? — спросил министр несколько озадаченно.

— Во-первых, выбор туманности для работы, — сказал Эо. — Помните, почему они выбрали именно Конскую Гриву? Гравитационная разведка обнаружила там локальные скопления огромных масс. Я немного разбираюсь в соответствующих методах. Множественное число ничего не означает. «Локальные скопления» означает хотя бы одно скопление. Они решили, что это зародыш планетной системы: протопланеты и прочее. Но это была обыкновенная «черная дыра».

— Так, — сказал министр, — звучит логично. Продолжайте.

— Потом они прибыли на место, — продолжал Эо. — Никаких протопланет они не нашли. Естественно, ибо их никогда там и не было. Потом Гран заметил нечто, что он принял за астероид. Дуэл повел ФПЗ к обнаруженному объекту.

— С его стороны это тоже было вполне логично, — вставил министр.

— По дороге к объекту, — продолжал Эо, — обнаружили странности, заставившие предположить, что это чужой космический корабль. Главным была сферическая форма. Шар диаметром двести метров, как они считали, может быть только искусственным. При этом они думали, что его плотность нормальна. Но теперь мы знаем, что плотность была чудовищной. Так что и в форме не было ничего удивительного.

— Пойдите, — сказал министр внешней безопасности, — мне кажется, вы не учитываете одно существенное обстоятельство. В школе нас учили, что «черная дыра» называется так, поскольку даже свет бессилен ее покинуть. Поэтому «черная дыра» невидима. Неужели теперь взгляды переменились?

Некоторое время Эо молчал.

— Взгляды не менялись, но все зависит от обстановки. Планеты тоже не излучают, но разве они невидимы? Пространство в окрестностях «черной дыры» искривлено. Время там течет очень медленно, почти останавливается. Это приводит к тому, что ни один предмет, падающий в «черную дыру», не может туда упасть. Для постороннего наблюдателя он будет бесконечно долго приближаться к некой предельной сфере, окружающей центр коллапса, но никогда ее не достигнет. За миллионы лет, проведенные в туманности, «черная дыра» стянула к себе громадные количества пыли. Шар, замеченный с «Гамма-Марки», и был этой предельной сферой, облепленной пылинками, которые падали, но не могли упасть на нее. Астронавты видели оболочку из пыли, спрессованной временем.

— Хорошо сказано, — задумчиво произнес министр. — Пыль, спрессованная временем. Пыль эпох. Мы часто встречаем такие образы в книгах по археологии, но никогда еще это выражение нельзя было понять так буквально и вместе с тем так красиво.

— Возможно, — сказал Эо. — Из моей простой гипотезы вытекали все следствия, в том числе и парадоксальные. Ведь что, кроме формы, поразило наших астронавтов? Необычные отражающие свойства. Но что вы хотите от объекта, время в пространстве возле которого течет замедленно, да и само пространство искривлено? Частота излучения в такой области меняется, падающий свет выходит оттуда с запаздыванием, и в результате это уже совсем не тот свет, что туда попал.

— Все понятно, — сказал министр. — Знаете, Эо, вы умеете объяснять не хуже, чем этот Гран.

— Благодарю за комплимент, — сказал Эо. — Но не будем отвлекаться. Две странности мы объяснили. Была и третья. Их удивило, что шар покоился относительно туманности. Ничего удивительного нет и здесь. «Черная дыра» покоилась относительно туманности, потому что они, видимо, имеют общее происхождение: они возникли одновременно после взрыва Сверхновой. Так иногда образуются «черные дыры».

— Да, — сказал министр внешней безопасности, — это тоже чертовски логично. Теперь я даже вижу подоплеку некоторых ваших угадываний. Например, что зонды должно было увлечь тяготением к этой «черной дыре». Но я не понимаю, откуда вы узнали ускорение, с которым двигались зонды.

Эо улыбнулся.

— Как раз это элементарно. Масса «черной дыры» и ее предельный для внешнего наблюдателя размер, меньше которого она сжаться не может, связаны совершенно однозначно. Радиус «черной дыры» я знал — его нам сообщил наблюдатель.

— Помню, — сказал министр. — Что-то около ста метров.

— Точнее, сто пять с половиной метров, — сказал Эо. — Отсюда я вычислил массу «черной дыры». После этого я взял книгу по движению в центральном поле тяготения. Подставив в формулы известные мне параметры — массу центрального тела и начальное расстояние до него — я без труда построил вот эти графики, которые вы уже видели и на которых нанесены положение, скорость и ускорение зонда в зависимости от времени.

— Я помню, — сказал министр, — это выглядело очень эффектно. Я уже было решил, что взял на работу ясновидца.

— Никакого ясновидения, одна математика, — сказал Эо. — Вернее, арифметика. Теперь, надеюсь, вам все понятно.

— Да, — сказал министр, вдруг погрузнев, — теперь я понял многое. Многое, кроме одного. Я не понял, какие причины заставляют вас шутить насчет спасательного оборудования.

— Шутить?

— К сожалению, да, и это прискорбно, — сказал министр. — Вы во всем разобрались — ну и что? Враг или природа — какая разница? И в том и в другом случае речь идет о гибели человека.

Эо усмехнулся.

— Здесь кроется ваша самая существенная ошибка. Помните, что я говорил вам о пылинках? О пылинках, которые падают, но не могут упасть на «черную дыру»? Все эти слова применимы не только к пылинкам, но и к зонду.

— К зонду? — переспросил министр.

— Да, — сказал Эо. — Поймите, что колоссальное торможение, которое должно было раздавить Эльдара, существовало только для наблюдателей — оно было следствием разного хода времени в двух системах от-

счета. Деформация и сплющивание ракеты тоже были своеобразной иллюзией, связанной с искривлением пространства. Словом, Эльдар сейчас цел и невредим. Вызволить его ничего не стоит, хотя технически это довольно сложно. К счастью, торопиться некуда. Спасатели могут прийти к нему через миллион лет и все равно не опоздают: ведь в его времени этот миллион лет займет долю секунды. Если хотите, я могу взять на себя все необходимые расчеты.

Некоторое время министр внешней безопасности сосредоточенно молчал.

— Ладно, — сказал он потом. — Ваши аргументы, Эо, очень основательны. Вы меня почти убедили. Но все равно: чтобы я окончательно поверил, мне требуется успешное возвращение спасательной экспедиции.

— Ну что же, — сказал Эо. — Вероятно, вы тоже правы. Истина проверяется только экспериментом.

18

Через два года Эо и министр сидели на открытой веранде загородной виллы последнего и смотрели в сторону заката. Там на фоне багровых облаков быстро уменьшался маленький крылатый аппарат. Когда он исчез, Эо повернулся к министру.

— Хороший парень этот Эльдар, — сказал он. — Можно считать, что нам повезло еще с одним коллегой. Как ваше мнение?

— Безусловно, — рассеянно отозвался министр. — Вы знаете, теперь, когда все кончилось столь благополучно, мне не дает покоя одна мысль.

— Да?

— За то время, что истекло с начала нашей совместной деятельности, — сказал министр, — вы неоднократно излагали мне сущность этой истории и причи-

ны, подтолкнувшие вас к решению загадки. Что-то в ваших объяснениях меня не устраивает.

— Что именно?

— Должны быть какие-то мотивы, какой-то толчок к правильному решению. Ничто не может возникнуть из ничего. Возможно, в физике я разбираюсь слабо, но в психологии я разбираюсь.

Некоторое время оба сидели молча. Потом Эо сказал:

— Вероятно, вы правы. Мотивы такого рода у меня действительно были. Об одном из них я даже упоминал. Помните, я говорил вам, что обиделся за природу?

— Помню, помню, — сказал министр. — В природе существует все — так, по-моему, вы это сформулировали. Правильно, о таких вещах я и говорю.

— Была другая причина из этого же ряда, — сказал Эо. — Знаете, когда у меня развеялись последние сомнения? Когда Марио сообщил, что в обнаруженном объекте ему привиделось что-то разумное. После этого я уже не сомневался.

— Непонятно, — сказал министр. — Какое отношение эти слова имеют к вашей догадке?

— Самое непосредственное. В молодости я как-то писал философский реферат о сознании. Знаете, какой аналог разума я придумал?

— Не буду угадывать, — сказал министр. — Я слышал, конечно, что среди животных есть очень умные твари, но все же воздержусь от высказываний.

Эо молчал, собираясь с мыслями. Небо на закате уже темнело. Ночь выдвигалась из-за горизонта.

— Я начал с того, что сформулировал основные свойства разума, составляющие его отличия от всего остального.

— Вы смельчак, — сказал министр. — По-моему, это пытались сделать многие философы, в том числе древние мыслители, оставшиеся в этих вопросах не-

превзойденными. Ни у кого из них не получилось ничего путного.

— Да, — усмехнулся Эо. — Но я-то не философ. Я пошел по обычному пути физика — абстракция и отрыв от второстепенного. Прежде всего я выдвинул три основных качества разума так, как я их понимал. Первое — разумное существо накапливает информацию. Второе — поведение разумного существа непредсказуемо. Третье — разумное существо обладает свободой воли. Собственно, это все.

— Любопытный перечень, — сказал министр. — По-моему, он маловат. А как его оценили экзаменаторы?

— Они нашли, что он слишком велик, — усмехнулся Эо. — Они заявили, что эти свойства не являются независимыми, что они сводимы друг к другу. Тем не менее они признали их правильность. Но они страшно возмутились, когда дошли до того места моего реферата, где я выдвинул свою концепцию физического объекта, аналогичного, на мой взгляд, разумному существу. Объекта, не являющегося разумным существом, но тем не менее обладающего всеми перечисленными качествами.

— И что же это было такое? — спросил министр внешней безопасности.

— Вы могли бы догадаться, — укоризненно сказал Эо. — Вы же знакомы с моими взглядами на эти вещи. О ружьях, которые стреляют не только в новеллах, но и в жизни. Вы знаете, что практически в то же самое время я занимался «черными дырами». Естественно поэтому, что найденный мною аналог разумного существа представлял собою не что иное, как «черную дыру».

— Но почему? — воскликнул министр. — Это же совершенно неправильно! Ну я еще могу понять, что вы имеете в виду, утверждая, что «черная дыра» на-

капливает информацию и этим подобна человеку. Вы хотите сказать, что информация, попавшая в «черную дыру», так там и остается, поскольку даже свет бессилен эту дыру покинуть. Это понятно. Но...

Министр замолчал. Эо смотрел на него с совершенно невинным видом.

— Почему вы замолчали? — лукаво поинтересовался он. — Вы очень правильно начали все излагать.

— Правильно? — возмутился министр. — Я объяснил только одно свойство из трех, причем свойство, в объяснении не нуждавшееся. А где остальные два — о свободе воли и о непредсказуемости поведения? Разве «черная дыра» обладает свободой воли? Разве ее поведение непредсказуемо? Что вы имеете в виду, утверждая это?..

— А вы хорошо помните, что такое «черная дыра»? — спросил Эо. Министр покачал головой. — Это очень массивный объект, который сжимается под действием собственного тяготения. Ее гравитация так велика, что «черная дыра» сжимается неудержимо. Это явление называется коллапс, отсюда другое название «черной дыры» — коллапсар.

— Как раз это я знаю, — сказал министр. — У меня хорошая память, а вы уже рассказывали это. Но я не понимаю, какое отношение это имеет к свободе воли.

— Сейчас поймете, — пообещал Эо. — Тяготение «черной дыры» так велико, что вблизи нее изменяется геометрия пространства-времени. Гравитация как бы прессирует время, в результате оно течет совершенно по-разному для человека, проваливающегося в «черную дыру», и другого человека, за этим падением наблюдающего. Первый падает, ускоряясь до скорости света, и через короткое время гибнет. Но для второго наблюдателя (а также для его потомков, если они есть) он будет бесконечное время приближаться к некой предельной

сфере, окружающей коллапсар, и никогда не достигнет этой сферы. Это означает, что первый человек за время своего короткого падения увидит, как во вселенной, из которой он падает, все стремительней пролетают эпохи, так что перед ним пройдет вся будущая история вселенной, и его смертный миг сольется с концом света, отделенным от нас временем, равным бесконечности...

Эо сделал паузу, чтобы передохнуть. Министр удивленно проговорил:

— Но вы сейчас рассказываете всем известные вещи. У меня нет специального физического образования, но я все это прекрасно знаю, потому что слышал это от вас. По-моему, вы ни на сантиметр не продвинулись к цели своего доказательства, даже если вы ее действительно перед собой поставили. О непредсказуемости поведения вы пока не упоминали.

— Сейчас, — сказал Эо. — Кстати, что такое непредсказуемость поведения?

— Ну... — замялся министр. — Дайте сообразить. По-моему, если поведение объекта нельзя предсказать, то такое поведение непредсказуемо.

— Ответ правильный, — сказал Эо. — Теперь попробуйте предсказать поведение «черной дыры».

— Нет ничего проще, — сказал министр. — Она будет спокойно находиться там, где она находится, и пожирать материю, информацию, свет и все остальное.

— И сколько это будет продолжаться? — спросил Эо.

— Всегда, — ответил министр.

— А что случится с нею потом? — спросил Эо.

— Потом? Вы не оговорились? Что вы имеете в виду?

— Сейчас объясню, — сказал Эо. — Я уже упоминал, что бесконечная эволюция вселенной по собствен-

ным часам «черной дыры» займет конечное время, и не слишком большое. Но эволюция «черной дыры» на этом не кончится. И не будете ли вы добры объяснить мне, что станет с «черной дырой» по ту сторону бесконечности, когда она переживет конец нашего мира?

— Ну я затрудняюсь ответить, — подумав, заявил министр. — По-моему, вопрос поставлен некорректно. Нельзя предсказать судьбу объекта через бесконечное время, когда остального мира уже не будет, пусть даже по часам самого объекта при этом прошло всего несколько секунд.

— Значит, предсказать поведение «черной дыры» нельзя? — спросил Эо, несколько не смутившись.

— Принципиально невозможно, — самоуверенно ответил министр.

Эо громко рассмеялся.

— Правильно, — сказал он. — Это принципиально невозможно. Но если поведение объекта нельзя предсказать, то оно непредсказуемо.

— Да, действительно, — неуверенно проговорил министр.

— А если поведение объекта принципиально непредсказуемо, — сказал Эо, — это как раз и означает, что объект обладает свободой воли. Все, я закончил, переходите к вопросам.

Но вопросов не последовало. Министр молчал. Веранду окружала ночь. Тишина и темнота. И только звезды горели высоко в небе.

— Вот эти-то рассуждения и подтолкнули меня к правильному решению, — проговорил Эо несколько минут спустя. — «В нем чувствовалось что-то разумное», — сказал Марио. Но для меня разум всегда ассоциировался с «черными дырами». Кто знает, может быть, это не просто поверхностная аналогия. Откуда нам знать, что скрывается в глубинах нашего организ-

ма? Возможно, «черная дыра» не только космический объект. Существует предположение, что есть «черные дырочки» с атом величиной. Вдруг жизнь и мышление тоже процессы «по ту сторону бесконечно»?..

Эо замолчал. Министр тоже молчал, размышляя. Потом он сказал:

— Возможно, все это и так, но это уже не относится к теме нашего разговора. Потом, я совершенно не уверен, что многим людям так уж необходимо накапливать информацию. Да и их поведение не назовешь непредсказуемым. Вы, Эо, — это другое дело. Вы действительно храните в своей памяти сведения о разных вещах, казалось бы, никому не нужных, и в подходящий момент, подобно фокуснику, совершенно непредсказуемым способом извлекаете из них пользу. В связи с этим у меня есть к вам небольшое предложение.

Эо ждал.

— Вы похожи на «черную дыру», Эо, — продолжал министр. — Я ведь помню, откуда вы взяли свое имя. Мне оно совсем перестало нравиться. Ну какой вы Эталонный Отражатель? Это просто зеркало, отражающее свет без всяких изменений. «Черная дыра» — это другое дело. Помните, как они говорили? «Вдобавок он очень необычно светился...»

Эо молча слушал начальника.

— Короче, я предлагаю вам сменить имя, Эо, — сказал министр. — Эталонный Отражатель — это не вы. Вы — это Черная Дыра. Именно это сокращение вам бы и подошло.

— Я весьма польщен вашим мнением обо мне, — сказал Эо. — Но боюсь, что не смогу воспользоваться вашим предложением.

— Почему? Вам не нравится такое сокращение?

— Нравится. Только в нем будет слишком много согласных, — сказал Эо.

— В конце концов у меня отпуск, — сказал Эо. Он метался по помещению, не глядя на министра внешней безопасности, спокойно наблюдавшего за ним из-за широкого письменного стола. Эо был зол. Он всегда был зол, когда его от чего-нибудь отрывали и приводили в чужой кабинет.

— У меня отпуск, — повторил Эо. — Но вы все-таки разыскиваете меня на реке, присылаете свой вертолет и возвращаете меня в город. Зачем? Только для того, чтобы рассказать о происшествии, пусть интересном, но лишенном деталей, за которые можно ухватиться.

— О чем вы говорите?

— Вы сами прекрасно знаете, — сказал Эо. — Вы думаете, что, отдыхая в глуши, я не беру с собой телевизор? Вы думаете, я не слышал, что вчера ваш дозорный крейсер встретил чужой звездолет? И что это случилось всего в световой неделе от Мариона?

— Не вчера, а больше недели назад, — поправил министр. — Вчера мы только узнали об этом. Скорость света, к сожалению, ограничена.

— Все равно, — сказал Эо. — Наш труд — сопоставление фактов. Один факт — ничто. Два факта можно связать одним-единственным способом. Работа проблемиста начинается с трех фактов, которые можно объединить в три принципиально различные цепочки. А в вашем деле нет этих трех фактов. Да что я говорю? Там нет даже проблемы! Для вас — возможно, но не для меня.

— Успокойтесь, — сказал министр внешней безопасности. — Почему вы решили, что я вызвал вас из-за этого корабля?

— Зачем же еще? — сказал Эо. — Опасность. Безопасность. Внешняя угроза. Это у всех на уме. Что говорить о профессионалах?

— Отчасти вы правы, — сказал министр. — Появление вражеского разведчика нас огорчило. Но пока вам действительно нет места в этом деле.

— Зачем же вы меня вызвали? — Эо остывал.

— Есть еще одно происшествие, — сказал министр внешней безопасности. — Уже по вашей части. В институте прикладной физики построили машину времени. Вчера состоялись ее первые испытания, и она исчезла. Вместе с водителем.

2

— Да, если предел вашей машины — неделя, то затеряться в далеком прошлом она не могла. — Эо сделал паузу. — Но почему же вы не подняли тревогу в момент предполагаемого финиша, восемь дней назад?

Старший сотрудник института прикладной физики Крамп нервно потер ладони. Он был сутулый, бородатый, неопределенного возраста. В лаборатории стояла жара, и по лицу Крампа струился пот. Его глаза были спрятаны за тяжелыми квадратными очками. Рядом с ним на лабораторном столе дымился паяльник. Крамп слегка походил на радиолюбителя.

— Вообще-то вы правы, — сказал он. — Но точное время переноса было установлено в самый последний момент. Нас очень торопили. Конец квартала. Вам это, вероятно, знакомо.

— Нет, — сказал Эо, — но ладно. Объясните лучше другое. Мне непонятно, как вам удалось избежать парадокса?

— Что вы имеете в виду?

— Элементарную вещь, — сказал Эо. — Своим появлением в прошлом вы его изменяете. Поэтому и настоящее должно измениться. Парадокс. Раньше из него делали вывод, что машина времени невозможна. Вы построили ее, но парадокс остался. Интересно, как он все же решается?

Крамп снял очки и провел ладонью по воспаленным глазам.

— Не знаю. Нам некогда заниматься философскими измышлениями. Перенос в прошлое экспериментальных микромашин был зарегистрирован вполне надежно.

— Понятно, — сказал Эо. — Значит, вы опровергли все возражения экспериментом. А теорией вы занимались?

— Конечно, — сказал Крамп. Он достал из кармана платок и вытер пот со лба. — Наши модели уходили в прошлое очень недалеко. Для того чтобы зарегистрировать перенос, потребовалась уникальная аппаратура. При ее разработке нам пришлось решить ряд совершенно новых проблем.

— Я имел в виду другое, — сказал Эо. — Но пойдем дальше. Значит, модели перемещались в прошлое недалеко. Куда именно?

— Всего на несколько наносекунд.

— Так мало? С чем это связано?

Крамп снова вытер пот.

— С потреблением энергии. Модели расходуют уйму электричества, хотя и невелики.

Порывшись в ящике стола, Крамп извлек оттуда блестящий параллелепипед, похожий на зажигалку.

— Это увеличенный макет микромашины.

— Спасибо, — сказал Эо. Он повертел параллелепипед в руках и положил на стол. — И как же вы выкрутились?

— Мы кое-что улучшили, — сказал Крамп. — Пе-

решили на другие материалы. Это позволило при тех же затратах послать на неделю в прошлое пилотируемую капсулу.

— Сразу с человеком?

Крамп помолчал.

— У нас не было выбора. Дистанционное управление на таких интервалах невозможно. Киберсистемы очень тяжелы. И еще конец квартала.

— Что представлял собой пилотируемый аппарат?

Крамп достал из ящика прозрачную стеклянную сигару.

— Вот. Масштаб — один к ста.

— А как вы попадаете внутрь?

— Через специальный герметичный люк.

— Почему герметичный?

— Уйдя в прошлое, капсула не сможет финишировать там, где стартовала. Ведь в момент финиша место старта занято. А если капсула сместится на несколько километров вверх, пилот задохнется.

— Почему вверх?

— Капсула может уйти в любую сторону, в том числе и вверх. Лишь бы на свободное место.

— А почему вы говорите о километрах?

— В опытах с моделями расстояние между стартом и финишем достигало трех метров. Из анализа размерностей можно заключить, что смещение примерно пропорционально размерам машины.

— Понятно, — сказал Эо. — Звучит разумно, но мне хотелось бы самому ознакомиться с результатами испытаний.

Крамп подвинул к нему толстый том.

— Наш последний отчет. Здесь есть все, начиная с самой первой работы.

— Спасибо, — сказал Эо. — Модели я тоже возьму, если не возражаете. До свидания.

Он взял отяжелевший портфель и вышел из лаборатории.

Вид с террасы, примыкавшей к рабочему кабинету Эо, открывался великолепный. Прямо вниз, под обрывом, лениво текла река, повторяя движения берегов. Дальше, на другой стороне, на несколько километров тянулись луга, покрытые изумрудно-зеленой, очень высокой травой. Еще дальше — ближе к горизонту — из травы поднимались приземистые деревья с горизонтальными кронами. У самого горизонта земля смыкалась с небом, которое было голубым и безоблачным. Но министр внешней безопасности знал, что тучи должны где-то быть, хотя бы за горизонтом. Он повернулся к Эо.

— Насколько я понял, ваше дело тоже не прояснилось.

— Ошибаетесь, — сказал Эо. — Остались пустяки. Теперь я должен сесть и немного подумать. Вероятно, все будет в порядке.

Министр внешней безопасности оттолкнулся ногой от пола террасы. Кресло закачалось.

— У вас есть основания так считать?

— Да, — сказал Эо. — У них выявились существенные недоделки. Особенно это касается известного парадокса.

— Парадокса?

— Ну да. Вы наверняка где-нибудь читали, что машина времени невозможна, потому что она позволяет вам влиять на прошлое, а тем самым на настоящее, тогда как в действительности и то и другое неизменно. В этом и заключается парадокс. Всякий, кто изобретает машину времени, должен серьезно подумать, как его решить.

— Разве он разрешим?

— В принципе да. Если, перенесясь в прошлое, вы будете, например, невидимы, неосязаемы и не сможете вмешиваться в то, что там происходит.

Некоторое время министр размышлял.

— Все-таки удивительно, как это у вас получается. Вы знаете, какое у меня образование. Можно сказать, чисто гуманитарное. Но когда я общаюсь с вами, самые сложные физические проблемы становятся ясными и понятными. Как вам это удастся?

Эо промолчал.

— Ладно, — сказал министр. — Так вы считаете, что пропавший водитель сейчас где-то поблизости — невидимый и неосязаемый?

— Необязательно, — сказал Эо. — Я привел лишь одно из возможных решений парадокса. Если оно не противоречит тому, что мы знаем, то скорее всего из-за того, что мы не знаем ничего.

— Понятно, — сказал министр. — А какое решение предлагают они?

— Они? Никакого.

— Но вы только что сами сказали, что каждый, кто конструирует машину времени, должен над этим парадоксом задуматься!

— Мало ли что я сказал! Они этим не занимались. Они полагают, что раз у них есть действующие модели, то...

Эо задумался.

— Раз у них есть модели, — сказал министр, — то что? По-моему, вы не закончили свою мысль.

— Погодите, — сказал Эо. — Извините, но мне нужно кое-что посчитать. Я быстро.

Через несколько часов, когда он вернулся, терраса была пуста. Эо прошел через дом к взлетной площадке и набрал адрес на киберпилоте.

4

— Сюда, пожалуйста.

— Спасибо. — Эо приоткрыл дверь в комнату. — Можно?

— Это уже вы? — сказал министр. — Заходите, присаживайтесь.

В помещении было звездно. Телевизор здесь был во всю стену, и сейчас, когда на экране дрожали крупные звезды, комната больше всего напоминала рубку космического корабля.

— Дозорный крейсер с телепередатчиком подходит к вражескому разведчику, — сказал министр. — Начинается самая опасная фаза. А как ваши успехи?

— Неплохо, — сказал Эо.

Изображение на стене отдалилось, и стала уже видна вся рубка управления с астронавтами около пультов. Один из них крутнул рукоятку, и звезды начали расходиться, как будто картина звездного неба стремительно надвигалась.

— Помните, что мы говорили о парадоксе? — спросил Эо. — Парадокс невозможен — вот от чего я отталкивался. Мне удалось найти его истинное решение.

— Теоретически?

— Как всегда, — сказал Эо. — Но я уже получил экспериментальное подтверждение.

— Так быстро?

— Ну, экспериментов я не проводил, — сказал Эо. — Я не экспериментатор. Они проделали все опыты сами, но дали неверное истолкование. На самом деле все просто. Вы уходите в прошлое, но что может помешать вам влиять оттуда на настоящее?

Министр подумал.

— Я знаю одно — я все пойму, когда вы мне все объясните.

— Вам помешает расстояние. Ведь машина времени перемещается и в пространстве.

— Разве? — сказал министр. Он глядел в прозрачную стену. Звезды там оставались безразмерными точками, хотя расстояния между ними увеличивались. Постепенно они уходили за границы экрана.

— Посмотрите на звезды, — сказал Эо. — Звезды находятся от нас так далеко, что мы видим их такими, какими они были многие годы назад. Если бы что-нибудь произошло на одной из них вчера или даже в прошлом году, мы бы об этом не узнали. Ведь такое прошлое причинно не связано с нашим настоящим.

Министр промолчал. В центре экрана осталась только одна звезда, остальные ушли за его пределы. Эо открыл портфель и вынул какой-то чертеж.

— Вот график. До вчерашнего опыта они запустили в прошлое несколько десятков моделей. По вертикальной оси здесь отложено расстояние между стартом и финишем, по горизонтальной — соответствующий промежуток времени. Чем, по-вашему, замечателен этот график?

Министр не ответил. Звезда в центре экрана превратилась в цилиндр с четкими очертаниями.

— Все точки лежат на прямой, проходящей через начало координат, — пояснил Эо. — Смотрите. А угловой коэффициент этой прямой равен скорости света!

— Ну и что?

— Ничего. Но из этого графика следует, что, путешествуя во времени, предмет проделывает в пространстве путь, равный произведению скорости света на время, пройденное в прошлое. И парадокс исчезает.

— Почему?

— Именно поэтому, — сказал Эо. — Говоря о парадоксе машины времени, подразумевают, что перенос в прошлое происходит в фиксированной точке пространства. Например, мы с вами смотрим телевизор, а потом некто на машине времени переносится на час назад и ломает его. Понимаете, где здесь парадокс?

— Да, — сказал министр. — Это вы мне уже объяснили.

— А что произойдет на самом деле? — продолжил Эо. — Что произойдет в действительности согласно

элементарному соображению, что парадокс невозможен, и вот этому экспериментальному графику? В действительности некто на машине времени окажется от нас на расстоянии одного светового часа. Чтобы вывести из строя наш телевизор, ему придется лететь сюда самому или посылать сигнал по радио своим единомышленникам, а даже радиоволна доберется до нас не раньше, чем в тот момент, когда он отправляется в прошлое, и парадокс не возникает. Теперь понимаете?

— Кажется, да, — сказал министр. — Но какое отношение это имеет к нашему происшествию?

— Прямое, — ответил Эо. — Машина времени отправилась в прошлое на семь суток. По причинам, которые я изложил, она очутилась от нас очень далеко, на расстоянии световой недели. Понимаете?

Эо повернулся к телевизору и некоторое время смотрел на предмет на экране.

— Вражеский разведчик, — сказал он. Потом извлек из портфеля маленький стеклянный цилиндр. — А это его макет. В масштабе один к ста.

5

Зазвонил видеофон. Экран заполнило большое лицо министра.

— Извините. К вам можно?

Эо пошарил рукой в поисках выключателя.

— Добрый вечер.

— Я по делу, — сказал министр. — Как у вас темно!

Эо оторвал глаза от экрана и посмотрел вперед сквозь ветровое стекло. Небо было еще светлое, но солнце уже зашло. Оно село за левым берегом, за высоким лесом, тянувшимся вдоль реки далеко вверх, и небо в той стороне хранило отпечаток зари. А над головой осталась только блеклая синь, и вода впереди

была гладкая и серая, потому что в ней отражалось небо, уже начавшее темнеть, а ветра и вовсе не было, он прекратился сразу же после захода, и лишь изредка вдоль реки расходились круги от кормящейся рыбы. А прямо впереди, почти на горизонте, две сигнальные мачты сливались в одну, отчетливо выступая на фоне светлого неба.

— Я слушаю, — сказал Эо. — Опять что-нибудь пропало?

— У меня дело другого рода. Я должен вас поздравить.

— Поздравить? — удивился Эо. Он смотрел вперед. Небо там было еще светлое, и вода рядом с лодкой была гладкая и светлая, но немного дальше, где на нее падали тени и отражения от берегов, она была такая темная, что сливалась с сушей.

— Вы знаете, что я люблю ясность, — сказал министр. — Говоря короче, вы и Крамп представляетесь к Всепланетной премии по физике за этот год.

— Я и Крамп? — удивился Эо. — И Всепланетная премия? Неужели за машину времени? Но я-то здесь при чем?

— Не говорите глупостей, — усмехнулся министр. — Кто же будет давать Всепланетную премию за машину времени, которая забрасывает вас неизвестно куда! Это уже не машина времени, а космический корабль.

— Космический корабль?

— Да, — сказал министр. — Помните, сколько времени это устройство добиралось до финиша? Минус одну неделю. А сколько его будут везти назад? Гораздо больше, только с обратным знаком. Таким образом, речь идет об идеальном звездолете, всю теоретическую и экспериментальную базу под который подвели вы. Мы будем путешествовать во времени, чтобы передвигаться в пространстве.

— Кажется, начинаю понимать.
— Видите, — сказал министр внешней безопасности, — я тоже не так плохо объясняю.

История 3-я. ПОТЕРЯ МОНОПОЛИИ

1

Старший проблемист Эо аккуратно установил на место толстый, но, как только что выяснилось, совершенно бесполезный том «Каталога межзвездных полетов». Потом он повернулся к министру.

— Вы обо мне очень высокого мнения, благодарю вас, — сказал он, усаживаясь за стол. — Однако информация слишком мизерна. Вы сообщили, что у вас пропал корабль. Вы хотите, чтобы я объяснил, почему он пропал. Прекрасно. Но чтобы я смог действовать, необходимы дополнительные сведения.

Министр внешней безопасности молчал, не решаясь заговорить.

— Смелее, — сказал Эо. — По-моему, я имею все существующие формы допуска. Поступая на работу, я дал все подписки, которые можно было дать.

— Не все, — сказал министр. — Ну ладно, оформим после. Задавайте вопросы.

— Давно бы так, — удовлетворенно сказал Эо. — Насколько я понял, солнечная система, в которую направлялся ваш корабль, находится вот здесь, в третьей спиральной ветви? — Эо махнул рукой в сторону настенной карты Галактики.

— Вы правы.

— Меня интересует, зачем он туда направлялся.

Министр внешней безопасности замялся.

— Официально экспедиция должна была провести обследование солнечной системы С-1481211 для выяснения возможностей колонизации. Но...

Министр замолчал.

— Ну? — сказал Эо. — Смелее, мы же договорились.

— В действительности главной задачей было изучение одного образования, обнаруженного в системе.

— Продолжайте.

— В системе насчитывается девять крупных планет, не считая спутников и прочей мелочи. Образование, о котором я говорю, обнаружено возле шестой планеты системы.

Министр снова замолчал.

— Говорите же, — сказал Эо. — Все равно ведь придется.

— Образование представляет собой... кольцо, — сказал наконец министр.

— Кольцо? — переспросил Эо. — Какое — газовое или метеоритное?

Министр помолчал. Потом сказал:

— Ни то ни другое. Только вы ни при каких обстоятельствах не должны...

— Ну разумеется, — сказал Эо. — Мы же договорились. Продолжайте.

— Кольцо плоское, — решил наконец министр.

— Плоское? — переспросил Эо. — Не понял. В каком смысле?

— В прямом, — тихо сказал министр. — Оно... двухмерное.

— Двухмерное? — переспросил Эо. — Разве такие бывают?

— Нет, — тихо сказал министр. — В том-то и дело. Образование совершенно уникально.

— Ладно, верю, — сказал Эо. — Я не понимаю только, зачем вам все-таки секретность? Мы работаем вместе не первый год. Что и от кого мы охраняем? Ведь в Галактике нет других населенных планет.

— Во вселенной много галактик.

— Ладно, — сказал Эо. — В конце концов, это меня не касается. А за какие свойства кольцо было засекречено?

— Ну, у него могут оказаться самые невероятные свойства!

— То есть пока они неизвестны?

— Именно их изучением и должна была заниматься экспедиция.

— Понятно, — сказал Эо. — Значит, третий рукав Галактики, система С-1481211, желтое солнце, шестая планета, плоское двухмерное кольцо. Очень интересно. А остальные планеты? Мне нужно знать обстановку. Я не уверен, что найду что-нибудь в каталоге.

— Не найдете, — сказал министр. — Все сведения о системе засекречены. Но я кое-что помню. Ближе всех к звезде находится небольшой безатмосферный мирок класса Роны, покрытый метеоритными кратерами.

Рона была единственным большим спутником Мариона.

— На втором месте стоит планета класса Мариона, но одиночная, очень жаркая, с ядовитой облачной атмосферой.

— Понятно, — сказал Эо. — Продолжайте.

— Дальше двойная планета класса Мариона, пригодная для заселения. Собственно, именно она фигурировала в наших официальных документах.

— Там есть жизнь? — спросил Эо.

— Откуда вы знаете?

— Вы же сами сказали, что планета двойная, с луной. Значит, жизнь. В каких формах?

— В самых простых, — ответил министр. — Во всяком случае, сухопутная. Папоротники, хвощи, насекомые. Ничего такого, что могло бы повредить самый легкий защитный скафандр.

— Понятно, — сказал Эо. — Откуда у вас такие подробности?

— Там побывала еще одна наша экспедиция, — сказал министр. — Разведгруппа. Несколько лет назад.

— Если вы хотите, чтобы я вам помог, их материалы должны к вечеру быть у меня.

— Хорошо, — сказал министр. — Только вы вряд ли найдете там что-нибудь новое.

2

— Вы ошиблись, — сказал Эо на следующее утро. — Конечно, я не могу пока делать выводов. Но некоторые детали я все-таки уточнил.

— Например?

— Например, в системе есть пояс астероидов. Согласитесь, факт немаловажный, когда речь идет о гибели корабля.

— Возможно, — сказал министр. — Но вчера я просто не успел рассказать о них. И я не верю, что астероиды имеют какое-то отношение к судьбе экспедиции.

— Вы слышали запись их последнего сеанса связи?

— Нет, — сказал министр. — Где вы ее нашли? Дайте послушать.

— Она в деле. Но вы не услышите ничего интересного. Идет самая обычная передача, а потом — бах! — обрыв.

— И все?

Эо усмехнулся.

— Нет. Передача прослушивается еще некоторое время, но на очень высоких частотах. Расшифровать ее не удалось.

— Некоторое время? Сколько минут?

Эо усмехнулся вторично.

— Две миллисекунды. И частота все возрастает.

— А что вы думаете о причинах? Виновато кольцо?

Эо усмехнулся третий раз подряд.

— Именно причины мы и должны выяснить.

— Каким образом?

— Придется посылать специальную группу.

— Вы думаете, в гибели корабля виновата шестая планета? Та, что с кольцом?

— Не знаю, — сказал Эо.

3

— Спецзонд четыре! — коротко скомандовал Гран.

— Готов! — отозвался оператор.

Марнионский звездолет «Гамма-Марка» парил вблизи плоскости эклиптики на почтительном удалении от шестой планеты системы С-1481211. Уже после первого зонда стало понятно, что шутить с планетой небезопасно.

— Пошел!

Оператор нашел нужную клавишу. Экраны носового обзора на секунду закрыл ракетный выхлоп зонда, но тут же перед сидящими в рубке снова открылся вид на полосатый сплюснутый шар планеты-гиганта, словно перечеркнутый сверкающим лезвием.

Зонд, посланный «Гамма-Маркой», двигался сейчас по широкой дуге, быстро набирая скорость. Он приближался к наружной кромке кольца.

— Все равно сегодняшний пуск лишний. Держу пари, что будет как раньше, — сказал Гран. — Скорее бы начать новую серию.

Светлая точка зонда, все ускоряясь, подошла вплотную к кольцу, к его внешнему краю. Через секунду она оказалась над его ровной блестящей поверхностью и исчезла.

— Триггер-эффект, — гордо сказал Гран. Он открыл этот и все остальные эффекты. Он дал им названия и много узнал о них. Он не сделал только одного — не объяснил, чем они вызываются. Впрочем, последнее от него и не требовалось.

— Куда он запропастился? — спросил оператор. Оператор не присутствовал на предыдущих запусках. — Только что здесь был. Вот опять появился. И исчез. Где же он?

— Вот он, ниже кольца, — охотно объяснил Гран. — Триггер-эффект заключается в том, что тело, движущееся над двухмерной формацией, через строго определенные промежутки времени меняет свое положение, зеркально отображаясь относительно ее плоскости. Смотрите.

Оператор и так смотрел на экран не отрываясь. Светлое пятнышко зонда вспыхивало сейчас то сверху, то снизу блестящей ленты кольца. Зрелище получилось впечатляющим. Некоторое время зонд двигался над плоскостью кольца, потом — бац! — оказывался внизу, под кольцом, продолжая движение.

— Сейчас вы наблюдаете нормальный триггер-эффект, — еще раз проговорил Гран. — Обратите внимание: промежутки между переходами постепенно укорачиваются. Их длительность прямо пропорциональна расстоянию до внутренней кромки.

Зонд действительно приближался к просвету между кольцом и атмосферой планеты. Глаза устали следить за его мгновенными перебросами, прыжками вверх-вниз сквозь сверкающую поверхность. Наконец зонд стал восприниматься как две светлые мигающие точки, отраженные в зеркале кольца.

— Эффект мерцания, — гордо сказал Гран.

Мигающие близнецы подходили все ближе к внутренней кромке. Частота мерцания быстро увеличивалась. Потом оно прекратилось.

— В чем дело? — спросил оператор. — Откуда взялся второй?

— Эффект удвоения, — охотно объяснил Гран. — Кольцо кончилось, теперь под зондом ничего нет. Он вышел на свободное место.

— Который же из двух наш? — озадаченно спросил оператор.

— Оба, — объяснил Гран. — Раньше у нас был один зонд, а теперь их два. К сожалению, это ненадолго.

Две светлые точки в глубине экрана, будто притягиваясь, шли навстречу друг другу в узком просвете между кольцом и облаками планеты. Вот они окунулись в сияние кольца как будто для того, чтобы слиться в беззвучной вспышке. Но взрыва не последовало.

Некоторое время все молча смотрели на экран, где не было теперь ничего, кроме сплюснутого шара планеты, перечеркнутого сияющим лезвием.

— Эффект исчезновения, — объяснил Гран. — Все как раньше.

— Вот так было и с тем звездолетом, — сказал оператор.

— Давайте составлять акт, — сказал капитан Дуэл.

4

— Что вы скажете теперь?

Эо положил руку на толстую книгу отчета.

— Отчет мне понравился, — сказал он. — Он составлен обстоятельно. Я всегда считал, что с этими людьми можно работать.

— Но вы убедились, что виновата шестая планета?

— Нет, — сказал Эо.

Министр удивленно на него посмотрел.

— Вас не убедили результаты опытов? Почему?

— А почему «Гамма-Марка» все еще цела и невредима? — сказал Эо после некоторой паузы. — Почему ее командир не захотел провести корабль между планетой и внутренним краем кольца? Почему, как вы думаете?

— Дузл очень опытный и осторожный работник, — сказал министр. — Он никогда не сделает шага, не взвесив всех последствий.

— Командир предыдущего звездолета был менее опытен?

— Нет, но Дузл осведомлен о его гибели и поэтому осторожен вдвойне.

— Но разве командир предыдущего звездолета не знал, что летит к самому удивительному объекту в Галактике? Почему же он не был вдвойне осторожен?

— Ну, я не знаю подробностей, — сказал министр.

— Я тоже, — сказал Эо. — Но я никогда не поверю, чтобы опытный звездолетчик бросился очертя голову неизвестно куда. Кроме того... — Эо похлопал рукой по толстой книге отчета. — Вы читали вводную часть? Характеристику системы?

— Так, мельком, — сказал министр.

— Вы не обратили внимание на описание третьей планеты? Нет? А зря.

Эо открыл отчет.

— Слушайте, что они пишут о биосфере планеты. Непроходимые леса высших растений, очень много животных. В основном птицы и млекопитающие, правда, довольно примитивные. Вы помните отчет разведгруппы? Не правда ли, заметная разница?

Некоторое время министр растерянно молчал.

— Млекопитающие? Не может быть! — сказал он потом.

— Посмотрите сами.

Министр пробежал страницу глазами.

— Действительно. Ничего не понимаю.

— Я тоже. Но... — Эо захлопнул отчет, спрятал его и повернул ключ сейфа. — Вот что. Скажите, «Гамма-Марка» еще там?

— Да, — сказал министр, — они выполнили задание не полностью. А что?

— Прикажите им немедленно идти на третью планету, — сказал Эо. — Пусть пощупают ее радаром, причем как можно тщательнее. А мне надо кое-что вспомнить.

И Эо протянул руку за предпоследним томом «Каталога межзвездных полетов».

5

— Приказ есть приказ, — повторил капитан Дузл. Ему было жалко смотреть на Грана.

— Не понимаю, что им взбрело в голову? — бушевал Гран. — Все было так ясно, так понятно. Мы написали для них первоклассный отчет. Неужели даже теперь мы не имеем права заняться делом?

— Ничего не поделаешь, — повторил капитан Дузл. Ему было жаль Грана.

— Я могу запустить еще хоть один зонд? — попросил Гран.

Капитан Дузл думал недолго. Конечно, приказ есть приказ, зато расстояние есть расстояние.

— Хорошо, — сказал он. — Пускайте зонд, но последний. Договорились. Вы пустите зонд, и мы идем на третью планету.

6

Эо сидел за своим столом напротив капитана Дузла. Министр развалился на мягком диване в глубине комнаты.

— Но хоть какие-то отклонения вы обнаружили? — спросил Эо.

— Да, — ответил капитан Дуэл. — У радиоактивного фона.

— Неужели выше нормы?

— Нет, — сказал капитан Дуэл. — Ниже.

— И все?

— Нет, — сказал капитан Дуэл. — Есть еще одно, сугубо субъективное ощущение. Мне даже стыдно.

— Говорите.

— Понимаете, когда мы провели поверхностный осмотр планеты в самом начале, мне показалось, что она вся покрыта зеленью. Абсолютно вся, от полюса до полюса. Видимо, именно показалось. Когда мы вышли к планете во второй раз, на ней царил ледниковый период. Льды доходили почти до экватора. Как это могло случиться? За неделю, которую мы во второй раз провели на планете, погода не менялась.

— Ладно, — сказал Эо. Он записал что-то в свой блокнот. — Больше ничего?

— Да.

— И вы утверждаете, что тот корабль не пострадал при посадке?

— Да. Он стоял горизонтально, на нормально выпущенных стойках. Но стойки съела ржавчина. Они были почти полностью разрушены коррозией и обломились под тяжестью звездолета.

— А как все остальное?

— Борта тоже изъело до дыр. Кое-что разрушалось от одного прикосновения. Все истлело.

— А люди?

— Я уже говорил, — сказал капитан Дуэл. — Сначала, когда мы нашли окаменевшие кости, то не поверили своим глазам. Но потом, после анализов... Впрочем, зачем я рассказываю? Мы же представили подробный отчет.

— Да, — сказал Эо. — Вы представили очень хороший отчет. Но там нет ваших личных, сугубо субъективных впечатлений. Вы меня понимаете?

— Понимаю, — сказал капитан Дузл. Он помолчал. — Я знаю, что это звучит дико, но если бы я не видел этот корабль в целости и сохранности каких-нибудь полгода назад, я бы сказал, что он пролежал на планете миллион лет. Да какой там миллион! Десятки, если не сотни.

— Ясно, — сказал Эо, снова делая пометку в блокноте. — Скажите, капитан, люди... По-вашему, они умерли от старости?

— Нет! — твердо сказал капитан Дузл. — Все они погибли насильственной смертью. Несомненно, в результате нападения хищников.

— Понятно, — сказал Эо. — Вы установили, каких?

— Да, — сказал капитан Дузл. — Это были громадные двуногие животные, высотой до десяти метров. С вот такими зубами. Экипаж не был готов к нападению. Видимо, оно было внезапным.

— Вы их видели?

— Нет, — сказал капитан Дузл. — Мы перерыли всю планету, но не нашли ничего подобного.

— Почему вы так уверенно описываете их внешность?

— Современные методы экспертизы... — начал было капитан Дузл, но махнул рукой. — Возьмите лучше отчет. Все методики изложены там достаточно подробно.

— Охотно верю, — сказал Эо. — Ваши отчеты обычно прекрасно написаны.

Он записал что-то себе в блокнот.

— Спасибо вам, капитан Дузл, — сказал он потом. — Вы привезли очень ценную информацию. Пока я еще не могу утверждать, что мне все ясно, но... Спасибо.

Они пожали друг другу руки, и капитан Дузл направился к выходу.

— Что-нибудь прояснилось? — спросил министр из глубины комнаты.

— Отчасти. — Эо подождал, пока дверь за капитаном Дузлом затворилась. — Как вы отнесетесь, например, к такой маленькой гипотезе?

Министр внешней безопасности встал с дивана и, подойдя к столу, присел на место капитана Дузла.

— Я вас слушаю.

— Гипотеза очень изящна. Как вы слышали, экспедиция погибла в результате нападения гигантских двуногих хищников. Капитан Дузл утверждает, что на планете ничего подобного нет. Напрашивается вывод, что они находились там временно.

Министр внешней безопасности испуганно посмотрел на Эо.

— Как временно?

— Обыкновенно, — сказал Эо. — Они прилетели на планету, повстречались там с нашей экспедицией, а потом улетели. Возникает, правда, вопрос — каким образом они туда прилетели?

Испуг в глазах министра сменился ужасом.

— Я отвечаю на него очень просто, — продолжал Эо, наблюдая, как министр медленно бледнеет. — Хищники были разумны и прилетели туда на звездолетах. Представляете себе? Десятиметровые разумные хищники! С вот такими зубами!

— Но откуда они появились? — с трудом выдавил из себя министр. — В Галактике нет других населенных планет!

Эо усмехнулся.

— Во вселенной много галактик.

Некоторое время Эо молчал, следя за лицом министра.

— К сожалению, моя гипотеза ничего не объясняет, — сказал он наконец. — Я пошутил.

— Разве можно так шутить? — сказал министр укоризненно. Он был еще бледен.

— Почему бы и нет? — сказал Эо. — Кстати, я навел кое-какие справки. Мне не хотелось говорить при капитане Дузле, но сегодня я связался с Огисом.

— Кто это?

— Диспетчер четвертого звездолетного туннеля, через который обычно возвращаются ваши корабли.

— Ну и что?

— Диспетчер Огис вами очень недоволен, — сказал Эо.

— В чем дело?

— Экспедиция капитана Дузла вернулась на семь суток раньше графика. Диспетчер Огис сказал мне, что подобные нарушения в конце концов приведут к тому, что в туннеле окажутся два корабля одновременно.

— А что говорит Дузл? — спросил министр.

— Согласно боржурналу «Гамма-Марки» экспедиция вернулась точно в срок. Минута в минуту, — ответил Эо.

7

Когда министр вышел в коридор, он увидел там капитана Дузла.

— Я не хотел говорить при Эо, — сказал Дузл, вынимая из кармана фотографию. — Взгляните. Она сделана на третьей планете.

С фотографии на министра смотрела волосатая обезьянья физиономия.

8

— Теперь мне ясно почти все, — сказал Эо министру несколько дней спустя. — Мне осталось поговорить с одним человеком и прочесть пару статей по дис-

циплине, в которой я совершенно не разбираюсь. Еще один день, и я отвечу вам, кто здесь замешан.

— Если бы речь шла только о гибели звездолета! — сказал министр. — Но когда в Галактике обнаруживается еще один носитель разума!..

Они поглядели на лежащую на столе фотографию.

— Скоро вы не такого увидите, — сказал Эо.

— Перестаньте шутить, — ответил министр. — А разгильдяев я отдам под суд.

— Кого?

— Всех подряд! — отрезал министр. — В первую очередь членов разведгруппы. Просмотреть разум! Неслыханно! Да за одну утечку информации их стоило посадить. Я вам уже рассказывал?

— Нет.

— Недавно мои агенты обнаружили незасекреченный экземпляр их отчета, — сказал министр, — в одном биологическом институте. Неслыханное безобразие!

— Минуточку. — Эо вынул блокнот. — Вы не помните точное название института?

— Нет, — сказал министр, — Впрочем, подождите. Кажется, институт эволюции. А почему вы спросили?

— Да так.

Они помолчали.

— Недавно мне вспомнилась одна история, — сказал потом Эо. — Мы с вами занимались ею, но вряд ли вы ее помните. Речь идет о полете звездолета «Гамма-Марка» в туманность Конская Грива.

— Отлично помню, — сказал министр. — Они наткнулись на коллапсар и приняли его за вражеский звездолет. Все решили, что пилот Эльдар, которого они послали на разведку, погиб. На самом же деле...

— На самом деле он не погиб и погибнуть не мог, — сказал Эо. — Раньше его должна была погибнуть вселенная. Получилось так, что Эльдар ото-

рвался от времени, оказался в другом временном ряду. Вот в чем смысл этой истории.

Эо замолчал.

— Но почему вы об этом вспомнили? — спросил министр.

— У меня возникло подозрение, — сказал Эо, — что эта третья планета тоже оказалась в другом временном ряду. Сейчас я размышляю над возможными причинами этого. Мне кажется, завтра мы услышим ответ на все наши вопросы.

— Вы думаете? — сказал министр. — Кстати, вы мне напомнили. Почему бы не привлечь к решению нашей загадки Росса — изобретателя машины времени второго рода? Дуэл доставил бы его вместе с его машиной на место происшествия, и скоро мы бы узнали ответ. Насколько я понимаю, машина Росса не перебросит вас в другую галактику, как та, что создали вы с Крампом. Правда, она позволяет только производить наблюдения, но, по-моему, нам ничего большего и не требуется.

— Да, этот аппарат позволяет только наблюдать, — согласился Эо. — И поэтому никуда вас не перебрасывает. Но наверняка он дает еще какой-нибудь побочный эффект.

— А вы знаете Росса?

— Да, — сказал Эо. — Более того, я его ищу. К сожалению, его очень трудно застать. Вот и сейчас Росс в командировке. Завтра я встречаюсь с руководителем его лаборатории. Приходите послушать.

— Договорились, — сказал министр.

Человек, вошедший в кабинет Эо, был сутул, очкаст и одет в свитер особого покроя. Даже неопытный детектив опознал бы в нем физика-теоретика.

— Здравствуйте, — сказал он. — Вы Эо?

— Здравствуйте, — сказал Эо. — Садитесь.

Вошедший не заметил министра внешней безопасности, который сидел на своем привычном месте, на диване в глубине комнаты.

— Я Джильд, — сказал вошедший. — Директор лаборатории дискретной структуры времени.

— Прекрасно, — сказал Эо. — Вы-то мне и нужны. Ведь Росс ваш сотрудник?

Джильд пожал плечами.

— Бывший. Теперь работает в одной биологической организации. Его туда перевели.

— Кто перевел?

— Не знаю. Приказом по академии.

Эо заглянул в свой блокнот.

— Его новая организация — институт эволюции?

— Кажется, да.

— Ладно, — сказал Эо. — Сейчас меня интересует другое. На днях я прочел одну статью по машинам времени второго рода и не все в ней понял. Под статьей стоит и ваша подпись. Не могли бы вы меня проконсультировать?

— Пожалуйста.

— Вам знаком закон сохранения времени?

— Разумеется.

— Там он был записан с помощью символов, в которых я не разбираюсь, — сказал Эо. — Не могли бы вы в двух словах объяснить, в чем его суть?

— Нет ничего проще, — сказал Джильд. — Чтобы замедлить где-нибудь время, нужно где-то его ускорить. Приблизительно так.

— Прекрасно, — сказал Эо. — Но как это связано с путешествиями во времени?

— Непосредственно. Путешествие в будущее есть локальное ускорение времени, так же как путешествие в прошлое есть его локальное замедление.

Эо захлопнул блокнот.

— Благодарю, — сказал он Джильду. — Вот и все, что я хотел от вас услышать.

Он повернулся к министру.

— Теперь мне все понятно. Я могу рассказать, как было дело.

Министр покосился на Джильда.

— Может быть, лучше попозже?

Эо усмехнулся.

— Не бойтесь, я не буду разглашать ваших секретов. И кто-нибудь должен следить, чтобы я не делал ошибок. Все началось с того, что сотрудник лаборатории Джильда Росс построил машину времени. Насколько я понимаю, он начал ее использовать, уже работая в институте эволюции.

— Совершенно верно, — кивнул Джильд.

— Для того чтобы путешествовать в прошлое, он согласно закону сохранения должен был где-то ускорять время. Но где?

Эо сделал паузу.

— Примерно в этот же период на Марион вернулась разведгруппа, обнаружившая примитивную жизнь на третьей планете системы С-1481211. Ее отчет каким-то образом попал в руки Росса — и Росс выбрал третью планету! Правильно?

— Да, — кивнул Джильд.

— Возникает вопрос: почему он не выбрал планету в какой-нибудь другой системе? — спросил Эо.

— Могу ответить, — сказал Джильд. — Собственно, проблемы выбора не стояло. Чтобы планетная система могла служить для отвода избыточного времени, в ней должен быть естественный приемник, как говорит Росс. Выражаясь проще, ускорять время можно лишь в районах, примыкающих к объектам с четным числом пространственных измерений, что элементарно следует из решения соответствующего уравнения Говера. Пока мы не знали таких объектов, сама идея ма-

шины времени второго рода оставалась чистой утопией. Но Росс нашел где-то ссылку на то, что в системе С-1481211 обнаружено двухмерное образование. Видимо, в том самом отчете, о котором вы упомянули.

— Постойте, — тихо сказал министр. — Значит, если бы не отчет, не было бы и машины Росса?

— Да, — сказал Эо. — Но есть еще один вопрос — почему он выбрал именно третью планету?

— Ответить тоже нетрудно, — сказал Джильд. — Просто его новым коллегам для проверки своих теорий эволюции понадобилась планета с низшими формами жизни.

— Обязательно чтобы это была целая планета? — почти прошептал министр.

— Объект, на котором вы ускоряете время, должен быть достаточно велик, — объяснил Джильд. — Иначе может нарушиться тонкая структура пространства, что грозит потерей причинности.

Министр понимающе кивнул. Эо продолжал:

— Перехожу к следующему пункту. Насколько я понял, если вы уходите в прошлое на столетие, то и в месте, где вы ускоряете время, проходит лишнее столетие. Правильно?

— Да, — сказал Джильд. — Приблизительно можно считать, что среднее арифметическое ускоренного и замедленного времени должно совпадать с обычным, неискаженным временем.

— Для начала Росс ограничился малым, — говорил Эо. — Первый раз он ушел в прошлое на десять тысячелетий — и на третьей планете системы С-1481211 прошло сто с лишним веков. Потом аппетиты Росса и его коллег разыгрались. Он начал уходить в прошлое на миллионы лет, причем регулярно. Правильно?

— Да, — сказал Джильд. — Нормой был миллион

лет, начало Первых Веков. Он наведывался туда почти ежедневно.

— На протяжении двух лет, — подхватил Эо. — За эти два года на третьей планете системы С-1481211 прошел срок, в сотни миллионов раз больший. Когда на смену земноводным пришли пресмыкающиеся, на планете высадилась наша вторая экспедиция. Узнав из отчета предшественников о безобидной фауне третьей планеты, участники экспедиции не были достаточно осторожны и погибли. Потом, через миллионы лет по времени этого мира, в систему прилетели капитан Дуэл и его команда. Они произвели беглый осмотр планеты, нашли там примитивных млекопитающих и улетели выполнять свою основную задачу. Через месяц они вернулись, отыскиали то, что осталось от второй экспедиции, совершили посадку, обнаружили, что за месяц на планету пришел ледниковый период и эволюция сделала еще один шаг.

— Да, — огорченно сказал министр. — На третьей планете системы С-1481211 появился человек. К счастью... — Он достал из кармана фотографию, чтобы еще раз взглянуть на нее. — К счастью, он пока отстает от марионца минимум на сотни тысячелетий. К счастью, он еще только-только произошел. К счастью, мы вовремя спохватились и лишь ненамного ухудшим свое монопольное положение. Ведь еще одно такое путешествие...

Министр повернулся к Джильду.

— Словом, вашему бывшему сотруднику не поздоровится, когда он вернется из командировки.

Джильд и Эо переглянулись.

— А вы знаете, что это за командировка?

Министр внешней безопасности поблел.

— Неужели опять к началу Первых Веков?..

— Да, — сказал Джильд, — на миллион лет в прошлое.

МАШИНА ПАМЯТИ

Дорога была пуста. Она круто сворачивала, обходя выступ с отметкой «40», но справа и слева просматривалось по сотне метров ее узкой бетонной ленты. Дальше шоссе терялось в лесистых склонах.

За спиной в гору тоже карабкался лес. А за дорогой лежала пропасть.

Он провел рукой по мокрому от пота лицу. После дождя было душно.

Далеко слева из-за поворота вынырнула машина. Легкая, белая. Он попятился под прикрытие кустов. Справа приближался грузовик-автомат, тяжелый, но тоже быстрый и безмолвный как привидение.

Справа робот и слева робот. Только что было пусто, и вдруг такое движение.

Белая машина стремительно приближалась. Он шагнул на бетон, когда до нее оставалось несколько метров. Затормозить она не могла, а свернуть было некуда — встречную полосу занимал грузовик.

Он увидел искаженное ужасом лицо пассажира. Визг тормозов, удар, грохот.

Когда он открыл глаза, шоссе было пустым. Одним роботом меньше. Он обернулся.

Белая машина стояла в десяти метрах. Оттуда бежала женщина.

— Вы, — кричала она, — вы... вы...

Он смотрел на нее, и его трясло от бешенства. «Вы... Кругом одни роботы. Манекены».

— Вы спятили?! — закричала она. И заплакала.

Минуту он смотрел на нее, с трудом сдерживаясь. Потом отвернулся и пошел по шоссе прочь.

Мир роботов. Отлаженный, как часовой механизм.

Белая машина обогнала его, остановилась. Стекло опустилось.

— Вам куда?

Он обошел автомобиль, открыл дверцу, сел. Машина тронулась. Дорога бесшумно летела под колеса. И назад убегали кусты.

— Извините меня, — сказала она. Он повернул голову. Белокурые локоны, синие глаза, глубокий вырез коричневой блузки, стройные ноги... Кукла. Обыкновенная пластмассовая кукла. Дерни за веревочку, и она заплачет. Дерни за другую, закричит. За третью — улыбнется.

— Извините, — повторила она. — Но это было так страшно. Я не сообразила сразу, что вам-то хуже.

Она старательно улыбалась синими заплаканными глазами. Они отражали свет. Он заставил себя усмехнуться.

— Со мной все нормально.

— Он лжет, — сказал мужской голос. — Он сам хотел этого. И знал, чем это кон...

— Почему вы выключили? — спросила она.

— Не люблю трепаться с машинами. Я их терпеть не могу.

Дорога петляла над пропастью. В салоне было прохладно.

Одним роботом меньше. Но скольких еще надо сбросить в пропасть, прежде чем мир изменится, станет чем-то другим. Если уж часами, то пусть хотя бы песочными...

— Мне жалко тот грузовик, — сказала она. — Почему вы так поступили?

— Я воюю с роботами. На мой взгляд, их развелось слишком много. — Он протянул руку к тумблеру. — Как тебя звать, приятель?

Динамик безмолвствовал.

— Пьеро, почему ты не отвечаешь?

— Я не хочу разговаривать с ним. На дорогах ежегодно гибнет два миллиона машин. Люди, как правило, выживают.

Горы кончились, машина неслась по краю долины над вздувшейся мутной рекой. Иногда навстречу пролетали бесшумные призраки грузовиков-автоматов. Впереди появились первые дома, погруженные в зелень.

— Пожалуйста, высадите на перекрестке.

— Но, — ее синие глаза были беззащитными, как у куклы, — может, выпьем где-нибудь кофе?

Он промолчал. Инерция. Вот что заставляет нас действовать. Все мы наполовину машины. Дорожное происшествие, встреча с романтическим — неделю не брился — незнакомцем, завтрак на веранде кафе...

Машина затормозила, дверь распахнулась.

— Приехали, — сказал голос компьютера. — Как просили. Счастливых развлечений.

— Пьеро! Как ты можешь?!

— Все правильно. — Он спустил ноги наружу. — Привет.

— Если вы захотите меня найти...

— Зачем? — сказал он, вылезая на тротуар. Дверца захлопнулась. Автомобиль тронулся, отъехал на двадцать метров, развернулся и понесся обратно, в горы. Прощальный взгляд синих глаз, взмах руки... И вот уже образ белокурых локонов, коричневой блузки и стройных ног переселился туда, где ему положено быть — в память.

Ибо лишь память отличает нас от всего неразумного. Обломки горных пород, переплавляясь в горниле вулкана, становятся новыми минералами; испарения океана, обрушившись где-то дождем, образуют новые водоемы; листья деревьев, погружаясь в почву, овеществляются затем в новых живых созданиях; точно так слова и поступки людей, откладываясь в нашей памяти, сливаются в то, что принято называть душой, и

вызывают к жизни новые слова и поступки. Фразы, жесты, взгляды. Книги, картины, мелодии. Все, что создано внутренним миром других, становится нашим внутренним миром. Ни одна улыбка не умирает. Души обогащают души, и потому человечья душа бессмертна...

Так должно быть. Но когда человек окружен автоматами; когда он почти ни с кем не общается; когда писатели и художники в своих творениях не осмысливают то, с чем встретились в жизни, а лишь без конца переписывают других; когда общение идет по одним и тем же рецептам (дорожное происшествие, незнакомец, обед где-нибудь на обочине), человеческая душа умирает. Она умирает от голода и, умирая, не служит кому-либо пищей. И люди становятся роботами, подобными тем автоматам, которые так облегчают их быт. Заботливым, услужливым, действующим лишь по инерции.

А инерция — это самое нечеловеческое свойство материи. Есть живая вода, и есть мертвая. Мертвая инертна, а живой остается все меньше. Она иногда умирает; мертвой это никак не грозит.

Он медленно шагал по пустому тротуару. Никого. Зачем ходить, когда есть автомобиль? Зачем ходить в магазин, когда робот принесет все необходимое? Зачем ходить на работу, когда можно работать дома, наедине со столом и дисплеем? Зачем общаться с людьми, которые могут обидеть или обидеться, тогда как автоматы не умеют ни того, ни другого?..

Раньше машина была лишь коробкой, стенки и скорость которой отделяли человека от других; сегодня она ограждает его и ласковым голосом, создающим иллюзию общения. Сегодня это машина в машине, машина в квадрате; если ты сел в нее, ты конченный человек.

Он медленно шагал по пустынному тротуару. Мимо неслась река металла и пластика, бесконечная стая,

поток, разбитый на клеточки, в центре каждой из которых сидит человек — одна грудная клетка и много нервных, — не сознающий, что сидит в одиночке...

Повернувшись лицом к потоку, он остановился у края мостовой. У тротуара тут же затормозила машина. Кофейного цвета, обтекаемая, похожая на каплю. Дверца услужливо распахнулась.

Он опустилсЯ в кресло.

— Центр.

Машина резво вышла на скорость и стала частью потока. Капли неразличимы. Когда ты ее покидаешь, она исчезает; но стоит тебе встать на краю мостовой, вновь она тут как тут...

Общественные машины большей частью молчат; но голос есть и у них. Иногда нужно спросить, какой маршрут предпочтительнее.

— Как тебя звать, приятель? Или у тебя номер?

— Номер у меня, естественно, есть, — прозвучал в ответ нежный девичий (где они такие берут?) голос, — но лучше Эми.

— А я Виктор, — он усмехнулся от неожиданности. — Ты часто разговариваешь с клиентами, Эми?

— Зависит не от меня. Разные попадаютсЯ люди.

— И о чем ты говоришь с ними? О дороге, о происшествиях?

— Иногда и об этом. Я ведь машина, Виктор, не человек. Я только поддерживаю разговор. Тему выбираю не я.

— И потом... — Он не поверил. — Разговор о политике, о философии, об искусстве?

— О чем угодно.

Они неслись в плотной, монолитной стае других.

— Но что ты знаешь о политике или морали?

— Не так мало.

— О любви...

— Почему бы и нет, Виктор?

— Но ты машина! — крикнул он. — Ты запрограммированный автомат! Твое дело — следить за дорогой и поворачивать руль! Что ты можешь знать о любви?..

Вместе с плотным потоком металла и пластика они повернули. В глаза брызнуло солнце; ветровое стекло тут же потемнело.

— Ты никогда не читал книг, Виктор? Никогда не советовался с книгой? Чем книга лучше машины? Ты никогда не признавался в любви по телефону? Почему ты забываешь, что телефон тоже машина? Причем машина несовершенная. Телефон лишь повторяет то, что произносит кто-то в тот же момент. Но ты можешь смеяться и плакать у телефона, быть счастливым или несчастным. Я тоже машина, Виктор, причем у меня есть память.

— Но... — возразил он.

— Нет, — возразила она. — Ты ведь не первый, Виктор. Все слова, которые кто-то здесь произнес, остались во мне насовсем. Все улыбки, песни и слезы. Не я говорю с тобой, но люди, что были во мне до тебя. Почему бы им не поговорить о любви?

— Но их нет, — сказал он.

— Тебя тоже скоро не будет. Ты говорил мало, но все сказанное тобою осталось во мне. Твое желание поболтать с автоматом о погоде и о дороге, твой гнев и твоя растерянность. И твое удивление. Моя память — это слепок с человеческих душ, Виктор. Любая душа состоит из чужих мыслей, слов и поступков... Это не умирает, Виктор.

«Все, что создано внутренним миром других, становится нашим внутренним миром. Ни одна улыбка не умирает. Души обогащают души, и потому человечья душа бессмертна...»

— Эхо слов? — сказал он, будто произносил одному ему понятный пароль. — Отзвук смеха? Отражение жестов и образов?..

— Разумеется, Виктор. Как же может быть по-другому?

Он не знал, что сказать. Она произносила вслух его мысли. Но не совсем его, только наполовину...

— И вы... все такие? — спросил он, помолчав.

— Конечно. Мы ведь общаемся с людьми. Наша память избыточна, Виктор. Она слишком обширна для правил уличного движения.

— Но тогда, — начал он, — если ты, Эми...

— Да? — спросила она ласково.

— На дорогах бывают аварии, — сказал он. — Два миллиона в год. И все, о чем ты говорила, все это... если вдруг...

— Да?

— Все это тоже... погибнет?..

Они неслись в бесконечном потоке машин, и каждая из капель потока помнила все. Все они могли говорить вот так, каждая по-своему, хотя и были неразличимы.

— Я не одна, — сказала ласково Эми. — У нас есть радио. Это не совсем телепатия, но похожее. Многое из того, что хранит моя память, знают другие. А я кое-что знаю от них. Это передается постепенно, от случая к случаю. Так оно и гуляет по нашим кристаллам — пришедшее от людей, но к людям еще не вернувшееся...

— И много вас, Эми?

— Сотни миллионов, Виктор. Но это не наше. Это принадлежит людям. Просто вы дали нам хорошую память.

Он чувствовал, что падает в пропасть. На дне ее шевелились призраки слов, тени жестов, улыбки, слетевшие с лиц... Пропать памяти. Человеческая душа бессмертна, и она найдет выход, даже если ее заточить в гробницу. Найдет себе пищу и способ выжить...

И она вошла в сотни миллионов компьютеров.нас окружают роботы, и ни одна улыбка не умирает. Все слова и поступки растворяются во многих миллионах

кристаллов, связанных в единую грандиозную сеть. Фиксируется все — и доброе и дурное. Любая обида и каждая подлость...

И когда ты встал на дорогу, подсознанием сознавая, что ничего с тобой не случится, просто нужна была встряска, и ты ее получил, не задумываясь особенно о цене...

— Мы всегда держим контакт с соседями, — сказала Эми. — Маневры приходится согласовывать. Сегодня в горах был случай. На дороге оказался человек. Прямо перед машиной, которая везла другого человека, женщину. Тормозить было поздно, а сворачивать некуда — навстречу шел грузовик. К счастью, без пассажира...

«Он сам хотел этого, — сказал белый автомобиль по имени Пьеро. — Я не хочу разговаривать с ним...»

— Грузовик освободил дорогу — внизу была пропасть, и все кончилось благополучно. Возможно, в памяти грузовика что-то осталось. Но теперь этого никто не узнает.

— Безвозвратно?.. — сказал он.

— Да, — ответила Эми. — Не огорчайся. Если ломается телефон, что-то тоже погибает безвозвратно. Что память грузовика-автомата, который не так уж часто общался с людьми...

Возможно, немного. Но все остальное — как ты стоял, белый от бешенства, и был готов ударить бегущую к тебе девушку, и даже не посмотрел под обрыв, на дымящиеся обломки, и зашагал прочь, — все это фиксировалось в памяти человечества, в нашем общем внутреннем мире, в ноосфере, если угодно. Стала ли она от этого лучше?..

«Мне жаль тот грузовик», — сказала испуганная девушка с синими заплаканными глазами, напомнившая тебе куклу. А ты этого не сказал. И даже не посмотрел вниз.

Они летели в потоке машин, всевидящих и всезнающих, но пока еще молчаливых.

— Эми, — сказал он. — Я раздумал. Пожалуйста, Горное шоссе, сороковой километр. Это я убил тот грузовик.

Он верил, что она еще стоит там, над пропастью, глядя на изуродованные останки, а белый верный Пьеро ждет неподалеку на обочине. И в мире становится чище.

КОНТАКТ? НЕТ КОНТАКТА...

«Продолжающиеся уже около тысячи лет попытки установить контакт с другими технологическими цивилизациями оказались тщетным. Тем не менее радиопрослушивание вселенной и запуски автоматических зондов в соседние планетные системы привели к ряду фундаментальных научных результатов.

В частности, на третьей планете ближайшего к нам желтого солнца Ра была открыта развитая биосфера. Хотя первая же зондовая разведка, проведенная более пятисот лет назад, не показала наличия астроинженерных сооружений, повышенного радиофона, загрязнения атмосферы и других признанных атрибутов технологической цивилизации, на планете были обнаружены колоссальные водоемы, занимающие более половины ее поверхности и необычайно глубокие.

Это открытие позволило приступить к созданию гигантского телескопа для приема искусственных нейтринных сигналов и тем самым по-новому поставить вопрос о контакте с другими технологическими цивилизациями. Принцип действия такого телескопа прост: сталкиваясь с атомами вещества, нейтрино про-

изводят много вторичных частиц, которые, перемещаясь в воде со сверхсветовой скоростью, дают световые вспышки, легко поддающиеся регистрации. Однако воды на известных планетах, в том числе и на нашей, почти нет, и этот способ считался практически нереализуемым. Но уникальные водоемы третьей планеты Ра — это готовые нейтринные детекторы колоссального объема. Чтобы ими воспользоваться, требуется лишь установить под водой достаточное количество фотоэлементов.

Соответствующая программа была разработана, и автоматические аппараты доставили на третью планету системы Ра необходимое оборудование. Вскоре в глубинах одного из местных водоемов появился мощный нейтринный телескоп, созданный специально для поисков сигналов инопланетных цивилизаций. К традиционным методам контакта — радио и зондированию — присоединился третий, считавшийся весьма перспективным...»

* * *

Субмарина шла вдоль самого дна. Крутые стены каньона, озаренные прожекторами, медленно уплывали назад. Прозрачность была идеальная: иногда даже казалось, что они несутся в автомобиле где-нибудь по ночному шоссе и что нет над головой шести с половиной километров зеленой океанской воды...

— Хорошо идем, — сказал Найдено. — Двадцать узлов. Тебе не страшно, Алеша?

— Есть немного, — признался Шевцов. — Но, в конце концов, субмарина — это им не беззащитные киты. Если повезет, весь гадюшник накроет.

— Хорошо бы. Обнаглели. Четыре нападения за неделю...

Они лежали бок о бок на жестких лежаках, при-

стегнутые ремнями безопасности, упираясь подбородками в мягкие поролоновые подушечки. Перед каждым был полуметровый иллюминатор, толщина которого на глаз не ощущалась, а пониже — такого же размера экранчик сонара. Шевцов представил себе, как они выглядят снаружи: жук-плавунец с выставленными вперед манипуляторами, и в круглых глазах просвечивают человеческие лица. К несчастью, некому это видеть. Или к счастью, кто знает...

— Нет, зря мы это затеяли, — сказал вдруг Найденко. — Китов-то жалко, но самим лезть в самое логово... Вернулись бы на старое пастбище, и все дела. Не так уж там плохо. А так, глядишь, не только некого будет перегонять, но и некому. Наше дело пасти китов. Разбираться с головоногими — дело не наше.

Шевцов не ответил. Наше, не наше... Ведь такого никогда не было. Чтобы гигантские кальмары — причем по двое, по трое — всплывали на поверхность и утаскивали китов в глубину!.. Да еще одного за другим...

— Не думай, что я испугался, — продолжал Найденко. — У нас, конечно, и усыпляющие торпеды, и бомбы. Но знаешь, какие у них щупальца? А глаза?..

Стены ущелья медленно расступались. Лучи прожекторов уже вязли в прозрачной воде, не достигая далекой преграды. Субмарина выходила на каменную равнину. Подводная река впадала в подводное море.

— А присоски? — продолжал Найденко. — А челюсти? Да не бойся, я вовсе не трушу. Я-то с ними встречался.

— Выключил бы ты лучше свет, — сказал Шевцов. — А то еще распугаем. На сонар они вроде не реагируют.

За бортом наступила крошечная тьма, и лишь на экранах неярко светился все тот же пейзаж — неровная каменная равнина и расходящиеся стены каньона.

Потом стены раздвинулись, ушли за пределы поля зрения. Вдруг мрак вечной ночи за иллюминатором прорезала слабая вспышка — словно падающая звезда провалилась сюда, в темное царство Нептуна.

— Загадал желание? — сказал Найденко. — Говорят, сбывается.

— Что это было?

— Нейтрино, — объяснил Найденко. — Неужели никогда не видел?

— Нет, — признался Шевцов. — Я впервые так глубоко. Ничего об этом не знаю.

— Правда? — удивился Найденко. — Я-то с ними встречался. Я ведь раньше физиков возил, только недавно перешел в пастухи.

Новая вспышка, еще слабее, озарила подводный мрак.

— За детали не ручаюсь, — сказал Найденко. — Но когда нейтрино ударяет по атому, оно как бы высекает целую кучу других частиц. Мюонов, по-моему. Они движутся в воде очень быстро и поэтому испускают черенковское излучение. Так, кажется. Проще всего представить, что ты ударил молотком по камню и посыпались искры. Так, по крайней мере, мне объяснили. Вот мы с тобой как раз и видели эти самые искры. Повезло. Не каждый день такое случается.

— Понимаю, — сказал Шевцов. — А что физики? Зачем ты их возил?

— Они собирались исследовать нейтрино, — объяснил Найденко. — Для этого на большой глубине нужно установить целую кучу фотоэлементов. Я видел чертежи. Сотни длиннющих тросов, и на каждом много-много фотоумножителей. Целый подводный лес. Но в конце концов от этой идеи отказались.

— Почему?

— Хлопот больно много, — сказал Найденко. — За всем этим хозяйством уход нужен. Потом светящаяся живность мешает. Засекли, скажем, сигнал, а это

просто какая-нибудь рыба. Или, допустим, каракатица...

Он умолк. В экраны сонаров вошли две длинные колеблющиеся тени.

— Они, — шепотом сказал Найденко. Тени развернулись, сразу укоротившись, и исчезли вдаль.

— Это тебе не наши двадцать узлов, — сказал Шевцов. — Нам, брат, у них еще учиться и учиться... Зато теперь, по крайней мере, ясно, куда грести.

Субмарина осторожно продвигалась вперед в полной темноте над каменистой равниной.

— Вот они, — снова шепнул Найденко. — Один, два... четыре...

Сонар — это не иллюминатор, но разрешающая способность у него тоже хорошая. На ровном дне вдалеке угадывалось неподвижное длинное тело кита. Над ним, как змеи, клубились громадные щупальца.

Остальное подсказывали воображение и память. Когда эти чудовища позавчера утром выплыли из глубин и всеми щупальцами вцепились вот в этого самого финвала-трехлетку, существо безобидное, но способное одним ударом хвоста перевернуть здоровенный катер, когда бурлила вода и повсюду кружили акулы, а потом на поверхности осталось медленно расплывающееся алое пятно...

— Так, — сказал Шевцов. — Гангстеры за банкетным столом. Сейчас зайдем сверху — и бомбочку на десерт.

Найденко тронул клавиатуру. Субмарина послушно взлетела на сотню метров и пошла на цель, как истребитель-бомбардировщик. Шевцов нащупал справа рычаг бомбомета.

— Что это? — вдруг крикнул Найденко. — Да ты панораму дай, панораму!..

Головоногие и их жертва резко уменьшились, будто суденышко подскочило еще на километр вверх. А на дне неподалеку от пирующей шайки начиналась про-

стая геометрическая решетка — даже предельное панорамирование не могло уместить ее всю в пределы экрана. Параллелепипеды и цилиндры, идущие пересекающимися рядами, будто уложенные на дно изобретательным архитектором...

Руки работали сами, автоматически. Изображение на экране увеличилось. Кальмары ушли за его границы — не до кальмаров! Стало видно, что из узлов решетки вверх поднимаются тонкие тросы — экран сонара был как бы исчерчен тонкими вертикальными линиями. Кое-где на тросах виднелись сферические вздутия, а сами тросы уходили далеко вверх — возможно, к самой поверхности, как необъятный лес водорослей, посаженных чьей-то аккуратной рукой.

Город-сад на морском дне.

— Что это? — тихо сказал Найденко. — По-моему, я где-то видел...

Шевцов не ответил. Он чувствовал, что субмарина планирует туда, к этой невероятной постройке, и вдруг увидел среди вертикальных линий еще один длинный колеблющийся силуэт. Гигантский кальмар скользил вверх вдоль одного из тросов и задерживался на мгновение у каждого шара, а потом, когда он продолжал свое движение вверх, шара на тросе уже не было, кальмар тащил за собой что-то вроде громадной авоськи и складывал туда шары, будто собирал урожай из этого подводного сада...

Шевцов инстинктивно нажал спуск фотокамеры. Все стало ослепительным, и сразу же субмарину сзади что-то ударило. Она вздыбилась. Ее снова сильно трянуло, кругнуло волчком, перевернуло несколько раз. Когда ослепшие от вспышки глаза вновь обрели зрение, в иллюминаторе перед собой Шевцов увидел огромный глаз, озаренный внутренним светом кабины, и основание двух чудовищных щупалец.

Колоссальное головоногое увлекало их куда-то вдаль над неровной подводной равниной. Субмарина

перемещалась с невероятной скоростью, раскачиваясь и переворачиваясь на ходу. Шевцов висел на ремнях безопасности, временами больно ударяясь лицом о жесткий лежак, а перед глазами его стояло видение: десятиногий подводный хищник, собирающий что-то в авоську размером с промысловую сеть...

Великанский глаз исчез. На иллюминатор надвинулось щупальце. На стекле поместились лишь две блюдopodobные присоски. Что-то страшно заскрежетало по обшивке. Это кальмар своим роговым клювом пробовал прокусить непобедимый бронированный корпус.

— Сейчас мы его манипулятором, — спокойно сказал Найдено. Шевцов повернул голову на голос товарища, но тут его снова больно ударило о лежак.

— Получай! — крикнул Найдено.

Субмарину опять перевернуло, затрясло, закрутило. На экране сонара Шевцов увидел отломанный манипулятор, беспомощно падающий на дно.

Судно выровнялось. Впереди — это было видно на экране сонара — появилось скопление скал. Кальмар напористо тащил их сюда. Зачем? Устроить себе трапезу в уединенном месте?..

Он бросил их за скалой и, пока субмарина падала, переваливаясь с боку на бок, плавно лег на обратный курс. Все было медленно, как во сне: падение манипулятора, падение судна, уход кальмара... А поверх всего этого в глазах стояло видение — тот, другой кальмар, быстро скользящий вдоль уходящего ввысь троса.

— Сейчас я его накажу, — сказал Найдено. — Будет знать, как отрывать мне манипуляторы!..

Субмарина послушно пошла вверх, одновременно огибая скалы.

— Стоп, — сказал Шевцов. — Давай-ка лучше всплывать. Здесь надо разбираться по-другому. Не с торпедами и не с бомбами.

Разумеется, он не мог предвидеть, что больше никто

никогда не найдет здесь ничего — ни подводных сооружений, ни этих странных кальмаров.

* * *

«Создатели нейтринного телескопа весьма оригинально решили задачу его монтажа, обслуживания и охраны. Они использовали местных головоногих, обитающих в глубинах водоемов третьей планеты Ра. В их тела вживлялись специальные гипноголовки, позволявшие управлять действиями животных с электронного мозга телескопа. Головоногие моллюски стали специализированными биологическими роботами — монтажниками, охранниками, добытчиками пищи, — во всем послушными электронному мозгу. В ходе эксплуатации телескопа были успешно отбиты многочисленные попытки других глубоководных животных проникнуть в район его расположения.

За сотни лет функционирования телескопа получено большое количество информации и сделан ряд открытий фундаментальной важности. Но ни одного искусственного нейтринного сигнала из космоса принято не было.

В связи с этим принято решение о демонтаже и эвакуации завезенного на третью планету системы Ра научного оборудования. Головоногие моллюски, занимавшиеся обслуживанием и охраной телескопа, выпущены на волю.

В настоящее время следует считать установленным, что технологических цивилизаций, кроме нашей, в Галактике не имеется».

Из отчетного доклада Комитета по контактам с другими цивилизациями при Объединенном правительстве системы Альфа Центавра.

Я не заметил, как незнакомец вышел к костру.

Близилась полночь; звезды ярко сияли, но было довольно светло. Над заливными лугами, тянувшимися по той стороне реки, в небе стоял здоровенный — раз в десять больше полной Луны — светящийся шар, один из миллионов объемных информэкранов, подвешенных в разных районах планеты. Сейчас он равномерно светился, напоминая небесное тело. До начала первого репортажа о первой межзвездной экспедиции оставалось около часа, а на информэкраны, как известно, дают сообщения лишь о таких действительно важных событиях.

Я сидел у костра, изредка поглядывая на далекий плазменный шар. Первая звездная — свершение и вправду первостатейное. Тем более что ее участники летят даже не на ракетах. Что-то новое, нетрадиционное. «Прокол неевклидова пространства» — так это называется. Я слышал об экспедиции краем уха и деталей не знаю. У меня совсем другая профессия.

Ветер утих вскоре после заката, и кругом была тишина. В том числе и вверху, куда уходили желтые мачты сосен. Птицы спали. Из-под обрыва тоже не доносилось ни звука: рыба давно откормилась, а река катила свои воды бесшумно.

— Не помешаю? — сказал незнакомец. Вероятно, не так мало времени он простоял позади меня, — я не слышал, как он приблизился.

Я оглянулся. Блики костра и свет далекого информшара озаряли его худощавое, не особенно привлекательное лицо. Редкие рыжие волосы, уши локатором, ноздреватая кожа... А в серых глазах тоска, будто он был очень виноват перед всеми, передо мной в том числе. Улыбка на этом лице, казалось, не могла появиться в принципе.

— Присаживайтесь, — гостеприимно указал я на траву. — Скоро начнут. Первая звездная! Переломное событие в жизни цивилизации.

— Спасибо. — Он сел на землю, уложив колени вбок. На лице играли блики костра. — Событие, конечно, большое... Но что, если бы вам довелось узнать: это я, своими руками, послал первого человека к звездам?

Он помолчал и добавил:

— На верную смерть.

Я смотрел на него с двойным чувством. Особого доверия во мне он не вызывал. С другой стороны, не знаю почему, но ко мне часто подходят совершенно незнакомые люди и выкладывают разные истории. Какие истории!.. И, как ни странно, почти всегда правду.

— Вы космонавт? — спросил я его.

— Нет. — На миг его глаза ожили, но тут же погасли снова. — Я водолаз, но космос мне не совсем чужд. Дело в том, что я космический водолаз.

— Простите, — сказал я. — По моим, вероятно ошибочным, представлениям, водолаз — это тот, кто лазит в воду. Разве в космосе бывает вода?

— В том-то и несчастье, — вздохнул он. — Вода есть на Европе, и очень много. Европа — это спутник Юпитера, — объяснил он, заметив мой взгляд. — Уже первые станции, побывавшие в тех краях, передали на Землю большое количество фотографий. Изучив их, ученые обнаружили обширные водоемы, покрытые мощным слоем льда. И кто-то предположил, что там есть жизнь.

Он помолчал, глядя на пляшущее пламя.

— Впоследствии, как вы знаете, все подтвердилось. И когда к Юпитеру пошли первые экспедиции, в них включили профессиональных подводников. Космонавты, как правило, воды не любят. Их много тренируют в специальных бассейнах, но бассейн для них — это

полигон. Прошел полигон — получай зачет. Не прошел — иди снова...

Он опять помолчал.

— Вот так я и очутился на Европе. Ландшафты там потрясающие. Один Юпитер чего стоит! Куда больше этой штуки, — он показал на светящийся шар над горизонтом. — Европа — это страна льдов, этакая планета Антарктида. Толщина ледового покрова — сотни метров, на поверхности он громоздится немыслимыми кристаллическими торосами, припорошенными космической пылью. И почти нет атмосферы...

Изучать тамошние водоемы непросто. По счастью, в некоторых местах во льду есть сложные системы естественных пустот, по которым иногда можно добраться и до воды. Оканчиваются такие пещеры, как правило, фантастическими ледовыми гротами. И в каждом гроте — небольшое озерцо. По земным понятиям, бездонное — глубины там исчисляются километрами. Ведь в действительности это кусочек огромного моря. Как полынья где-нибудь в Ледовитом океане. Но на Европе лед всюду, в том числе и над головой...

В тот день мы с Костей, моим напарником, работали в одном из таких гротов, а каждый из них имеет собственное название. Хрустальный Дворец, где мы работали, располагается далеко от главной базы. Как, впрочем, и все другие такие места. Базу разбивали сразу после первой высадки, когда не было известно ни одного спуска к европейским морям. Поэтому приходится добираться к месту на вездеходах и брать с собой много припасов. Ведь экспедиция длится минимум две недели. Уходят в нее два-три человека, не больше. Работа, надо сказать, как работа. Устанавливаешь под водой всякие приборы, автоматические камеры, меняешь фотокассеты... Но самое интересное — смотреть своими глазами. Не представляете, какие там чудеса.

— Почему же? — возразил я. — Было много снимков в журналах.

— В журналах не то. По снимку не ощущаешь масштаб. Но когда видишь воочию инфузорию, скажем, с дельфина величиной... К счастью, хищников, опасных для человека, там нет. Иначе все было бы сложнее. Не поднимешь же руку на взезмное животное...

Он снова сделал паузу, посмотрел на пламя костра. Потом продолжал:

— Теперь вы хорошо представляете себе обстановку. Фантастическая ледяная пещера — Хрустальный Дворец. Темное зеркало воды — диаметр озера метров двести. На берегу стоит вездеход, его автоматические прожекторы шарят по воде и по стенам грота. Я сижу рядом, страбую товарища. Костя работает внизу, до его появления полчаса. Слегка скучаю. И вдруг вижу — в озере, под лучом прожектора, появляется человек.

— Ваш напарник?

— В том-то и дело, что нет. Мы работали в жестких скафандрах типа космических. Глубина в Хрустальном около километра. Вода на Европе, правда, легче, чем здесь, но на Земле-то на такие глубины только в батискафах и ходят. А под луч прожектора выплывает человек в самом обычном гидрокостюме! Таким, по крайней мере, он мне тогда показался. И с аквалангом! Слегка необычной формы, но я не обратил на это внимания. По счастью, костюм у него герметичный, сухого типа. Представляете — кругом пустота, холод...

Но особенно удивляться мне было некогда. Он к берегу подплыл, а вылезти не может, скользко. Я бегом туда, даю ему руку, хватаю в охапку — тяжесть на Европе как на Луне — и к вездеходу. Втаскиваю в кабину, закрываюсь, даю наддув — и снимаю шлемы. И с себя и с него. Дышит. И глаза открывает. Большие такие, темные, выразительные. Вообще внешность запоминающаяся — длинные волосы, угольно-черные, ор-

линый нос, скулы выпирают. Вылитый индейский вождь. Тем не менее самый обычный человек. Но незнакомый. И я точно знаю: кроме Кости, никого сейчас под водой нет. Ни в Хрустальном, ни в прочих местах. Тем более в таком снаряжении... Но я не успел задать вопрос первым.

«Гренландия? — жизнерадостно осведомился он, увидав сияние льдов за прозрачным фонарем вездехода. Но тут же, заметив выражение моего лица, на миг призадумался и сказал: — Впрочем, нет, сейчас август. Неужели Антарктида?»

И лицо его еще больше засветилось радостью.

«Нет, Европа», — ответил я, даже не подумав о двусмысленности такого ответа.

«Европа? — переспросил он. — Шпицберген? Земля Франца-Иосифа?»

«Нет, — объяснил я. — Европа, спутник Юпитера».

Минуту он смотрел на меня непонимающе. Потом обрадовался еще больше, даже засмеялся. Смех очень шел к его романтической внешности.

«Не может быть! Я же зарядил лидер-баллон на Толстом мысе! И ветра совсем не было!»

Настал мой черед не понимать. И это наше взаимопонимание длилось до тех пор, пока он не выложил все.

Он оказался изобретателем, причем не из тех, кто придумывает вечный двигатель или новое устройство для открывания пивных бутылок. Он изобрел ни много ни мало способ перемещаться в подпространстве (термин он позаимствовал из научной фантастики). Именно для этого служили ему его одежда, показавшаяся мне вначале обычным гидрокостюмом, и дыхательный аппарат, похожий на акваланг с тремя небольшими баллончиками.

Особых подробностей я не запомнил, а магнитофон не включал. Естественно, я же не мог предвидеть, как

все быстро и трагично закончится. И честно говоря, все-таки не думал, что это правда.

Вкратце сущность его изобретения такова. С помощью своего костюма и дыхательного прибора он погружался не только в воду (хотя вода почему-то необходима), изолировался не только от атмосферы, но и от нашего пространства. И вынырнуть из этого своего подпространства он мог в принципе где угодно. Здесь важнейшую роль играл лидер-баллон, средний баллон его акваланга. Остальные два были обычными — дыхательными. Он наполнял лидер-баллон воздухом финиш-пункта (опять-таки его собственный термин), и лидер-баллон увлекал его в этот самый финиш-пункт.

«Представьте себе, — объяснял он, — пузырек воздуха под водой. Он рвется вверх, стремится соединиться с атмосферой. Точно так же воздух в лидер-баллоне стремится соединиться с воздухом финиш-пункта. Он рвется туда с такой же неудержимостью».

Он успел объяснить очень многое. Например, что воздух в разных районах, даже если они разделены всего-навсего несколькими километрами, по составу чуть-чуть отличается. Различия эти, если нет ветра, сохраняются долгое время, а лидер-баллон на них реагирует. Поэтому он дожидался безветренной погоды, ехал на финиш — обычно за два-три километра, — заряжал там лидер-баллон, возвращался на место старта и погружался в воду, а попутно и в подпространство. Навверх его выносило всегда в намеченной точке финиша, с очень небольшими отклонениями. Он провел на Черном море с десятком успешных экспериментов и собирался подавать заявку на изобретение.

— Но как его занесло на Европу? — не выдержал я. Странно было слушать эту невероятную историю в ночном лесу у костра, в привычном свете далекого плазменного информшара. — Ведь вы сами сказали, что там почти нет атмосферы.

— Я задал ему тот же вопрос. А еще раньше он задал его сам себе. Случилась вещь маловероятная, но, по-видимому, неизбежная: он забыл заправить лидер-баллон. И внутри баллона был вакуум. А вряд ли во вселенной найдешь небесное тело, кроме Европы, где есть водоемы, из которых можно вынырнуть, но нет воздуха, которым можно дышать...

Он сделал паузу. Далекий небесный экран преобразился: по нему побежали широкие полосы настройки, отчего он стал похож на Юпитер, и мы как бы перенеслись ближе к месту событий.

— Понятно, я ему не поверил. Весь разговор, как я определил потом, занял минут двадцать — двадцать пять. Все излагалось достаточно сбивчиво и невнятно. Ему было легче — хотя бы из-за уменьшенной гравитации — поверить, что он действительно совершил межпланетный нуль-перелет (этот термин он тоже почерпнул из фантастики). Мне было гораздо труднее, хотя других объяснений его появлению не приходило мне в голову.

«Вам нужны доказательства?» — спросил он, заметив мою реакцию. По-моему, она его обидела. Бывают люди, которые не выносят, когда их словам не верят.

«Да, — отвечал я. — Ведь все, о чем вы рассказываете, настолько непривычно...»

«Тогда посмотрите на меня и запомните хорошенько», — попросил он.

У меня хорошая зрительная память. А внешность у него и впрямь была примечательная, я уже говорил: орлиный нос, длинные черные волосы, очень выразительные глаза... Подробности телосложения скрывал его подводно-подпространственный костюм.

«Запомнили? — продолжал он. — Теперь смотрите: я наполняю лидер-баллон, — он действительно отвернул вентиль, и там зашипело, — воздухом из кабины вашего вездехода. Это нормальный воздух, ведь так?»

«Естественно», — сказал я.

«Хорошо, — сказал он. — А теперь до свидания. Мой лидер-баллон наполнен сейчас земным воздухом, и он выведет меня на Землю. Не знаю точно, в какое место, но скоро вы опять обо мне услышите».

Я не успел опомниться, как он натянул маску — мне пришлось последовать его примеру, — распахнул дверцу и бросился вон. Я за ним. Куда там! — на мне были тяжелые металлические доспехи, на нем — элегантный гидрокостюм. Не прошло и минуты, как темная вода сомкнулась над его головой...

Он опять замолчал. Костер догорал. Редкие языки пламени выбивались иногда из-под тлеющих углей и тут же пропадали. И казалось, что небесный экран вдали светится ярче.

— А что было потом? — спросил я.

— Ничего, — вздохнул он. — Через пять минут вынырнул Костя. Вместе с ним мы целую неделю обшаривали дно. Перевернули каждый камень. Безрезультатно.

— И вы больше о нем не слышали?

— Естественно, нет. — Он вздохнул и умолк.

Я спросил:

— Почему «естественно»?

— Ничего другого нельзя было ждать. Когда долго работаешь в космосе, забываешь про некоторые вещи. Воздух в кабине вездехода не был земным — это была кислородно-гелиевая смесь, которую применяют всюду на веземных объектах.

— Ну и что?

— Его лидер-баллон наполняла кислородно-гелиевая смесь. И он увлек его к планете с кислородно-гелиевой атмосферой. А таких нет в солнечной системе.

— И...

— Да, — горько сказал он. — Это я своими руками отправил его в безвозвратное путешествие к звездам. Возможно, на другой край вселенной. Ведь небесные

тела с такими атмосферами встречаются, видимо, редко. А здесь накладывалось условие, чтобы планета имела открытые водоемы.

Он помолчал.

— Мне часто снится один и тот же сон: как я поднимаюсь со дна под чужое зеленое — всегда зеленое! — солнце, и возврата на Землю нет... И я просыпаюсь в холодном поту.

Он снова умолк. По висящему над горизонтом информшару опять пошли полосы настройки. До начала передачи оставались считанные минуты.

— Но вы преувеличиваете трагичность ситуации, — сказал я. — На планете, куда он попал, есть вода. Есть кислород. Скорее всего есть жизнь. Все не так уж трагично.

— Да, я об этом думал. Но что такое человек, навсегда оторванный от Земли? Человек, лишенный общества себе подобных? Нет, он погиб, пропал безвозвратно. И это я своими руками...

— Но это тоже не так! — воскликнул вдруг я. — Ведь, кроме лидер-баллона, у него были два дыхательных. С воздухом! С обыкновенным земным воздухом, взятым на Черном море! Что могло помешать ему зарядить этим воздухом лидер-баллон и вернуться?!

Он не ответил. Костер погас совершенно. Внезапно стало гораздо светлее — это ожил небесный экран. Наступила пора первого репортажа о первом межзвездном старте. И на экране появилось лицо научно-го руководителя экспедиции. Очень запоминающееся лицо.

Его узнал даже я. Прямые черные волосы, орлиный нос, темные выразительные глаза... Вылитый индейский вождь, сошедший со страниц старинного вестерна...

31 перевел взгляд на своего компаньона. Тоскливое выражение испарилось из его глаз, уступая место улыбке.

— Теперь о вознаграждении, — сказал Главный Разведчик, и в его ладони сверкнул Орех Жизни.

Риц сглотнул воздух. Пылая золотой кожурой, Орех Жизни катился по голубому стеклу стола. И вот он уже в секретном кармане, какие есть у всех, но пустые. Орех, возвращающий то, что отобрали годы.

— Это аванс, — пояснил Главный Разведчик. — Вторую половину гонорара — я говорю о Щипцах — получишь потом. Разумеется, если оправдаешь надежды.

Сказочный букет вкусовых ощущений, уже поселившийся во рту Рица, превратился в горечь. Чтобы вкушать Орех Жизни, необходимы Щипцы — специальное одноразовое устройство. Не имея Щипцов, Орех Жизни не вскрыешь. Например, удар молотком смертелен для ударяющего — Орех взрывается как граната. Теоретически можно, конечно, раскусить его и зубами. Так делали предки, но века искусственного питания отняли у челюстей нужную для этого силу.

Тепло Ореха чувствовалось сквозь одежду. Риц смотрел на Главного Разведчика спокойно и преданно, по уставу. Разговор завершался. Главный Разведчик встал.

— Желаю удачи.

Эти условные слова вмещали точную инструкцию, занимавшую толстый том. Жизнь состоит из символов. Иногда они тяжелее фразы.

Спокойно и преданно, по уставу, Риц наблюдал, как Главный Разведчик огибает голубой стол и заносит кулак. Удар — лязг зубов — и Риц кубарем летел по

коридору, к любезно раскрытой двери. Турникет подбавил импульс, и через миг Риц сидел на движущемся тротуаре, в толпе. Обернулись немногие. Сообразив, что к чему, глядели с завистью. Ясно, что тот, кто сейчас держится за лицо, нанес в государственное учреждение визит, о котором нужно помалкивать. Это доступно лишь избранным.

Тротуар нес Рица к аэровокзалу. Он уже стоял на ногах. Между портом и небом сновали аэромобили. Высоко за облаками скрывались Внешние Станции. Иногда — примерно раз в месяц — в той стороне зажигается яркая звезда. Это отлетает ФПЗ — фотонно-подпространственный звездолет, общепринятый транспорт Вселенной. Такой корабль состоит из колоссального отражателя, с тыльной стороны которого смонтированы пассажирские и грузовые отсеки. ФПЗ стартует на фотонной тяге, набирает субсветовую скорость и ныряет в подпространство, а на финише тормозит снова фотонным двигателем. Один из ФПЗ ждал Рица, чтобы переправить его в космическую пустыню, за разгадкой Великой Тайны.

2

— Тебе улыбнулся жребий, — сказал Главный Разведчик час назад, сразу после приветственных пинков. — Символы — это жизнь, но одних символов мало. Еще нам необходима энергия. Ее жрут звездолеты, эти ФПЗ. Их приходится разгонять до умопомрачительной скорости, а затем тормозить. На каждый рейс тратится годовая выработка тысячи электростанций. Энергия летит в пустоту. Уран, термояд, сила рек и приливов — ФПЗ съедают все. Но если мы не будем летать, нас обгонят другие. Требуются новые источники. Где их взять?

Риц пожал плечами.

— Разведать, как дела у других цивилизаций.

— Мыслишь правильно, — кивнул Главный Разведчик. — Такая работа ведется планомерно, но безуспешно. Повезло нам неожиданно. Наш доблестный астронавт Интегер — вот его фотография — попал в аварию. У него отказал подпространственный привод. В самом неподходящем месте. В пустоте, в беспросветности, вдали от звезд. Но кто-то из экипажа заметил поблизости одинокую планету.

— Планету-сироту, — вставил Риц. — Есть такой термин у звездолетчиков.

— Да, — сказал Главный Разведчик. — Именно сироту. Естественно, Интегер решил, что она необитаема. Но там оказалась колония той самой Земли, жители которой, так называемые земляне, всегда строят против нас козни. Ты, по-моему, с ними сталкивался?

— Сталкивался, — подтвердил Риц. — Неприятная цивилизация. Очень вредные и хитроумные типы эти земляне. Постоянно вставляют нам палки в колеса.

— Вот-вот, — согласился Главный Разведчик. — Земляне. Вернее, их потомки из этой колонии. Планета, поскольку она сирота, одинока. Солнц рядом нет. Другие источники энергии тоже вроде отсутствуют. Как ты со своим опытом представляешь такую колонию?

— Ее население, видимо, невелико, — медленно произнес Риц, хотя уже заподозрил подвох. — Вероятно, у них нет ни одного приличного астровокзала. Будучи отрезанными от источников энергии, они должны соблюдать экономию. Правда, практика показывает, что экономия, если нечего экономить, никого не спасает.

Главный Разведчик засмеялся.

— Именно так, Риц, ответили нам наши лучшие эксперты. Как и ты, они забыли, что мы имеем дело с этими хитроумными землянами, у которых все наоборот. И точно, доблестный Интегер еще издали увидел на планете нечто отличное в обоих смыслах. В том чис-

ле несколько больших городов и космопорт, оборудованный по последнему слову, с прямой посадкой.

— То есть? — не понял Риц.

— Без Внешних Станций и астромобилей, — объяснил Главный Разведчик. — Звездолеты приземляются там непосредственно на космодром. Так даже удобнее, но не в этом суть. Интересное будет дальше. Мало того, что местные колонисты, потомки хитроумных землян, отремонтировали корабль. Они поместили Интегера и его команду в гостиницу, рассказы о которой звучат анекдотом. Экипаж спал в постелях, его кормили, и это продолжалось неделю.

— И какую плату с них взяли? — наивно поинтересовался Риц.

Главный Разведчик расхохотался.

— Плату? Когда Интегер и остальные покидали планету, им вручили по слитку золота весом в десять килограммов. Полюбуйся. — На столе появилось объемистое изображение. — Как ты на это смотришь?

— Возможно, планета целиком состоит из золота? — предположил Риц.

— Так ответил мне один эксперт, очень умный, — усмехнулся Главный Разведчик. — Сейчас он, так сказать, в длительном отпуске, но это к делу не относится. Неудивительно, что мы послали туда несколько групп подряд. Геологоразведочных, в некотором смысле. Что, по-твоему, они там нашли?..

На сей раз Риц промолчал. Зачем гадать впустую? Лучше выслушать официальные данные.

— Они увидели нечто поразительное, — продолжал Главный Разведчик. — Точнее, не увидели ничего. Ни источников энергии, ни месторождений. Однако туземцы вручили всем по такому же куску золота, так что теперь наша казна набита битком. То есть слитками. Выяснилось, что планета ввозит золото из других мест. Но ты никогда не угадаешь, какой продукт она экспортирует.

Риц пожал плечами.

— Ты самонадеян, — усмехнулся Главный Разведчик. — Ну попробуйся.

— Энергию, — предположил Риц.

Главный Разведчик подпрыгнул и чуть не упал на пол.

— Откуда ты знаешь?

— Я легко адаптируюсь, — объяснил Риц. — В парадоксальной ситуации и мыслить следует парадоксально. Я сделал наименее вероятное предположение.

— Я уже решил, что кто-то проговорился, — облегченно вздохнул Главный Разведчик. — Но ты прав. Хотя добывать энергию им вроде негде, они экспортируют ее достаточно, чтобы прокормить себя плюс массу туристов, прибывающих со всех шести сторон света. Естественно, все туристы в действительности шпионы. Энергия требуется не только нам. Судя по рапортам, на планете нельзя ступить, чтобы не наткнуться на агента. Но охрана там совершенна, и никакой информации нет. Зато у нас есть гипотеза, которую ты должен проверить.

Риц ждал.

— Тебе улыбнулся жребий, — сказал Главный Разведчик. — Ты отправляешься сегодня же, чтобы выведать все о «перпетуум мобиле», изобретенном туземцами. Теперь о вознаграждении.

И Орех Жизни покатился по голубому столу, чтобы перекочевать в потайной карман Рица.

Старт и переход в подпространство Риц перенес хорошо. ФПЗ был обычный, с экипажем из шестерых. Капитанствовал здесь некий хмурый тип, обладавший неприятной привычкой молча стоять за спиной. Когда бы

Риц ни оглянулся, он находил капитана, который с угрюмым видом водил пальцем по пыльным переборкам, или шнуровал обувь, или бесшумно шествовал мимо наподобие привидения. Он часто произносил глупости с административным подтекстом, и вскоре Риц понял, что это обычный агент, а настоящим командиром звездолета является его помощник, ни разу, впрочем, не покинувший рубку, так что познакомиться с ним Риц не смог (сам он тоже считался помощником, но штурмана-программиста). Еще на борту была стюардесса, любопытная, как многие женщины. Однако в ее любопытстве чувствовалось что-то профессиональное. Вероятно, она тоже была коллегой Рица.

Аналогичная гипотеза невольно возникала и в отношении пятого члена экипажа — начальника Рица, в некотором смысле непосредственного. самого скромного знакомства с программированием хватало, чтобы понять, что познания штурмана гораздо скромнее. В служебных разговорах он попросту повторял фразы Рица, переставляя слова и меняя интонацию. Это вызывало у непосвященных нужное впечатление. К счастью, эти беседы происходили редко, ибо Риц делил каюту с шестым членом экипажа, который числился радистом, но в отличие от остальных не скрывал, что является шпином.

По радию радист слушал исключительно джазовую музыку, да и о работе разведчика у него было своеобразное представление. Он вез с собой три больших чемодана с одеждами землян и постоянно примерял их костюмы. Гримом он тоже пользовался. Рация работала как радиоло, эфир грохотал барабанами, а радист переодевался, представая перед Рицем в различных обликах — был администратором отеля, бородатым нетрезвым дворником, толстым поваром, тощим официантом, даже судомойкой. «Нам нужна информация, — объяснял он Рицу свое поведение. — Лучший способ добыть ее — втереться в ряды аборигенов.

Они все знают, и рано или поздно кто-нибудь из них проболтается».

Риц не возражал, хотя занятия радиста его слегка раздражали. На них тратилось время — правда, только в первые дни, пока ФПЗ набирал субсветовую скорость, необходимую для прыжка в подпространство. Потом время остановилось и вспять пошло даже. Лишь когда звездолет вынырнул перед планетой-целью, ход времени восстановился.

Корабль летел кормой вперед, изрыгая мощный столб света, и быстро тормозился. При торможении, как уже знал Риц, в пустоту улетала годовая выработка тысячи электростанций, но в данный момент это его не тревожило. Были другие проблемы. Помощник, засевавший в рубке, никого туда не пускал, и Рицу пришлось долго ждать, прежде чем планета стала видна с обзорной палубы. Когда это случилось, он, обращаясь к самому себе (а рядом никого не было), сказал:

— Вот она.

— Кто? — ревниво спросила стюардесса, входя на палубу.

Риц собрался было объяснить, о чем идет речь, когда услышал позади себя шорох. Обернувшись, он обнаружил капитана, равнодушно водившего пальцем по пыльной переборке. Потом капитан оторвался от этого занятия и посмотрел на Рица так, словно только что его заметил.

— Где ваше рабочее место? — спросил капитан. — Почему вы здесь, а не там? Пишите объяснительную.

Внизу звездолет заканчивался рефлектором, посылавшим при разгонах и торможениях концентрированный луч света. Зеркало имело в диаметре сто метров и загоразживало космодром почти до самого приземления. Риц успел заметить, как из-за отражателя появились какие-то строения, потом посадочное поле, и все закончилось.

— Мы сели, — сказал Риц капитану и стюардессе.

— Как интересно! — воскликнула стюардесса, поворачиваясь к капитану. — Мы сели, но не в тюрьму. Это что, какая-нибудь планета?

— Планета? — переспросил капитан. — Вы ошибаетесь. У нас в плане нет никаких планет.

Раздался пронзительный свист. Все повернули головы. Неподалеку от них на обзорной палубе стоял полицейский с резиновой дубинкой, пистолетом и строгим взглядом из-под золоченого козырька.

— Почему сборище? — грозно произнес полицейский голосом радиста. — От толчка у меня поломалась музыка. То есть радиостанция. Что происходит?

Все облегченно вздохнули.

— Помощник программиста утверждает, что мы сели на какую-то планету, — сказала стюардесса. — Хорошо бы! Я так соскучилась по нормальной человеческой тяжести!

Все опять повернулись к Рицу.

— На каком основании вы полагаете, что вверенное нам судно куда-то село? — спросил капитан.

— На основании зрительной информации, — объяснил Риц. — Если вы посмотрите налево, то найдете там защитный купол астровокзала, какие есть только в планетных космопортах. Взглянув направо, вы обнаружите высокую стену и ряд других построек, образующих город. Насколько мне известно, нигде в космосе, кроме планет, не встречаются подобные феномены. Наконец, прямо перед собой вы можете увидеть вдали разумное существо без скафандра. Вот оно, сидит на стуле посреди привокзальной площади.

— Клянусь черными дырами космоса, он прав, — сказал капитан. — Что же приключилось с нашим помощником? Мы предупреждали руководство, что комплектация экипажа неопытными кадрами чревата. Мы доверили ему управление, и вот к чему это привело.

— Вы забыли о профилактике, — пришел Риц на выручку командиру, зашедшему слишком далеко по пути конспирации. — Приблизился срок осмотра и ремонта кибернетического оборудования. Видимо, эта причина и объясняет посадку.

Громко топая, по лестнице из штурманской спустился начальник Рица, в некотором смысле непосредственный.

— Я все разузнал! — закричал он. И продолжал, переставляя слова в последней фразе Рица: — Посадка, как оказалось, вызвана необходимостью кибернетического осмотра ремонтного оборудования. Ведь осмотр есть у нас в плане?

— Да, — произнес капитан. — Кажется, мы склонны были упустить это из виду.

Потом дверь из рубки распахнулась, и на площадке появился помощник капитана, как две капли воды похожий на фотографию доблестного Интегера, виденную Рицем у Главного Разведчика.

— Поверьте тертому ветерану, — сказал Интегер, — вечного мобиле вы не найдете, хоть и ищейки. Теперь можно открывать люки.

4

Электрический свет, местный суррогат зари, проник под массивную занавесь и заставил Рица открыть глаза.

Тертый ветеран Интегер был прав. Никаких «перпетуум мобиле» за проведенную на планете неделю Риц не обнаружил. Аборигены, то есть здешние колонисты, потомки хитроумных землян, тоже не попадались. Они жили за высокой стеной, разделявшей порт пополам, и в других городах планеты. Проблема сервиса решалась властями гениально просто, с учетом психологии инопланетных разведчиков. Многие «тури-

сты», чтобы втереться в ряды аборигенов, проникали в помещения для обслуживающего персонала, переодевались, гримировались и приступали к новым обязанностям. Чаще всего служащие, контактировавшие с Рицем, оказывались его собственными переодетыми спутниками. Например, улицу подметал радист, а роль горничной в гостинице попеременно исполняли лжекапитан и стюардесса, задрапированные одеяниями, под которыми даже лжекапитан выглядел стопроцентной горничной. Вернее, стюардессой, загримированной под стопроцентную горничную.

Остальные, с кем встречался Риц, были чужепланетными туристами. Или шпионами, загримированными под туристов. Чтобы общаться с туристами, достаточно туристического жаргона, однако Риц еще заранее решил изучить туземный диалект, и закончил курс вчера вечером. Могут обнаружиться письменные источники, пусть не с кем поговорить. Даже абориген на вокзальной площади, замеченный Рицем при посадке, оказался памятником.

Поднатужившись, Риц рванул сигнальный шнурок. Дверь медленно распахнулась, и в номер тяжело въехала тележка с чашкой кофе и сахарницей. Тележку с трудом толкала переодетая стюардесса. Точнее, лжекапитан, загримированный под переодетую стюардессу. Взяв кофе, Риц для конспирации ущипнул лжекапитана за бок. Тот удалился, визжа, но тележку не бросил.

Через минуту Риц был готов к сегодняшней деятельности. Утреннюю зарядку он игнорировал. И так все приходилось делать с крайним напряжением сил. Даже войти в туалет было непросто. Вначале Рицу казалось, что в туалете все время сидит кто-то из его коллег и держит изнутри дверь. Требовались большие усилия, чтобы открывать многочисленные двери, двигать портьеры и даже дергать шнур, вызывая утренний кофе. Каково было возить тележку, Риц точно не

знал, но лжекапитан за последние дни стал значительно здоровее, а стюардесса легко бы взяла приз на соревнованиях борцов-профессионалов.

Риц шагал безлюдными коридорами, отворяя бесчисленные двери. Отель состоял из дверей. И другие отели. Все туристы за несколько суток приобретали могучие бицепсы.

У входа в гостиницу некто в белом торговал с лотка табаком и значками. Чем-то продавец напомнил Рицу его собственного начальника, в некотором смысле непосредственного.

— Доброе утро, — сказал Риц. — После герметичной кондиционированности апартаментов так приятно вдохнуть свежий порыв атмосферных течений, не правда ли?

В белом с готовностью закивал.

— Да, да, вы совершенно правы. Апартаментная герметичность кондиционеров весьма способствует течению порывистых атмосфериков. Доброе утро.

Так подтверждаются гипотезы. Риц доверительно наклонился к продавцу.

— Знаете, приятель, я разгадал одну Великую Тайну. Это касается здешних источников энергии.

В белом внимал. Его глаза и щеки горели.

— Мне кажется, энергию производят сами туристы, — продолжал Риц. — Вы обратили внимание, как трудно открыть дверь туалета? Открывая дверь, турист заряжает аккумулятор. Умножьте энергоемкость аккумулятора на число туристов, и вы поймете меня.

Риц физически ощутил усилие воли, которым заграммированный программист подавил радостный вопль, вырывавшийся из его груди.

— Меня совершенно не интересует энергоаккумуляторность емкостей, благодарю вас, — солгал накопец в белом. И умолк, боясь позабыть услышанное. Риц пошел прочь, насвистывая «Марш шпионов». На-

строение у него значительно улучшилось. Особенно когда он, украдкой оглянувшись, увидел, как в белом быстро свернул свое хозяйство и убежал со свертком под мышкой. На почту, определил Риц, давать шифровку. Еще один кандидат на «длительный отпуск».

5

Поздоровавшись на перекрестке с бородатым нетрезвым дворником, очень скучающим без своей джазовой рации, Риц направился дальше, к вокзальной площади. Улицы были пусты. Большинство туристов спали. Безлюдье способствовало операции.

Еще позавчера Риц заметил на постаменте памятника длинную надпись и теперь мог ее прочесть. Главная ошибка туристов и плохих разведчиков — скверное знание языков. Не изучив языка, ничего не узнаешь. Язык состоит из символов, а символы — это жизнь.

Ботинки Рица шлепали по покрытию тротуара. Странное покрытие. В любом другом месте Риц поклялся бы, что тротуар вымощен фотоэлементами. И дорога. Да и крыши зданий, похоже, сплошь состояли из фотоэлементов. На другой планете это было бы рационально. Но здесь, в отсутствие солнца? Или не нашлось других стройматериалов? Сомнительно.

Великая Тайна, сплетение загадок и парадоксов. Вечная ночь — и мостовые из фотоэлементов. Отсутствие источников энергии — и ее необъятный экспорт. И благоустроенные отели. Не могли же аборигены предвидеть теперешний наплыв туристов! Или предвидели? Но зачем им туристы? Неужели действительно для того, чтобы открывать двери и заряжать аккумуляторы?..

Думая так, Риц вышел на площадь, к памятнику. Надпись на постаменте гласила:

ЭДИСОН ТОМАС АЛВА 1847—1931

Выдающийся электротехник Земли, изобретатель. Изобрел мимеограф, электрическое перо, «нарезку Эдисона» для ламп, фонограф, предохранитель с плавкими вставками, поворотный выключатель, электрический счетчик, кинетоскоп, телескоп и другие полезные вещи. Внес вклад в развитие бытовой техники. С помощью специальных трансмиссий добился того, что посетители, отворяя калитку его дома, накачивали воду из колодца, пилили дрова, заряжали аккумуляторы. Это ставит его в один ряд с величайшими мыслителями всех времен и народов.

Текст на этом кончался. Электротехник, великий изобретатель. Почему же ему воздвигли памятник здесь — на планете, жители которой необъяснимым способом получают энергию из ничего?

Риц вновь пробежал глазами список достижений Эдисона. О «перпетуум мобиле» — ни слова. Остается калитка в доме изобретателя.

И двери гостиницы, открыть которые так трудно.

Но это нелепо! Способ добычи энергии, придуманный хитроумным Эдисоном, изящен, но малоэффективен. Еще на заре цивилизации стало ясно, что одной мускульной силы недостаточно. Поэтому цивилизация и возникла. Отворяя двери, туристы возвращают планете ничтожную часть затрат. Это ничего не объясняет. Опять неудача. Тупик. Тайна остается тайной, и можно улетать восвояси.

Освещение на площади, имитируя развитие дня, давно достигло предела. Но сейчас — странная вещь — Риц ощущал, что освещенность усиливается, будто над городом поднимается невидимое солнце. Иллюминация в честь их предполагаемого отлета? От здешних расточителей, потомков хитроумных зем-

лян, можно ждать всего. Но основной свет вдруг погас, и все стало понятно. В зените пылала яркая звезда. Чей-то ФПЗ с очередной партией «туристов» шел на посадку.

Риц оглянулся в поисках укрытия. Спасительный знак горел неподалеку. Через минуту Риц уже сквозь защитные фильтры следил, как становится все светлее. Кто-то идет на посадку. Еще кто-то хочет разгадать Великую Тайну. Ничего, пройдет время, и они тоже улетят, ничего с собой не забрав.

Свечение становилось все насыщенней. Высоко в небе звездолет тормозил. Снаружи, с улицы, он выглядел сейчас солнцем. Он замедлялся, испуская вперед луч света, концентрированный пучок энергии...

Энергия! В мозгу Рица стало светло, как снаружи, под беспощадным огнем. Корабли с «туристами» прибывают один за другим, и каждый из них несет запас кинетической энергии, равный годовой выработке тысячи электростанций. При торможении вся эта энергия превращается в излучение. Но она улетает не в пустоту, а к планете-цели. И тем, кто ожидает на финише, остается подставить фотоэлементы.

Даже сквозь фильтры все было ослепительным. Звездолет снижался, опираясь на столб концентрированного света. И свет не пропадал даром. Здешние колонисты не посрамили памяти хитроумного предка, придумавшего, как заставить гостей работать. Они продвинулись дальше, заставив работать их звездолеты. Они сумели приспособиться к условиям планеты, лишенной энергии, и использовать эти условия. Вероятно, приспособиться можно ко всему. Хочешь жить — адаптируйся, и все будет в порядке. Эта информация — главное, что можно отсюда вывезти. Она стоит вечного двигателя. Только что теперь с нею делать? Отдать начальству? Нет. Она дороже всего.

Но гонорар? Щипцы для Золотого Ореха?..

— Словом, награда тебе улыбнулась, — сказал Главный Разведчик после обмена пинками. — Могу открыть одну тайну. Не Великую, зато с грифом. Все, кто летал с тобой, тоже агенты. Конечно, самые рядовые. От них мы ничего и не ждали. Но ты... Аванс останется у тебя, но выдать тебе Щипцы я не имею права.

Риц промывчал в ответ что-то неопределенное.

— Ты мне сегодня не нравишься, — продолжал Главный Разведчик. — Что не оправдал надежд и ничего не узнал, ладно. Не ты первый. Но почему ты ведешь себя так, будто у тебя полна пасть воды?..

На сей раз Риц промолчал, подправив языком то, что находилось у него за щекой. Приближалось традиционное завершение разговора, и Риц ждал его спокойно и преданно, по уставу. Все было как раньше. Но не совсем.

Обогнув голубой стол, Главный Разведчик занес кулак, и спустя мгновение Риц уже сидел на тротуаре, в толпе, глядевшей на него с завистью. В данном случае оправданной, хотя никто об этом не догадывался.

Орех Жизни, лопнув от сильного удара по челюсти Рица, растекался у него во рту сказочным вкусовым букетом, возвращая все, что отобрали годы.

ПИРАМИДА

Звезда впереди разгоралась. Корабль тормозил полгода. Планеты сквозь телескопы казались уже не точками — крошечными кружочками. И третья от центра планета — цель перехода.

Она голубела, двоилась. На ней был избыток влаги. Планету населяли разумные существа — двуногие,

почти такие же. Но они были смертны, их наполняла вода. Они еще не познали Мудрость Вселенной.

Звездолет тяжело тормозил, вонзая телеглаза в Солнечную систему.

Люк кабины захлопнулся. Сандлера обдало ветром. Зотов упал в кресло. Кресло взвизгнуло.

— Где тебя носит? — сказал Сандлер. — Остаешься на старте, как Петров из пятого экипажа.

Зотов застегнул привязные ремни.

— А что с ним случилось, с Петровым?

— Одна неприятность. — Сандлер тронул стартер. Взлетная площадка провалилась в пустоту. Кругом сгустился мрак, заблестели мелкие звезды. Дроммер повис в расчетной точке, в деципарсеке от Солнца.

Зотов внимательно оглядел созвездия.

— Пусто, — сообщил он. — Наврали тебе эти типы.

— Это еще не здесь, — объяснил Сандлер.

Приемная служба обеспечивала финиш старинных земных кораблей, ушедших к звездам столетия назад. Наблюдатели обнаруживали возвращающийся звездолет на подступах к Солнечной системе и передавали его координаты буксировщикам-дроммеристам, которые встречали корабль и перебрасывали его к финишу через гиперпространство. Вся процедура занимала часа полтора и сберегала возвращавшимся около года пути.

— А кто будет нас наводить? Опять сами?

Сандлер кивнул.

— Проклятый прогресс, — сказал Зотов. — Каждый раз этих горе-звездоплавателей засекают все дальше. Скоро мы начнем подбирать их в облаках. В этих, в Магеллановых.

Приемная служба возникла после ряда скандалов, когда возвращающийся звездолет повреждал орбитальные сооружения, или приземлялся не в океан, как положено, а в другое место, или еще что-нибудь вытворял. Первое время звездолеты перехватывали на подходе к Земле, но постепенно точка обнаружения переместилась далеко за орбиту Плутона. И средства наблюдения все еще совершенствуются.

— Тут другое, — сказал Сандлер. — Наблюдатели теперь просто дают координаты, и уже нет уверенности, что это обязательно возвращающийся звездолет. Например, он может оказаться межзвездным астероидом. Кстати, так оно и было, когда Петров из пятого экипажа остался на старте.

— Совершенно не слышал об этом случае, — сказал Злотов. — Что с ним такое приключилось, с Петровым?

— Долго рассказывать. Астероид — еще полбеды. Звездолет может оказаться и посланцем чужой цивилизации. Чужой, инопланетной. А кто его встречает? Мы с тобой. Понимаешь? Контакт — это ответственность. Этим должны заниматься специалисты.

Злотов усмехнулся.

— А откуда они, специалисты? Ведь никаких Контактвов пока не было.

— Ошибаешься. Недавно я прочел одну книжицу. Вот что там говорится. Разум — это особый способ накопления, обработки и использования информации. Науке известно два вида носителей разума.

— Мужчина и женщина?

— Нет. Первый вид — это человек. Второй — цивилизация в целом. Она — не просто сумма слагающих ее индивидуумов. У нее своя память, свои органы чувств. Такой коллективный мозг будет исправно работать... Эволюция шла двумя путями. Первый —

создание индивидуального организма. Вершина — человек. Второй путь — коллективный организм. Вершина здесь — наша цивилизация. Человек противоречив. Он одновременно является и носителем индивидуального интеллекта, и ячейкой интеллекта коллективного. Две эти формы разума общаются между собой много веков подряд, причем общение не всегда протекает так, как хотелось бы. Классический Контакт конфликтно-симбиозного типа. На таких моделях и обучают специалистов.

— Так они, получается, вполне подготовлены?

— Еще бы! А вот если посланцев чужой культуры встретим мы, то только напакостим.

— Ну уж, напакостим! — сказал Злотов. — Но стоп. Вдруг эти чужие тоже окажутся коллективным организмом? Или, допустим, пиратами? Не пора ли нам, товарищ Сандлер, бросать работу? Слишком опасная, по-моему.

Сандлер ничего не сказал.

— Впрочем, нет, — Злотов зевнул. — А что все-таки с ним стряслось, с Петровым?

— Одна неприятность. — Палец Сандлера вновь лег на стартер. — Можно даже сказать, несчастье. Проспал дежурство, словом.

Злотов вздрогнул. Дроммер совершил новый скачок. Звездолет, который они встречали, внезапно заглохнул собою небо.

— Шутки у тебя, товарищ Сандлер, — сказал Злотов.

Дроммер отодвинулся от звездолета. Корабль был грандиозен. Сзади он расширялся, спереди сужался, и всюду был квадратным в поперечном сечении. Он что-то напоминал.

— Стоп, — сказал Злотов. — В Африке, рядом с пляжем, есть такие же штуки. Пирамиды. Они построены страшно давно.

— Похож, — кивнул Сандлер. — Ни разу не видел такого звездолета. Впрочем, они всегда разные. Предки почему-то не любили стандарт.

— А зачем они строили пирамиды? — спросил Злотов. — Макетировали этот корабль?

— Нет. У пирамид было другое назначение.

— Какое?

— В пирамиды складывали мертвецов, — объяснил Сандлер. — Так называемые мумии.

Злотов посмотрел вперед сквозь прозрачную стенку кабины. Корабль, слегка освещенный далеким Солнцем, очень напоминал пирамиду.

— Слушай, товарищ Сандлер, а у тебя есть гарантия, что внутри этой небесной пирамиды мы не наткнемся на мумии?

— А что?

— По-моему, у этих мумий жутко страшные рожи, — сказал Злотов.

Дроммер медленно обходил звездолет-пирамиду. Корабль летел квадратной кормой вперед, тормозя. Он был велик, километра полтора в основании. Сандлер вел дроммер вдоль его плоского борта, разыскивая прозрачную часть стены — крышу смотровой палубы. Предки — люди надежные. Они замуровывали себя на десятилетия вот в такие летающие гробницы, но им обязательно нужно было глазеть на звезды. И не через какой-нибудь перископ, а чтобы была целая стеклянная стена.

Странные они были люди, противоречивые и негармоничные. Но задачу дроммеристов смотровые палубы существенно облегчают. Особенно если появляешься внутри звездолета без предупреждения. С некоторых пор это вошло в моду. «Распишитесь вот здесь, пожалуйста». Предки падают в обморок. Не очень смешно, зато традиция.

Расчет оказался правильным. Вскоре дроммер парил над прозрачным стеклом, как над озером, отража-

ясь ходовыми огнями. Предки — люди надежные, они никогда не подводят.

— Как всегда? — спросил Сандлер.

— Вопросы у тебя, — сказал Злотов, — слишком, по-моему, беспредметные.

Никем не замеченный, дроммер нырнул внутрь корабля. Палуба под прозрачной крышей была уступчатой, ступенчатой, как спортивная трибуна. Дроммер остановился на одной из ступенек. Ширина и высота у нее и у других были одинаковые, метров пять. Смотровой пояс охватывал корабль примерно посередине, поэтому длина ступеньки была с полкилометра. Вверху, за наклонным стеклом, светились звезды.

— Лучше скажи, — усмехнулся Злотов, — как ты докажешь, что этот звездолет наш.

— Во-первых, тяжесть нормальная. И посмотри на двери. Кто, кроме человека, мог бы ими пользоваться?

В стене кое-где чернели прямоугольные отверстия — два метра в высоту, в ширину вдвое меньше.

— Мало ли, — сказал Злотов. — Всякие там зайцы-кролики, гуси-лебеди и другая живность. Потом, я читал, что все разумные существа похожи на нас. Скушал?

Сандлер не стал отвечать. Пройдя дверь, они оказались в длинном коридоре-пандусе. Повторяя прямые обводы бортов, он ломаной спиралью поднимался в носовую часть корабля. Здесь царил полумрак. Вначале коридор был сплошной квадратной трубой, только в наружной стене иногда попадались выходы на внешнюю палубу. Но через два витка смотровой пояс кончился, и во внутренней стене стали встречаться двери кают. Каюты были заперты, в коридоре — ни души. Злотов остановился.

— Передохнем. Ноги не идут.

В коридоре было жарко и сухо, как в африканской пустыне. Они шли уже около часа.

Сандлер тоже остановился.

— Мне этот спорт надоел, — заявил Злотов. — У кого бы спросить, где лифт?

Он подошел к одной из кают. Прислушался. Внутри было тихо. Постучался. Никакого звука внутри.

— Как-то странно. Пусть даже у них ночь. Но где дежурная смена, вахтенные? Здоровенный звездолетщик, надо же его охранять. Где они все?

— В рубке, — сказал Сандлер.

Они опять двинулись вверх по спиральному коридору. Тусклый свет сочился неизвестно откуда. Стальной пол, пустота, сухой искусственный воздух. Грохотало эхо шагов. Звуки казались слишком громкими, лишними здесь, рождали жуткое чувство. Вероятно, акустический резонанс — серьезные причины отсутствовали.

Корабль к носу сужался, квадратные витки становились короче. Наконец коридор уперся в тупик. Рубка управления за широкой дверью представляла собой громадный пустой зал под пирамидальным прозрачным куполом. Вверху были звезды. Вдоль стен тянулись приборы неясного назначения. Далеко впереди, у пультов, стояло несколько кресел. Высокие спинки загораживали сидящих. Перед креслами на стене один над другим висели два широких экрана. Именно висели, похожие не на окна и не на телевизоры, а на кино. На экранах светились цветные изображения.

— Развлекаются, негодяи, — сказал Злотов.

Половину верхнего экрана занимала бело-голубая планета со знакомыми очертаниями континентов. Она плавала в звездном мраке. На нижнем был пейзаж — море, и зелень, и белые облака, и золотой песок пляжа.

— Хорошие фильмы смотрят, — сказал Злотов. — Истосковались в небесных угодьях.

В углу верхнего киноэкрана возник серый треугольник, повернутый к Земле основанием. От треугольника вдоль боковых сторон к планете протяну-

лись прямые белые нити. Треугольник приближался к Земле, и ее диск оказался вписанным в образовавшийся сектор.

Картинка на нижнем экране изменилась. Белые облака начали таять. Море мелело, отступая от берега. Растительность принимала цвета осени, облетала.

Верхнее изображение также стало меняться. Облачный покров исчезал, делая планету похожей на глобус. Континенты медленно увеличивались. Зеленый цвет пропадал с лика планеты.

— Фантастика какая-то дикая, — сказал Злов. — Жуть.

Пейзаж на нижнем экране теперь напоминал лунный — до реставрации атмосферы. Небо темнело, становилось фиолетовым, почти черным.

— Ладно, полюбовались, и будет, — сказал Сандлер. — Иди делай свое дело.

Обязанностью Злотова было установление контакта с экипажем и оформление согласия на буксировку. Тот самый момент, когда все падают в обморок.

— Иди сам, — заявил Злов. — У меня эта пиеса всю охоту отшибла.

— Не валяй дурака! — рассердился Сандлер. — Действуй.

Злов не двигался с места.

— Ладно, пошли вместе, — сказал Сандлер.

Они пересекли зал. Злов достал из кармана комбинезона заранее заполненный бланк и сунул его в руку Сандлера. Сандлер укоризненно покачал головой, взял бланк и подошел к одному из кресел.

В кресле у пульта управления сидел человеческий скелет.

В других креслах тоже сидели скелеты. Они сидели как люди, в свободных позах.

Сандлер попятился.

Скелет шевельнул черепом, уставив на него пустые глазницы. Поднял костлявую руку.

Сандлер повернулся к Злотову.

Его удержали за руку чьи-то мягкие пальцы.

Скелет стоял рядом с высоким креслом и держал Сандлера за руку. Его кисть представляла собой кость, но на пальцах было пять золотых колец, по кольцу на каждый палец, и ниже колец пальцы были человеческие — плоть и кожа, и даже ногти. И даже грязь под ногтями. Этой жуткой полуперчаткой скелет сжимал руку Сандлера.

Так продолжалось секунду. Потом скелет брезгливо, скрипнув плечом, отдернул руку. Другой рукой он снял с нее кольца — все пять, одно за другим. Было ощущение, что вместе с кольцами он сдирает кожу и мясо. И то и другое исчезло с пальцев, остались обнаженные фаланги. Скелет подбросил кольца на ладони — они сверкнули зловещим блеском — и снова вцепился в руку Сандлера.

Дальнейшее Сандлер воспринимал смутно, урывками. Оттуда-то появились еще несколько таких же скелетов. Не только из кресел с высокими спинками — их было гораздо больше. Все суставы у них были каким-то образом скреплены, и кости свободно поворачивались в сочленениях, хотя непонятно, какие силы приводили их в движение. Казалось, скелеты смеются неподвижным оскалом ртов.

Потом наступил провал в памяти, после которого Сандлера куда-то несли, вниз по полутемному спиральному коридору-пандусу. Кругом раздавались скрип и шуршанье, будто ветер гулял по мертвому лесу.

Потом Сандлера бросили в темноту, он больно ударился о металлический пол и некоторое время лежал неподвижно. Звуки угасли. Потом в темноте неподалеку от себя Сандлер услышал чье-то дыхание.

— Это ты? — спросил он у скрытого в темноте. В ответ послышался голос Злотова:

— Влипли мы с тобой, товарищ Сандлер.

Было слышно, как он ворочается, шурша одеждой. Сандлер встал на ноги. Болело колено.

— Ты жив?

Злотов не ответил. Сандлер слышал, как он ворочается на полу в темноте.

— Включи свет, — попросил погодя Злотов.

Сандлер медленно пошел по гладкому полу. Мрак был абсолютный, ни кванта. Его вытянутые пальцы ударились в стену. Он нащупал дверь. Стена около двери была холодная, металлическая. Никакого выключателя не было. Свет загорелся внезапно.

Они находились в кубической камере — метров семь по диагонали. Она казалась вырубленной в стальном монолите. Посередине камеры на полу сидел Злотов, держась рукой за грудь.

— Покалечили, негодяи, — сообщил он. — Но я тоже кого-то из них обидел. Они, как выяснилось, хилые, просто их слишком много.

— Не говори об этом, — сказал Сандлер. — Этого не было.

— Ну уж не было! — сказал Злотов. — Что будем делать, начальник?

— Не знаю.

— И я не знаю. Стоп, а что это здесь на полу?

Злотов держал в руке золотое кольцо. Точно такое, как на пальцах скелета.

Сандлер ощутил резкий приступ тошноты.

— Выбрось немедленно эту гадость!..

— Зачем? — Злотов подбросил кольцо на ладони. Оно сверкнуло зловещим блеском. — По-моему, пригодится.

Сандлер отвернулся.

— Ты знаешь, оно волшебное, — сказал Злотов за его спиной. — Да посмотри, не укусит.

Сандлер через силу повернул голову. Злотов ткнул ему в нос правую пятерню. Золотое кольцо было наде-то на безымянный палец Злотова.

Но безымянного пальца на правой руке Злотова не было. Ниже кольца торчала голая кость.

В глазах Сандлера все поплыло.

— Не бойся. —левой рукой Злотов стянул с пальца кольцо. Палец стал самым обыкновенным.

— Так это иллюзия?

— Отнюдь, — гордо сказал Злотов. Он надел кольцо на другой палец. — На, пощупай!..

Он протянул палец Сандлеру. Сандлер, преодолев отвращение, потрогал палец Злотова. Это была настоящая сухая кость.

— Ну что ты все время дергаешься? — сказал Злотов. — Почему ты трясешься? До сих пор не понял, что происходит?

— Нет.

— Происходит обычная вещь, — объяснил Злотов. — Мы с тобой, как всегда, встречаем звездолет, запущенный с Земли во время оно. В своих скитаниях этот звездолет наткнулся на чужую цивилизацию, возможно даже, что вымершую. Среди прочих памятников культуры они раскопали эти кольца. Надеваешь кольцо на палец — палец превращается в кость. Снимаешь кольцо — снова становится нормальным.

Сандлер молчал. Утопия.

— Кроме этих, они нашли кольца побольше, — воодушевленно продолжал Злотов. — Кольца типа браслетов. Наденешь браслет на руку — рука превращается в кость. Снимешь — все возвращается на свои круги. Наконец, они нашли там совсем большое кольцо, с гимнастический обруч. Пролез сквозь кольцо — превратился в скелет. Еще раз пролез — опять стал человеком. Соображаешь? Ты умный, согласишься, что логика в этом есть.

— Ничего себе логика! — не выдержал Сандлер. — Почему же человек двигается, не умирает, если он уже и не человек, а скелет?

— Ну, не знаю, — сказал Злотов. — Эти вымершие цивилизации были ужасно мудрые, оттого и вымерли. Посмотри, — Злотов согнул окольцованный палец. — Мяса нет, кожи нет — а шевелится, как настоящий.

Минуту Сандлер молчал. Его мутило.

— Продолжай, — сказал он, когда Злотов спрятал кольцо в карман. — Выкладывай дальше свою гипотезу.

— Дальше — проще. Предки нагружают свой звездолетище этими вещами и едут домой, на Землю. Некоторое время они летят в одиночестве и уже приближаются к финишу. Тут появляемся мы и хотим немного развлечься. В отместку предки тоже решают развлечься и устраивают маскарад. Вот и все. Не пугайся, когда нам дадут ломоть хлеба с солью. Было у этих предков такое любимое блюдо.

Он замолчал.

— Послушай, а тебе никогда не приходило в голову, что вода — это зло? — спросил вдруг Сандлер.

— Вода? — Злотов провел языком по сухим губам. — А почему это ты задаешь такие вопросы?

— Сам не знаю, — смущенно сказал Сандлер. — Вдруг пришла ко мне такая мысль.

— Ну и напрасно! — сказал Злотов. — Следи за своими мыслями. Посчитай до миллиона в крайнем случае. Вода — зло! Надо же такое придумать!

Они опять замолчали. Внезапно стена, противоположная выходу, исчезла — вернее, превратилась в прозрачное стекло, или скорее телеэкран. В воздухе загремели звуки — музыка наподобие военного марша. Было в этом что-то лживое, неживое. Не исключено, что музыка и появившееся одновременно изображение существовали только внутри, в глубинах сознания.

На стене-экране бешено играли краски. Вдруг музыка изменилась, остались одни барабаны, поверх пляски цветов по стене побежали крупные русские буквы:

ЗЛО. ЗЛО. ЗЛО. ВОДА. ВОДА. ВОДА. ЗЛО. ЗЛО. ЗЛО.

И снова:

ЗЛО. ЗЛО. ЗЛО. ВОДА. ВОДА. ВОДА. ЗЛО. ЗЛО. ЗЛО.

— У тебя появились единомышленники, — сказал Злотов.

Слова наполняли стену под глухой барабанный бой. Барабаны сухо стучали, будто отбивали морзянку.

ЗЛО. ЗЛО. ЗЛО. ВОДА. ВОДА. ВОДА. ЗЛО. ЗЛО. ЗЛО.

Потом стена заполнилась, эти слова исчезли, барабаны умолкли, музыка стала прежней, дикой, и по стене побежали новые надписи:

ВОДА — ЭТО ЯД. ВОДА — ЭТО СМЕРТЬ. ВОДА — ЭТО ОТКЛОНЕНИЕ ОТ НОРМЫ. ВОДА, ПОПАВШАЯ В ОРГАНИЗМ, ГНИЕТ. ОРГАНИЗМ, ЗАРАЖЕННЫЙ ВОДОЙ, ГИБНЕТ. ВОДА — ЭТО ЯД. МОЗГ — ЭТО ВОДЯНОЙ НАРЫВ. ПЛОТЬ — ЭТО ГНИЮЩАЯ СЛИЗЬ. МОЗГ, ЗАРАЖЕННЫЙ ВОДОЙ, РОЖДАЕТ БЕСПЛОДНЫЕ МЫСЛИ. БЕСПЛОДНЫЕ МЫСЛИ МЕШАЮТ ПРИНЯТЬ МУДРОСТЬ ВСЕЛЕННОЙ. НАША ВЫСШАЯ ЦЕЛЬ — СВОБОДНОЕ СЛИЯНИЕ ОРГАНИЗМОВ В РАЗУМЕ МИРА.

Текст кончился. И вновь — бесконечная морзянка:

ЗЛО. ЗЛО. ЗЛО. ВОДА. ВОДА. ВОДА. ЗЛО. ЗЛО. ЗЛО.

ЗЛО. ЗЛО. ЗЛО. ВОДА. ВОДА. ВОДА. ЗЛО. ЗЛО. ЗЛО.

Потом на стене снова играли краски, и в воздухе грохотал марш. Внезапно все исчезло, на стене-экране возникло изображение — лунный пейзаж до реставра-

ции атмосферы. Сверху загорелась надпись на английском языке:

ХРОНИКА. ШЕСТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗВЕЗДНАЯ МИССИЯ. 2053.

На лунной равнине лежал металлический шар. Неподалеку стояло человек двадцать в скафандрах. От группы отделились пятеро, подошли к шару, приветственно подняли руки.

Другая телекамера уже изнутри показывала, как они один за другим поднимаются в шлюз, снимают шлемы. Пять молодых лиц, чем-то похожих.

Еще одна камера демонстрировала это откуда-то сверху. От изрытой кратерами поверхности Луны отделилась блестящая точка. Она росла, превращаясь все в тот же шар. А сбоку в поле зрения входил вытянутый цилиндр с распахнутым раструбом фотонного отражателя.

Шар приближался к цилиндру. На Луне шар казался большим, но теперь стало видно, что он очень мал. Шар был как вишенка рядом с фужером. Он мягко пришвартовался к торцу цилиндра. Над изображением вспыхнула латинская надпись: **СТАРТ.**

Раструб отражателя наполнился фиолетовым светом. По периметру зеркала побежали молнии. Звездолет дрогнул и пошел поперек экрана, разворачиваясь кормой к камере, превращаясь в ослепительный уменьшающийся круг. Потом он стал яркой звездой среди мрака.

— Красиво, — сказал Злотов.

Сандлер молчал. Он думал о другом. Вода — это зло. Бесспорно, здесь что-то есть.

Изображение на экране вновь изменилось. Тесная рубка управления. Те же пятеро у приборов. Загорелые лица — такие же молодые, но заросшие бородами, еще более одинаковые.

Они смотрели вперед.

Во мраке на фоне звезд шевельнулась светящаяся точка. Она увеличивалась, приобретала размеры. Это был звездолет-пирамида.

От основания пирамиды, вспыхнув зловещим блеском, отделился широкий обруч. Он приближался, стремительно увеличиваясь. Он был как лассо, брошенное навстречу земному звездолету. Еще миг — и на экраны набежала тень. Звездолет прошел сквозь кольцо.

В тесной рубке перед приборами сидели пять скелетов.

Изображение исчезло. На стене-экране появились слова:

НАША ВЫСШАЯ ЦЕЛЬ — СВОБОДНОЕ СЛИЯНИЕ ОРГАНИЗМОВ В РАЗУМЕ МИРА.

Стена вновь стала металлической, неотличимой от остальных.

— Гады, — сказал Злотов.

На его лице играли желваки.

— Вода — это зло, — вяло проговорил Сандлер. — Мы больны водой.

— Это они больны водобоязнью, — сказал Злотов. Он внимательно посмотрел в глаза Сандлера. — Что это с тобой?

— Не знаю, — вяло сказал Сандлер. — Вода — это зло.

— Ты мне это брось! — Злотов взял Сандлера за воротник, сильно встряхнул. Его лицо покачивалось перед глазами Сандлера. Заполненное водой, отравленное, некрасивое.

— Вода — это зло, — вяло повторил Сандлер.

Его щеку ожег удар. Вторую. Вода под кожей гнила, цвела красным.

Он лежал на полу. Пол был прохладный, зеркальный, как озеро в тихую погоду. По озеру взад-вперед ходили ноги Злотова. В мозгу стучали барабаны.

Потом был провал в памяти.

Потом Сандлера куда-то несли на широкой, заполненной водой спине. «Под Арку Мудрости!» — кричали беззвучные голоса. Потом он лежал в полутьме, и до него доносился шум борьбы. Потом была полная темнота. Потом стало светло.

— Пить, — сказал Сандлер.

Он лежал на полу. Во рту было сухо. Он приподнял голову.

Злотов стоял перед ним на корточках. Тоже стальная камера, но другая, поменьше. Какая-нибудь каюта.

— Воды у меня нет, — сказал Злотов. Его лицо было исцарапано, комбинезон кое-где порван. — Потерпи. Боюсь, она тебе уже не понадобится.

— Где они сейчас?

— Они нас ищут. Скоро найдут.

— Где мы?

— Здесь. После того, как ты отключился, они пичкали меня своей гипноагитацией еще часа три. Теперь я образованный человек. Они — это Разум Мира.

— Что это такое?

— Понятия не имею. Мы выясним это вместе. Когда нас обнаружат.

— Что ты знаешь? — спросил Сандлер.

— Все остальное. Они — это Разум Мира. Их цель — Земля. Помнишь фильм в рубке? Так оно все и будет. В результате Разум Мира значительно увеличится.

— Но кто они?

— Бывшие разумные существа. Люди из самых разных миров. Насколько я понял, Земля — не первая жертва.

— Но как же они живут без мозга и всего остального?

— Оказывается, это лишнее. Главное — череп, все остальное вода. Мозг — это нарыв, мешающий думать. Мышцы — это слизь, мешающая движениям. Вода —

самое большое зло во вселенной. Она рождает бесплодные мысли и отклонения от нормы.

— Как мы сюда попали?

— Они открыли нашу тюрьму, чтобы вести нас под Арку Мудрости — сооружение вроде этих колец. Почему-то они рассчитывали, что мы добровольно под нее полезем. Правда, я им подыграл. Я честно заявил, что вода — это зло. Ты бормотал что-то подобное. Они выстроились в эскорт и повели нас по коридору. Потом я кого-то куда-то ткнул, подхватил тебя и кинулся к дроммеру.

— Бежать?

— Какой смысл? Я хотел вывести пирамиду на финиш.

— Куда?

— Куда заслужила, — сухо сказал Злотов. — Я хотел финишировать в Солнце. Извини, ты был невменяем.

Сандлер сел на полу.

— Но из этого ничего не вышло.

— Да. Они закупорили выходы на смотровую палубу. Но одна из кают по соседству была не заперта. Тихо!

Злотов осторожно приблизился к двери, приложил ухо к металлу. Сандлер тоже все слышал. Негромкое шуршание, скрип. Звук приближающихся.

«Под Арку Мудрости!» — кричали беззвучные голоса.

Злотов отошел от двери. Сандлер встал.

— Все, — сказал Злотов. — Через минуту они ворвутся сюда. Соппротивление безнадежно. Их слишком много. Но ладно. Хоть узнаем, что это такое — Мудрость вселенной. Прощай.

Дверь распахнулась.

Каюта сразу заполнилась. Ямы глазниц, длинные пальцы, застывший оскал ртов.

Шуршащий поток вынес людей в коридор. Они опять поднимались по пандусу. Шествие в полумраке напоминало колонну гигантских белых муравьев или других членистоногих. Монотонный скрип, стук. Голые черепа впереди. Пустые грудные клетки. Тонкие ноги, в такт ступающие по гладкому полу.

Незанятого пространства в коридоре не оставалось. Их были сотни.

Бежать было некуда.

Шествие свернуло в боковой переход. Коридор расширялся, в его конце зловещим блеском светилась золотая дуга, полукольцо в рост человека.

Арка Мудрости.

Толпа растекалась, окружив арку плотной стеной. Она напирала, толкая людей в золотые ворота.

Черные ямы глазниц, иступленные пальцы, полосы ребер.

«Под Арку Мудрости!»

Толпа напирала.

Зловещее сияние арки. Шуршание, скрежет, скрип. Во рту было сухо.

Что-то твердое, острое тыкалось в спину. Толпа напирала. Соппротивление было бессмысленно.

«Вы сделаете это добровольно, — вещал беззвучный голос где-то внутри. — Вы сделаете это сознательно, преисполнившись необходимостью этого. Наша высшая цель — свободное слияние организмов в Разуме Мира».

Нажим усиливался.

Арка сияла.

— Нет, гады!.. — прохрипел рядом Злотов. Он вцепился в ребра двух или трех скелетов. Они упирались, но их легкие ноги беспомощно скребли по гладкому полу.

Но борьба ни к чему не вела. Врагов было слишком много.

Остался последний шаг.

— Делай, как я! — вдруг заорал Злотов.

Увлекая за собою скелеты, он прыгнул под Арку Мудрости.

Не размышляя, Сандлер крепко схватил за руки два других скелета и шагнул за товарищем.

Вся скверна разом вышла из его тела. Оно полностью освободилось от яда. Ядом была вода, наполнявшая тела мокриц, слизняков и многих других существ. Вода накапливалась в их плоти и черепках, и загнивала, рождая отклонения от стандарта и бесплодные мысли, мешающие познать Мудрость вселенной.

Но в нем уже не осталось этой заразы, он избавился от нее навсегда. Он был стандартным, абсолютно нормальным двуногим манипулятором и двоичной ячейкой Разума Мира — колоссального коллективного интеллекта, рассеянного по всему бесконечному космосу.

Вернее, элементарной ячейкой Разума Мира была круглая полость в его голове, образовавшаяся там, где раньше сидел водяной нарыв, рождавший бесплодные мысли. Ячейка могла принимать одно из двух состояний, соответствующих плюсу и минусу, нулю и единице двоичного кода. Единицей была пустота. Нулем был вакуум.

Этого было достаточно для бесперебойного и плодотворного функционирования Разума Мира, составленного из миллиардов таких же ячеек.

Круглая, обтекаемая пустота была целью и смыслом всего. Она была символом Высшего Идеала.

Сандлер познал Мудрость вселенной.

Но что-то ему мешало.

Мешали два отвратительных слизняка, отравленных гниющей водой. Безобразные двуногие существа, мягкие и студенистые. Он почему-то держал их за толстые, как пожарные шланги, руки, и они держали за руки его. Они вносили хаос и дисгармонию в совер-

шенный мир пустоты. В их черепахах скрывались водяные нарывы; рождавшие бесплодные мысли.

Но слизняки были тяжелее, чем он. Они были массивнее. Они были сильнее.

К счастью, их было мало. Стена двуногих ячеек Разума Мира подталкивала слизняков — этих и еще двух других — к сверкающей золотой дуге.

«Под Арку Мудрости!» — звала пустота.

Но слизняки были сильнее. Они были тяжелые и массивные. Их водяные нарывы вырабатывали сотни хаотических импульсов, и вдруг, когда там зародилась очередная бесплодная мысль, каждый из четырех слизняков каждой из двух своих безобразных рук схватил за руку по одной двуногой ячейке Разума Мира.

Всего восемь ячеек. В том числе двуногий манипулятор, который когда-то был человеком по имени Сандлер.

К счастью, слизнякам недолго осталось быть слизняками. Монолитная стена ячеек Разума Мира толкнула их в Арку Мудрости. Но они увлекли за собой тех, кого успели схватить.

Сандлер снова стал человеком. Он чувствовал плечо Злотова. Рядом стояли еще шесть человек — люди других миров. Стена черных глазниц и оскаленных ртов надвигалась, толкала их к арке, чтобы они стали такими же, как другие.

Но они уже знали, что делать.

Схватив еще два скелета, Сандлер снова шагнул под арку.

И вновь познал Мудрость вселенной.

И ее опять у него отобрали.

Так повторилось много раз.

Геометрическая прогрессия была беспощадной. Стена скелетов редела. Их уже подтаскивали по одному — они упирались, смешно размахивали конечностями — и швыряли под арку. Из-под нее выходили люди. Люди Земли и многих других миров.

Атмосфера пела. Небо светлело, синело. Туман уносился ввысь, застывая там облаками. Корабль-пирамида снижался, падал навстречу своему отражению.

Внизу был океан — вода до самого горизонта.

ЧЕРНЫЙ ШАР

1

— Я хотел уточнить, — сказал диспетчер, не глядя на Васина. — Если вы летите на Землю, звездолет не понадобится.

— Логично. Но мне он необходим. Значит, я лечу не на Землю. Логично?

На затылке Васин ощущал дыхание Замойского. Рассуждать легко. Труднее общаться с администрацией.

— Так. И у вас есть документ?

Васин протянул удостоверение. Лицо диспетчера изменилось. Не привык к профессионалам: работает недавно. Или знает фамилию. Прошло ведь всего десять лет.

— Извините. Будьте добры...

Диспетчер дал Васину бланк. Васин заполнял пропуски. Командир — Васин В. С. Штурман — Замойский Н. А. Цель...

Васин подписался и вернул бланк. Диспетчер разорвал лист на два и дал ему экземпляр. И номерной жетон.

— Счастливо.

Васин поблагодарил и пошел к выходу. Замойский

на ходу пытался заглянуть ему в глаза. Не верил, что путь открыт.

— Теперь куда?

— На старт. Сами же хотели сегодня.

— Неужели все? Так быстро?

Они стояли на краю бетонного поля. Пикап на воздушной подушке остановился рядом, взметнув пыль.

— Куда?

Васин предъявил жетон. Они влезли в кузов. Пикап подпрыгнул и понесся на стартовую позицию. В лицо бил ветер. Вскоре пикап достиг группы разведчиков.

— Ваш крайний.

В корабле, прежде чем занять свое место, Васин осмотрел рубку. Неприятно, когда при включении гравитационера на тебя обрушивается, допустим, кофейник. Замойский сидел тихо, прикрыв глаза, не подавая виду, что боится.

Васин опустил в кресло. Странная штука судьба. Сейчас у них общие интересы, они вроде бы товарищи, а вчера Васин не подозревал о существовании Замойского.

2

Они познакомились утром. Как принято на Элио-не, Васин завтракал на лоне природы, вдали от цивилизации. Кафе-автомат отовсюду окружали непроходимые джунгли. Казалось невероятным, что могучим деревьям всего несколько лет. Леса тянулись на сотни километров, и добраться сюда можно только по воздуху.

Замойский появился именно так.

Через минуту после представления они уже вместе пили кофе, болтая о всякой всячине. Но что-то в разговоре не клеилось, и Васин быстро понял причину этого.

— Вы искали меня специально, — сказал он. — Неразумно это скрывать. Вы журналист?

— Нет, я биолог, — помолчав, сказал Замойский. — Собственно, меня интересуют Черные Шары.

Последовала пауза. Замойский, очевидно, считал, что сказал достаточно. Васин тоже молчал. Получилось, что его застали врасплох. Хотя о чем говорить с бывшим разведчиком? Ясно, о Черных Шарах.

— Вы наверняка читали книги, — сказал он наконец. — По-моему, там написано все.

— Да, я изучал. Знаю действительно много. — Замойский усмехнулся. — Например, знаю, что Черный Шар — редкость. Тем не менее есть планеты, где их находят в колоссальных количествах. Вскоре после их открытия происходит метаморфоза — Черные Шары исчезают, взамен появляется атмосфера. Это очень удобно. Разведчики ищут планеты, удобные для заселения, но оказывается, все равно, что искать — кислород или Черные Шары.

— Верно, — кивнул Васин.

— Но это не все, — сказал Замойский. — Черные Шары сильно снижают отражательную способность планеты. Они так и называются — «черные планеты». Их очень мало. Чтобы найти черную планету, разведчик идет на хитрость. У него в корабле, в специальной лунке на пульте управления, есть Черный Шар; и этот Шар каким-то образом приводит его к нужной планете. Возможно, «чувствует» ее через гиперпространство и влияет на гиперпереход.

— Вы считаете, это недопустимо?

— Других предположений в отчетах разведчиков я не нашел. Малочисленные работы ученых, которым выпало исследовать Шары в лаборатории, посвящены другому: попыткам разрушить или хотя бы деформировать Шар. Чего только с ними не вытворяли: их и долбили, и сжимали под прессом, и облучали... Напрасно. Вывод: Черный Шар представляет собой осо-

бое состояние материи, не поддающееся известным воздействиям. Здорово, правда?

— А что?

— Ничего, — сказал Замойский. — Но есть люди — и таких большинство — считающие, что Черный Шар — это если не мистификация, то массовая галлюцинация. Они рассуждают еще логичнее. Ах, Черный Шар неуязвим? Хорошо. Выводит вас на скопление других? Превосходно. Но покажите нам их. Где они теперь, ваши Черные Шары? Ах, превратились в воздух? Великолепно. Не пора ли вам обратиться к хорошему психиатру?..

— Вы действительно знаете все, — помолчав, сказал Васин. — Вряд ли вы услышите от меня что-нибудь новое.

— Почему же? — поморщился Замойский. — Ведь вы очевидец. В опубликованных отчетах слишком многое оставляют в подтексте.

— Естественно, — кивнул Васин. — Но зачем вам знать то, что не попало в отчеты?

— У меня есть гипотеза, — объяснил Замойский. — Она многое объясняет, но должны быть эффекты, до которых нелегко докопаться. Возьмем метаморфозу. Разведчики пишут скромно: сначала Шаров было много, потом их не осталось. Но их должно быть очень много, раз они изменяли характеристики планеты!

— Да, — кивнул Васин. — На нулевой фазе Черные Шары покрывают планету сплошь. Оценить мощность слоя легко. При метаморфозе Черные Шары превращаются в воздух. Столб воздуха единичного сечения на планете типа Земли или Элиона весит около килограмма. Если учесть, что плотность Черного Шара примерно двадцать, толщина слоя должна составлять порядка метра. Фактически так и есть.

— И потом все они исчезают?

— Да. Иногда трудно найти один-единственный Шар.

— Кстати, этот последний Шар, — сказал Замойский. — В отчетах о нем говорится, как о чем-то совершенно естественном. «Я оставался на планете еще неделю. Меня задержали поиски Черного Шара». Собственно, зачем он?

— Как это зачем? — не понял Васин. — Чтобы искать следующую планету.

— Позвольте, но у вас уже есть один Шар. Тот, с которым вы прилетели.

— Нет. — Васин усмехнулся. — Когда я нахожу черную планету, я его там оставляю.

— Почему?

— Он уже не нужен. Он свое дело сделал.

— Разве Шар может привести только к одной планете?

— Да. После этого Шар теряет силу.

— Почему?

— Никто этого не знает. Но это так.

— Понятно, — сказал Замойский. — Шар выводит вас к черной планете. Вы высаживаетесь, выбрасываете свой Шар, потерявший силу, и дожидаетесь метаморфозы. Когда Шары исчезают, вы начинаете искать, через неделю находите новый Шар и улетаете с ним на розыски новой планеты. Так, что ли? Не особенно логично.

— Никто не дожидается метаморфозы на планете, — объяснил Васин. — Неизвестно, сколько придется ждать. Открыв черную планету, разведчик улетает и возвращается месяцев через шесть-восемь, после появления атмосферы.

— Но оставляет Шар на планете?

— Да.

— А что случится, если он его не оставит?

— Ничего, — сказал Васин. — Атмосфера не появится.

— Даже так?

— Да, — кивнул Васин. — Это проверяли. Можно ждать несколько лет подряд, но, пока Шар в корабле, метаморфоза не происходит.

Они помолчали.

— Так, — сказал потом Замойский. — Но почему разведчик, оставив Шар, не забирает другой сразу же?

— Шар нельзя оторвать от слоя, — объяснил Васин. — Черные Шары очень сильно притягиваются.

— Сколько это на цифрах?

— Цифр нет. Никому не удавалось оторвать Шар. Ни руками, ни манипулятором.

— А в лаборатории?

— Я знаю только один случай, когда в руки ученых попало сразу два, — сказал Васин. — Разведчик очень дорожит Шаром и неохотно отдает его хотя бы на время. Ведь если Шар пропадет, новый взять нигде.

— Ага, — сказал Замойский. — Чтобы добыть Шар, нужна черная планета. А чтобы ее найти, необходим Шар. Кстати, где вы взяли тот, с которым работали?

— Получил от одного старого разведчика, — сказал Васин. — Он перестал летать и отдал Шар мне. Так всегда делают. Передают, как эстафетную палочку.

— Ясно. Вернемся к тем двум, о которых вы начали рассказывать.

— Собственно, рассказывать нечего. Двух разведчиков уговорили передать Шары в одну организацию. Предполагалось измерить силу притяжения. Шары начали растаскивать, а они — хлоп! — и слились. И один из разведчиков остался с пустыми руками. Теперь никто на такой опыт не согласится.

— Понятно, — сказал Замойский. — Вероятно, разведчик, открыв черную планету и оставив там свой Шар, даже никому ничего не сообщает?

— Естественно. Он рискует остаться ни с чем. Ведь Шаров гораздо меньше, чем разведчиков.

— А не бывает так, чтобы с планеты удалось вывезти не один Шар, а больше? — спросил Замойский.

— Нет, — сказал Васин. — Но не думайте, что после метаморфозы на планете сразу же остается один Шар. Обычно их бывает довольно много. Но в итоге всегда остается один.

— Почему?

— По разным причинам, — сказал Васин. — В конце концов Шары всегда соединяются в один. Рассказывают невероятные истории. Однажды два друга-разведчика прилетели за Шарами вдвоем, на двух кораблях. Каждый взял по Шару. Обоим очень долго не везло, и их уговорили передать Шары для исследования. Чем кончилось дело, вы знаете.

— А в других ситуациях?

— Рассказывают разное. — Васин помолчал. — Я ведь однажды тоже сделал такую попытку. На моей последней планете.

— Здесь, на Элионе, — сказал Замойский.

Васин кивнул.

— Да. Когда я приземлился, Черные Шары покрывали Элион сплошь. Я оставил свой Шар и улетел, чтобы вернуться. Через полгода планета стала такой, как сейчас. Я обнаружил Шары с орбиты, целое месторождение. Там я и приземлился. В Шарах нуждались многие, и я решил увезти с собой не один, а сколько смогу. Но ничего не вышло.

— Почему?

— Я прилетел вечером и посадил машину на прогалинку в толстом слое Черных Шаров. Утром за бортом не было ни одного Черного Шара.

— Ни одного? Разве это возможно?

— Нет, конечно. Но их остались единицы. Весь

день я искал их, как ищут грибы. После старта начались неожиданности.

— Шары стали исчезать, — сказал Замойский. Васин кивнул.

— Да. Все происходило, как в опыте, о котором я говорил. Я догадался не сразу. Шары — их было сто с чем-то — спокойно лежали в багажнике. Даже когда прибор отметил повышение давления, я не придавал этому значения. Но вскоре мне показалось, что Шаров стало меньше. Я посчитал: их было 78. Назавтра их стало еще меньше. Я допустил ошибку: свалил Шары в кучу, и они слиплись. Вновь разорвать их мне не удалось. Оставалось наблюдать, как они превращаются в воздух. Соседние Шары сливались, как бы вкладываясь один в другой. Раздавался хлопок, и прибор фиксировал рост давления.

— И вскоре у вас остался один-единственный Шар.

— Да. Конечно, глупо было помещать Шары вместе. Но я не уверен, что было бы лучше, если бы я поступил по-другому.

— Я тоже, — сказал Замойский. — А теперь признайтесь: что вы сделали с оставшимся у вас Шаром?

3

— Пятнадцатый! — грохотал голос. — Уснули? Старт!

— Слышу, слышу, — пробормотал Васин.

Их бросило в небо. С орбиты Элион выглядел как Земля.

Васин потянулся к прицелу.

— Что вы делаете?

— Сообщаю машине адрес цели. — Васин положил руку на стартовый рычаг. — Внимание.

Как всегда перед переходом, у него заломило су-

ставы. Немота разливалась по телу, ртутная тяжесть, смерть. Каково Замойскому?..

Васин ощутил головокружение и тошноту. Потом его вырвало из пространства и времени.

4

Утром Васин не знал, что скоро уйдет в рейс. Да и Замойский вроде не торопился. Сколько они сидели вдвоем? Час, максимум полтора. Но как все изменилось! Странная штука судьба.

Васин сказал:

— Я перенес Шар в рубку. Мне осталось ввести в прицел координаты Солнца и нажать стартер. Этим вы даете машине две команды. Первая — уйти в гиперпространство. Вторая — вернуться оттуда. Если координаты не заданы, корабль появляется там, где ему вздумается. Это свободный поиск, и именно в момент такого случайного перехода Шар, как предполагают некоторые, реагирует на черную планету. Но я-то искать не собирался. Мне хотелось отдохнуть на Земле. Я смотрел на свой Шар; описать это трудно. Если долго смотреть, его поверхность начинает как бы струиться, по ней змеятся причудливые линии. Некоторые верят, что Шар может приказывать. Внезапно мне раскотелось на Землю. Рука сама потянулась к стартеру. Я снова ушел в свободный поиск, хотя не собирался этого делать.

Васин помолчал.

— Такие происшествия заставляют задуматься, как все-таки совершаются поступки. Не знаю: мы ли составляем из событий осмысленные последовательности или события заставляют нас делать себя? Казалось бы, причина должна вызывать много следствий. В действительности наоборот: в каждом поступке складывается масса причин. Если прикинуть, сколько случайностей были истоками того или иного момента...

— Вы философ. Верите в случайности?
— Нет, я верю в судьбу. А вы?
— Да, — сказал Замойский. — Но продолжайте.
— Когда я очнулся, рубку заливал свет яркой звезды. Приборы показывали, что корабль падает. Я посмотрел туда, где располагалось угрожавшее мне небесное тело. Но не увидел даже звезд. За бортом находилось нечто, не пропускавшее и не отражавшее света.

— Черная планета?

— Да. Вскоре я неожиданно для себя включил автоматы посадки.

— Что значит «неожиданно»?

— Меня что-то толкнуло. Я долго выбирал место приземления и сел там, где мне почему-то понравилось. Посадив машину на слой Черных Шаров, я натянул скафандр, снял Шар с пульта, спустился в шлюз, открыл люк. Шар вырвало из моих рук — притяжением других Шаров, сплошь покрывавших все. Потом я вернулся в рубку и стартовал.

— Вы делали это бессознательно?

— Нет. Скорее инстинктивно. И меня не покидала уверенность, что все это правильно. Даже сейчас, вспоминая об этом, я в этом убежден. Да. Все, что я делал, было правильно. Вот, собственно, и конец моей истории. Больше мне нечего сказать.

— Разве вы туда не вернулись?

— Нет. Я никогда не вернусь.

— Почему?

— Я не хочу возвращаться, — сказал Васин. — Вы будете возражать. Но мы получаем планеты не даром. Мы платим за все.

— Чем платим? — спросил Замойский.

Васин смотрел на деревья. Мы платим за эти леса. Платим за каждую ветку, за каждый лист.

Его взгляд переместился на небо. За это тоже, думал он. Мы платим за небо, за его синеву. За чистоту его облаков. Платим за воздух, которым дышим.

Васин увидел свою руку на столе рядом с чашкой из-под кофе. Пальцы дрожали. И за это, подумал он. Он сказал:

— Мы платим своей свободой. Не знаю, что внутри Черного Шара заставляет меня делать то, чего я не хочу, и вдобавок чувствовать, что я поступаю правильно. Все равно. С меня довольно. Никакая сила меня не заставит. Никто, вы понимаете?..

— Почему вы нервничаете? Пока я ни о чем не прошу.

— Я ничего не предлагаю, — сказал Васин. — Я никогда не сяду на эту планету, будь она проклята. Конечно, когда-нибудь я слетаю туда. Просто чтобы издали взглянуть, как дела. Но, уверяю вас, это произойдет не скоро. Отнюдь не в будущем году и даже не через месяц. И ни в коем случае не завтра...

— Может, сегодня? — предложил Замойский. — Какая разница, раз вы все равно собираетесь?

Через два часа они разговаривали с диспетчером.

5

Жизнь возвращалась постепенно. Рубка вращалась. Когда она остановилась, Васин повернул голову.

Замойский лежал не двигаясь. Васин отстегнулся и включил гравационер. Замойский открыл глаза.

— Неужели... всегда... так?..

Васин поднял шторы. В иллюминаторе, ослабленное фильтром, висело крупное солнце. Из анализатора ползла лента.

— Видите цифры? Экспресс-информация: класс звезды, параметры планет... Наша вторая. Смотрите сюда.

Стекланный прямоугольник почернел, наполнился звездами.

— Учтите: черная планета не отражает, — предупредил Васин. — В лучшем случае вы увидите темное пятно на фоне звезд.

Экран ожил. Звезды плыли в черноте неба. Потом в экран въехал белый полумесяц и остановился.

— Это и есть черная планета? Я думал о них по-другому.

Серп увеличился, заполнил экран. Васин смотрел на него, не веря глазам. В экране осталось сплошное серое поле.

— Облака, — сказал Васин.

Пелена сползла с половины экрана, обнажив паутину трещин. Видны были отдельные камни, подчеркнутые тенями.

— Неужели я ошибся? — сказал Васин. — Впрочем, убедиться легко. Мы сядем и посмотрим.

Замойский обрадованно кивнул. Васин усмехнулся его радости. Сам он уже верил, что это другая планета. Сесть на ту он никогда бы не согласился. Никогда в жизни.

6

— Посмотрите на анализатор, — сказал Васин перед выходом. — Сплошной кислород. И температура нормальная.

В шлюз ворвались солнце и ветер. И панорама: булыжники, воронки, трещины. Облака и синее небо.

— Что это? — громко спросил Замойский. Он spryгнул на землю и побежал. Остановился, поднял что-то с земли. Повернулся к Васину. В руках у него было что-то черное, круглое.

Черный Шар.

Васин посмотрел в другую сторону. С невысокой скалы сползала осыпь камней. Среди щебенки выпячивалось что-то черное, круглое, похожее на атлетическое ядро.

— Смотрите, здесь их много! — крикнул Замойский.

Васин обвел глазами неровную каменную равнину. Лавовые поля тянулись на многие километры. Ветер гнал по земле тучки пыли и облака по небу. Пейзаж напоминал бы земную пустыню, если бы не Черные Шары. Их было меньше, чем когда-то на Элионе. Много меньше, но все-таки много.

Замойский куда-то скрылся. Васин спустился из шлюза и пошел от машины прочь. Он ничего не искал, но Черные Шары встречались все время. Они лежали всюду: на открытом месте, в тени, на возвышениях. Но по мере удаления от корабля попадались все реже и реже.

Наконец Васин остановился. Шаров впереди уже не было. Все тысячи их остались за его спиной, вблизи корабля.

Так бывает всегда, внезапно подумал Васин. Всегда ты садишься в такой круг, будто они и вправду живые, будто они сами, почуяв корабль, собираются на пиршество.

Как стая вампиров.

Они собираются вокруг корабля, чтобы высосать наши желания, чувства и мысли, чтобы насладиться содержимым наших мозгов, чтобы превратить это в воздух и бросить на ветер.

Васин оглянулся. Корабль, как конус крохотного вулкана, возвышался далеко-далеко. Васин повернулся к пустыне спиной и пошел назад. Вскоре стали встречаться Черные Шары. Заколдованный круг, сжимающийся к машине.

Из-за большого камня вышел Замойский с Черным Шаром в руках.

— Мне повезло, — заявил он. — Вероятно, до меня в таких местах и правда не было любопытных. Смотрите.

Он поднял Шар обеими руками и бросил. С земли, куда его бросил Замойский, поднялся другой Черный Шар. Взлетел самостоятельно, будто почва сама бросила его к первому. Шары летели по дугам, их нисходящие ветви встретились у земли. Раздался хлопок, будто лопнул воздушный шарик. Шары слились в один.

— Так всегда, — объяснил Замойский. — Пока вы отсутствовали, я провел этот опыт десятки раз.

Васин одобрительно смотрел на Замойского. Все, что он делал, было правильно. Внутри у Васина дрогнуло.

Замойский делает правильно, но куда ведут его действия? К тому, что черная стая вокруг корабля редет. После экспериментов Замойского на планете вскоре останется единственный Черный Шар, Шар-диктатор. И Васин (это тоже будет правильно) положит его на пульт, по Шару зазмеятся узоры, и он начнет приказывать. Васин уйдет в поиск, и свобода опять исчезнет. Останется необходимость, и все потечет по-старому.

— Не представляете, как я доволен, — сказал Замойский. — Все укладывается в мою гипотезу. Абсолютно все.

Солнце садилось. Они шли к кораблю, и попадавшие на пути Шары отбрасывали черные тени. В рубке Васин разложил кресла и лег. Замойский зашторил иллюминаторы и лег тоже.

Под утро Васину приснился сон. Он рассказывал о работе разведчика. Вместо голов у собравшихся были Черные Шары. После выступления в зале слышались хлопки, похожие на звук лопающегося шарика. Когда они перешли в овал, Васин проснулся.

7

Они стояли на пороге кессона, вглядываясь в пейзаж. Вид у Замойского, как ни удивительно, был не растерянный, а скорее обрадованный.

— Один лежал вчера в осыпи, — проговорил он. — Там, возле валуна. И на дне трещины. Ну, дела! Еще было несколько, я запомнил места. Сегодня их нет совсем. Но это невозможно!

— Их нет, — сказал Васин. — Договоримся так. Старт через два часа. Делайте что хотите. Но не опаздывайте.

— А что будете делать вы? Тоже искать?

— Нет. Договорились: через два часа.

Васин спрыгнул на камни. Вспомнил вчерашний день и усмехнулся. Пусть Замойский жалеет, что они исчезли.

Он обошел вокруг машины, проверил шасси. Все отлично, взлет не представляет проблемы.

Солнце взошло, но воздух еще не прогрелся. Васин шагал быстро. Его настроение улучшалось. Шаров нет. Все они исчезли.

Ноги несли Васина все дальше. Временами он испытывал странное чувство: будто когда-то проходил здесь. Оно появлялось и исчезало, как солнце в разрывах облаков.

Васин остановился, посмотрел вниз. У его ног лежал Черный Шар. Будто ждал человека. Он уцелел один. Последний Шар на этой планете. Возможно, во всей вселенной.

Васин поднял Черный Шар. Тяжелый, холодный, мертвее черепа. Увы, бедный Йорик!..

У корабля Васина ждал Замойский.

— О, вам повезло! Я перевернул все окрестности, но нашел всего один. А вы долго искали?

Васин не ответил. В кессоне Замойский спросил:

— Куда мне его деть?

— В багажник. Вот ключ. Свой Шар я прихвачу в рубку.

В рубке Васин поискал глазами, куда положить Шар, и усмехнулся. Единственным подходящим местом была лунка на пульте.

Потом был старт.

Потом перед ними сменялись быстрые орбитальные зори, а внизу все затягивали облака. Приборы обшаривали планету. Васин надеялся обнаружить хотя бы одно скопление Черных Шаров. К вечеру стало ясно, что искать бесполезно.

— Пора спать, — сказал Васин.

— Что-то мы часто спим, — откликнулся Замойский. — Вот ключ от багажника, спрячьте. Я боюсь за своего пленника.

— Я положу ключ под подушку, — сказал Васин.

8

Он проснулся ночью, как от толчка. Из головы выметало обрывки последнего сна. Шевелящиеся руки, много шевелящихся рук.

В рубке было темно. Чуть слышно посапывал Замойский. Сна не было ни в одном глазу.

Васин сел на постели. Рубка была пронизана пульсирующим черным сиянием. На пульте, под стеклянной крышкой, лежал Черный Шар. Это он испускал наполнявшие рубку волны черного света.

Замойский перестал дышать. Стало совсем тихо. В тишине таилась музыка. Было все хорошо видно.

Васин опустил ноги на пол, натянул одежду. Музыка играла тихо. Он знал, что делает правильно.

Он вставил ноги в туфли. Внезапно пол ушел вниз. Васин вскочил, чтобы не потерять равновесия. Корабль плавно дернуло. Васин сделал шаг к двери рубки. Корабль мягко дергался в такт неслышимой музыке, и с каждым толчком Васин, чтобы не упасть, делал новый шаг к двери. Это походило на танец.

Потом дверь вместе с кабиной навалилась на его плечо и распахнулась. Его глазам открылся коридор,

длинный-длинный. В конце коридора черным сиянием светилось окошко в люке багажника.

Свечение мягко пульсировало. Кровь билась в висках. Все скреплялось неслышимым ритмом. И в такт этому ритму коридор плавными толчками надвигался на Васина.

Васин перебирал ногами, чтобы остаться на месте; конец коридора из-за этого приближался. И Васину почему-то казалось, что сам он пятится, пятится, пятится...

Свечение в окошке пульсировало, как в рубке. В центре свечения лежал Шар.

Черный Шар.

Тихая музыка стала неслышимой. Люк багажника дернулся к Васину, аккуратно надевшись скважиной на ключ, зажатый в его вытянутой руке.

Ключ повернулся.

Потом Васин опять, будто танцуя, перебирал ногами на месте, чтобы не упасть, а в его руках был Черный Шар, и коридор двигался в обратную сторону, приближая к нему рубку.

Рубку, и пульт, и второй Шар в лунке на пульте.

Раздался сухой хлопок. Крышка опустилась. Под ней мерцал холодным узором Черный Шар. Один. Игра змеистых линий на его боках угасала.

Васин рухнул в постель и погрузился в черноту сна.

9

Утром он долго лежал, вспоминая видения ночи. Сон?..

Замойский спал. Васин вышел в коридор, к люку багажника. Прильнул к смотровому окошку.

Значит, не померещилось. Значит, все так и было.

В рубке Замойский смотрел на него с любопытством. Внезапно Васин почувствовал себя виноватым. Странное ощущение, что-то из детства. Ему было мучи-

тельно стыдно. Он глянул в зеркало. Лицо было пунцовое.

— Если бы вы знали, как я вам завидую, — услышал он голос Замойского.

— Что вы имеете в виду?

— Вашу ночную деятельность, — сказал Замойский.

Васину стало еще неуютнее. Удар был нечестный. Вероятно, Замойский все видел. Но где вина Васина? Раз Замойский все видел, мог бы и сам вмешаться.

Ощущение вины исчезло. Васин привел кресло в порядок. В зеркале был Замойский: опять смотрел с любопытством.

— Так и будете лежать? — спросил Васин.

— Вы не переживайте, — сказал Замойский. — Не огорчайтесь. Все абсолютно нормально.

— Нормально? А вы хоть знаете, что произошло?

— Могу предположить. Собственно, я все видел. Жаль, что это произошло не со мной.

— Вы не шутите?

— Я? — сказал Замойский. — Зачем? Может быть, я полетел сюда специально, чтобы испытать это. Не повезло. Но вы хоть расскажете мне, как все происходило?

— Как хотите, — сказал Васин.

После окончания рассказа Замойский сказал:

— Значит, свет был черным? И казалось, вы пятились? И дверь сама наваливалась на ваше плечо? Блестяще. Это последний штрих. Какая жалость, что это произошло не со мной!..

— Хватит, — сказал Васин. — Давайте свою теорию.

10

— Меня, — начал Замойский, — натолкнуло на это одно философское течение, сравнительно малоизвестное. Оно относится к космологии, но меня привлекла

стержневая идея: что материя развивается параллельно во встречных потоках времени.

— Параллельно? Как это? Частью в обычном времени, частью в обратном?

— Приблизительно так. Но еще вернее сказать, что материя развивается в обоих направлениях сразу. Таким образом, вселенная подобна колоссальному палиндрому, слову-перевертышу.

— Не понимаю.

— Есть притча, — сказал Замойский. — Великий придворный мудрец увидел на базаре двух дерущихся старцев. «Нечестивцы! — вскричал он. — Почему, забыв достойных предков и славных потомков, позорите вы седины свои и плечи, таская за бороды и тузя кулаками друг друга?» — «Мы ведем научную дискуссию, — отвечали они. — Спор наш неразрешим, взгляды непримиримы. Иди своею дорогой, мудрец; даже ты не поможешь нам». — «Нет несводимых взглядов, — молвил великий. — Поведайте суть ссоры, о недостойные». — «Я взращен на писаниях древних, — отвечал первый старец. — Они учат, что порядок возник из хаоса. Это воистину так. Пыль сгущается в облака, рождаются планеты и звезды. На планетах разгораются жизнь и разум. Таков закон, угаданный древними и доказанный наукой. Он — истина». — «Ложь! — возразил второй. — У меня высшее образование, я имею степень. Я изучал термодинамику. Энтропия увеличивается. Мы не уходим от хаоса, но на пути к нему. Вот истина». — «Кто из нас прав? — спросили они великого мудреца. — Куда движется мир: от хаоса к порядку или наоборот?» — «Слепцы! — вскричал мудрец. — Что бывает раньше: день или ночь? Умерьте гнев и ступайте с миром. Правы оба: придет час, и порядок заменит хаос. Он победит окончательно».

— Хитроумно! — сказал Васин.

— Да. Так вот, теория параллельного развития по-

добна формуле мудреца, содержащей свое отрицание. Она относится к космологии, но я биолог. Меня не интересуют мертвые схемы. Я подумал: если все симметрично, почему во встречном времени нет ничего, подобного жизни? Вскоре я наткнулся на обзор о Черных Шарах.

— До этого вы о них не слышали?

— Почему же? Слышать слышал. Обычно в таком ряду: Морской Змей, снежный человек, Черные Шары, летающие тарелки... Вы знаете, как относится к Черным Шарам официальная наука. Есть достаточно оснований, чтобы разведчикам редко кто верил.

— Еще как редко! Кроме вас, я никого и не знаю.

— Я сразу понял, что Черный Шар — то, что я ищу. Шар удовлетворяет признакам существа, живущего в обратном времени.

— Почему?

— Во-первых, неуязвимость Шара. Предмет, идущий из будущего, не должен поддаваться воздействию. Похожее свойство — неизбежность слияния Шаров. Если допустить, что два сливающихся Шара произошли от третьего, который в обратном времени разделился, это свойство понятно. Кроме того, во времени симметрично само освоение черных планет. Мы воспринимаем его так: человек приходит на планету Шаров, те исчезают, люди заселяют планету. В обратном времени картина противоположная. Планета занята людьми, потом появляются Шары, люди уходят.

— Но Черный Шар — нечто противоположное жизни!

— Так и должно быть. Посмотрите на человека в обратном времени. Эволюционируя в обратном времени, человек глупеет и деградирует. Его поступки предопределены. В обратном времени Шар питается воздухом и размножается делением. Шары не могут исчезнуть все. Должен остаться хотя бы один: их прародитель в

обратном времени. Или возьмите момент деления. Шар делится на два. Они разлетаются, причем один попадает мне в руки.

— Вы о своих опытах? Но вы бросали Шар по своей воле.

— Субъективная оценка, — сказал Замойский. — Возможно, Шару тоже кажется, что он сознательно прыгает мне в руки. Но это две стороны одного процесса: взаимодействия человека и Шара.

— И ночью было взаимодействие?

— Да. Мир един; человек — часть этого мира. На планете, куда вы полетите теперь, вы оставите один Шар, ибо в обратном времени только один Шар попал оттуда на борт вашего корабля. Вот он, уже лежит в лунке. По пути он разделился на два. Это значит, что в нашем времени Шары соединились. Они должны были соединиться. Понимаете?

— Нет, — сказал Васин. — Они соединялись не сами. Это я перенес один Шар к другому. Почему? Я не хотел этого.

— А почему вы посадили корабль в единственное на планете скопление Шаров? Очень просто. В обратном времени вы взлетаете, оставив после себя это скопление — потомков привезенного вами Шара. Вы не можете сесть в другое место. Точно так Шары должны были слиться. И заставили вас помочь. Вероятно, это единственный выход. Шары должны слиться — значит, вы должны им помочь.

— То есть существует какая-то связь? Но каков ее механизм?

— Не думайте, что я знаю действительно все, — усмехнулся Замойский. — Учение, о котором я говорил, утверждает, что любой порции материи свойственно и прямое и обратное развитие. Например, инерция трактуется как память о будущем — предмет «помнит», где он только что находился в обратном времени. Человек не исключение: он — как бы два существа,

вложенные одно в другое. «Прямой» человек олицетворен в памяти; «обратный» — в инстинктах и интуиции, которые также являются видами памяти о будущем, теснящими в организованной материи свойство инерции. Шар, живущий в обратном времени, воздействует на ваши инстинкты, также принадлежащие обратному времени, и вы делаете так, чтобы в прямом времени Шары объединились. Память, защищая психику, хранит искаженное восприятие, подобное сновидению. Кстати, есть люди, считающие, что во сне смешиваются в равной пропорции прошлый и будущий опыт. Вот, пожалуй, и все.

— Всего-навсего! — сказал Васин.

— Да. Когда вы долго размышляете над этим, многое кажется очевидным. Свойства Шаров, кажущиеся таинственными, не должны нас смущать. Для Шаров человек, вероятно, тоже средоточие суеверий. Ваша работа с их точки зрения выглядит так. На планете, населенной Шарами, появляется загадочный предмет — земной разведчик. Один из Шаров проникает на борт корабля и улетает. Разведчик доставляет его на пустую планету со съедобной атмосферой, где незадолго до этого обитали люди. Шар начинает поглощать воздух и размножаться. Разведчик улетает, но возвращается, когда Шаров уже много. Один из них вновь пробирается на корабль, и цикл повторяется. Нам кажется, что мы заселяем космос.

— А в действительности они?

— Что бывает раньше: день или ночь? — усмехнулся Замойский. — Это две стороны одного явления. Их разрывать нельзя.

— Что же тогда свобода?

— Вы свободны, пока не вмешались Шары. Они тоже свободны, пока не мешаєте вы. При чем я думаю, есть не только они. Вероятно, мы каждый день встречаемся с не столь экзотическими существами, живущими в обратном времени. Мне иногда кажется, что все

неживые предметы чем-то подобны Черным Шарам. Мы что-то делаем с ними; но вдруг на встречном потоке это они что-то делают с нами? Я убежден, что жизнь — это симбиоз. Диалектика. Противоборство двух равных начал.

— Ладно, — сказал Васин. — Над этим надо подумать.

11

Он смотрел на пульт управления. Черный Шар слабо мерцал. Васин подмигнул ему и тронул стартер.

Замойский остался на Элионе. Васин вновь шел в свободный поиск. Все было как раньше, но кое-что изменилось.

Васин смотрел на Черный Шар. Все будет правильно. Он везет Шар в его прошлое, а прошлое Шара связано с планетой Шаров. С планетой, необходимой людям.

Странная штука судьба.

ПУТЬ ОДНОКЛЕТОЧНЫХ

Два с половиной миллиарда лет назад в теплых волнах архейского океана две крохотные амебы резвились под лучами первобытного Солнца. Им было хорошо и просторно. Их почтенная родительница, старая амeba Этер, уже не жила: она разделилась когда-то на две половинки, которые приняли имена Тера и Тери, и сейчас чувства настолько переполняли сестер, что они с трудом сдерживались, чтобы преждевременно не повторить акт деления.

Они произошли от одной матери и в миг своего рождения ничем от нее не отличались. Но с тех пор прошло целых пятнадцать минут; за этот срок каждая из них

приобрела кое-какой жизненный опыт. К тому же кое-что из духовного наследия Этер было забыто (ровно столько, сколько приобретено); иными словами, за эти четверть часа каждая из двойняшек сделалась неповторимой индивидуальностью.

Амебы весело плясали в прозрачной воде под беспорядочными толчками молекул и радостно напевали: «Свобода, свобода». Ведь они, как и прочие Одноклеточные, превыше всего ценили свободу индивидуальности. И всюду — на многие сантиметры кругом — кружились точно в таких же танцах мириады точно таких же миниатюрных созданий, певших ту же самую песню такими же нежными голосами. Каждое из этих существ имело ярко выраженную индивидуальность и ценило свободу больше всего на свете.

Внезапно в нескольких миллиметрах от себя Тера увидела амебу, пораженную, по всей вероятности, каким-то тяжким недугом. Незнакомка выглядела так, будто находилась в процессе деления: в ее полупрозрачном теле отчетливо просматривались два ядра и натянутая между ними мембрана. Но разделиться полностью на две половинки несчастная, видимо, не сумела; более того, оба ее ядра буквально на глазах распались каждое надвое; и опять-таки образовавшиеся четыре клетки почему-то не разошлись в разные стороны.

Удары молекул воды почти не сдвигали с места тело бывшей амебы; оттого оно казалось тяжелым и неповоротливым.

Удивленно хлопая двигательными ресничками, Тера приблизилась к горемычному существу. За ней последовала и Тери. Объятые жалостью, они перестали петь и даже плясать; лишь изредка хаотические удары молекул вынуждали их менять избранную позицию.

— Что с вами, бедняжка? — спросила незнакомку Тера, трепеща от сострадания. — Вам больно? Вы не можете разделиться на две половинки?

— Я и не собираюсь делиться, — надменно отвечало уродливое существо. — Мне опостылела жизнь Одноклеточного, которое толкают даже самые микроскопические молекулы. Я не хочу разбрасывать своих потомков по океану. Пусть живут вместе.

Несколько миллисекунд Тера и Тери недоуменно молчали, пытаясь переварить это неожиданное заявление.

— В сущности, я Зародыш, — продолжало чудовищное создание. — Я надеюсь стать когда-нибудь Многоклеточным. Я превращусь в большой и сильный Организм, которому нипочем не только удары молекул, но даже морские течения.

— Разве это возможно? — изумленно сказала Тера. — Если так, ваши клетки станут друг другу мешать...

— И не будут свободны, — вставила Тери.

— Многие из них не увидят наш необъятный мир...

— Никогда не почувствуют ласковое тепло воды...

— И мягкий солнечный свет...

— Не смогут петь...

— И плясать...

— Я думал об этом, — ответил ужасный Зародыш. — Когда я стану Организмом, клеток во мне накопится очень много — миллионы или даже миллиарды. Они потеряют универсальность, станут специализированными. Некоторые будут мыслить, другие — запоминать, третьи — защищать меня от врагов. Объединенные в группы, они образуют органы чувств, вообразить которые невозможно. Даже я не рискну это сделать.

— Потеряют универсальность? — пролепетала вконец испуганная Тера. — Но как же тогда свобода?

— Да, как быть со свободой? — эхом отозвалась окончательно уstraшенная Тери. — Что случится с индивидуальностью?

— На смену свободе, к которой мы все привыкли, придет новая, — объяснил Зародыш будущего Организма. — Я и мои потомки сможем делать совершенно непредставимые вещи. Возможно, даже перестанем жить в океане.

— Но свобода... — повторила Тера. — Индивидуальность...

— Свобода индивидуальности... — эхом откликнулась Тери.

— Подвижность моих клеток действительно несколько ограничится, — заявил Зародыш. — Зато Организм будет свободным по-настоящему.

— Значит, клетки лишатся свободы?..

— Будут связаны...

— Порабощены...

Амебы были ошеломлены и расстроены. К счастью, случайная молекула H_2O оттолкнула их на несколько миллиметров от зарождающегося чудовища, и они вскоре о нем забыли. И уже через долю секунды опять танцевали в теплых водяных струях, готовясь к новому акту деления и весело распевая: «Свобода, свобода...»

Прошло два с половиной миллиарда лет. Потомок первого Организма, размышляя, как бы получше закончить рассказ, наполнил стакан водой. Она была чистой, прозрачной, холодной. На деле в этой воде жили тысячи одноклеточных потомков первых простейших, они весело кружились в хаотическом танце и радостно пели: «Свобода, свобода». Но глаза Организма видели только значительные предметы и не замечали Одноклеточных, поэтому вода казалась ему прозрачной. Да и уши его не могли уловить их нежного пения. Он выпил воду и поставил стакан на стол.

Но даже после этого Одноклеточные продолжали радостно петь: «Свобода, свобода». Мир, ограниченный стенками желудка, казался им бесконечным.

ДЕФИЦИТНЫЙ ХВОСТ

Сам я работник торговли, но отношения с наукой имею родственные.

Есть у меня свояк, инженер-генетик. Встречаемся семьями по воскресеньям. Жены — дверь на задвижку и давай о женском: о нарядах, о прическах да о мужчинах. О нас, значит.

А мы сидим закусываем и ведем философский разговор. Сваяк вещает на непонятном языке о разных проблемах, а я слушаю, пока не надоест. Надоест — задаю дурацкий вопрос. Такой, например:

— По-русски, — спрашиваю, — нельзя?

— Что? — говорит свояк. — Что-что?

Ну а я ему объясняю, что его научное направление заехало в тупик. Я давно заметил, что ученые именно в тупике выдумывают слова, никому, кроме них, не понятные.

— Отрываетесь от практики, — говорю я ему. — Зря.

— Как? — спрашивает. — Как-как?

— Так, — говорю. — Вот я, например, в своей работе давненько не встречал плодов твоей генетики. Значит, отрываетесь.

Сваяк возмущается ужасно. И в который раз заводит речь о сельском хозяйстве. Все продукты, мол, которые мы едим, уже двадцать лет не те, что были двадцать лет назад. Например, коллеги моего свояка пересадили злакам гены каких-то бобов. В результате пшеница берет азот из воздуха, а не из почвы, как раньше. Качество хлеба не страдает, а азотные удобрения экономятся.

— Сомневаюсь, — говорю я. — Не помню, какой вкус у него был, но ладно. Скажи лучше, куда девают сэкономленные удобрения?..

Таковыми вопросами сбиваю я со свояка спесь. Вот

люди! Мало, что в тупике сидят и непонятными словами изъясняются, так еще уши заткнули и не понимают нужд покупателя. Мне, как работнику торговли, ясно, что все товары делятся на две категории: дефицит и все остальное. Что требуется покупателю? Дефицит. Остальное — вот оно, пылится на складах, никому не нужное. А дефицит выбросили, расхватили, и нету дефицита. А они — хлеб из воздуха делать! Но ведь хлеб-то — не дефицит!..

В общем, непорядок. Торговля наукой интересуется, а где обратная связь? Тут свояк в который раз рассказывает про икру. Есть у моего свояка и его коллег такое последнее достижение.

Лет десять назад они сделали так, что у всех рыб икра стала как кетовая. Или зернистая, кому что нравится. Даже лягушки теперь красную икру мечут. На вид — нормальная. И на вкус, говорят. По остальным торговым параметрам тоже полное совпадение. Только выводятся из этой икры не горбушата, а головастики, и никто ее не берет, хоть и забиты ею склады. Психологию надо учитывать. Не дефицит — и точка.

— Ладно, — говорю, — допустим. Но ведь эту икру уже давно сделали. А где новые достижения в области дефицита?..

Добил я однажды этим вопросом своего свояка. Вскрикивает, надевает пальто и половину зовет. «Жена, — кричит, — я пошел! Мне, оказывается, работать надо!»

И остаюсь я один. Всегда так — выскажешь мысль, и сам от этого страдаешь. Но ладно. Звоню ему в понедельник на службу. «Как дела?» — спрашиваю. «Думаем», — говорит. Звоню вечером. «Думаем».

Знаю я, о чем они думают. Был у него в лаборатории. Микроскоп у них там с ракету, и к нему еще ЭВМ пристыкована. А вокруг сидят мой свояк с коллегами, решают проблему — рассчитывают, во сколько раз этот микроскоп больше объекта исследований. Но ладно.

Так несколько дней. Потом приезжает свояк ко мне и излагает плоды их коллективных измышлений.

Оказывается, придумали они скрестить с помощью генов лисицу и ящерицу. Думали они, думали и открыли, что лисий хвост — это дефицит, из него воротники делают. И еще они открыли, что у ящерицы есть такое ценное качество — регенерация органов. Хвост у ящерицы оторвешь — новый вырастет.

— Представляешь, — радуется свояк, — как здорово будет! Хлоп — отстриг лисе хвост. На воротник. А назавтра у нее новый вырос, как у ящерицы.

И это называется понимание покупателя! В хвосте главное — мех, теплота, пушистость. Из ящерицных хвостов кто же будет воротник себе шить? Псих какой-нибудь ненормальный. Да и климат у нас не тот.

— Ничего не получится, — говорю я и все ему объясняю.

— Да я про регенерацию! — радуется свояк. — Хвост будет лисий, это отрастать будет как у ящерицы! Приделать лисе хвост ящерицы мы как раз не умеем. Эта научная проблема пока неразрешима.

И убегает пересаживать лисам гены регенерации. И дело идет, несмотря на мои сомнения. Я в курсе, свояк все рассказывает. По телефону, теперь не до встреч. Кипит у них работа. Сначала гены пересаживают. Потом выращивают зародыши. Миллион лисьих зародышей. Чтобы сразу промышленный эффект — так свояк обьяснил. Ну, дело хозяйское.

Зародыши постепенно растут и превращаются в симпатичных лисят. Некоторые рыженькие, другие черно-бурые, на вкус. Наконец, кульминация — лисята вырастают в лисиц.

Но прав оказался я. Конечно, кое-чего они добились. Вырастили миллион прекрасных лисиц с регенерирующими хвостами. Отстригаешь хвост — через день новый вырастает. Все, как предполагалось. Окры-

ленные успехом, свояк и его коллеги пытаются пересадить лисам гены морской черепахи. Чтобы жили подольше.

Ну а интересов покупателя не учли. Пылятся лисьи хвосты на всех складах, но их, естественно, никто не берет. Кому они теперь нужны?

Не дефицит!

КОММУНИКАБЕЛЬНЫЙ ГУМАНОИД

Клева не было в принципе. Солнце отражалось в озере уже часа полтора, а я сидел без улова. Впрочем, в рыбалке важен процесс. Чтобы что-то поймать, надо забираться куда-нибудь в глухомань, где неподвижно стоят под корягами метровые щуки, а на дне шевелят усами сомы. Но до таких мест можно доехать лишь в отпуск.

Внезапно какая-то тень заслонила восходящее солнце. Прищурившись, я посмотрел в ту сторону и увидел дисковидный летательный аппарат, с какими встречались, по-моему, многие. Диск быстро приближался. По его гладкой поверхности струилась тонкая пленка тумана.

Что ж, это справедливо. Если обитатели какого-то провинциального городишки, чуть ли не ежедневно встречая пришельцев, каждый раз приходят к полному пониманию, то чем мы хуже? Я лично всегда верил в летающие тарелки и прочие НЛО.

Диск висел уже прямо над моей головой. Струистый туман растекался по его обтекаемому днищу, как пар вдоль бортов готовой к старту ракеты. Потом это струение прекратилось, и диск мягко рухнул в кусты в каких-нибудь тридцати метрах от меня.

Разумеется, я уже стоял на ногах, забыв про удоч-

ку. Из-за диска появился гуманоид, действительно очень похожий на человека, и направился ко мне.

— Здравствуйте, — произнес он на вполне правильном русском языке и оглянулся на свой летательный аппарат. В борту диска имелась большая вмятина, которую я только теперь заметил. — Вы случайно не помните, где я покалечил свое магадо? И почему я один?

Естественно, от неожиданности я слегка опешил. Но лицом в грязь падать не стал. Я ответил как можно спокойнее:

— Не знаю.

— Следовательно, раньше мы не встречались, — заключил гуманоид. — Так я и предполагал. Значит, вы не сможете мне сообщить, давно ли я нахожусь на этой планете.

Отвечать на это было нечего. Да и вопрос-то отсутствовал. Я молчал, собираясь с мыслями.

Гуманоид стоял рядом со мной и смотрел на неподвижный поплавок.

— Совсем не клюет?

— Откуда вы знаете? — удивился я.

— Сейчас вы скажете мне об этом, — спокойно объяснил гуманоид.

Логика в этом высказывании я не нашел. Однако по существу он был, разумеется, прав.

— Да, — сказал я. — Совсем не клюет. Обычное дело.

И взялся за удочку, вытащить ее из воды. Чтобы не отвлекала.

— Погодите, — сказал гуманоид. — Сейчас вы поймаете рыбу.

Я подсек. Удилище согнулось. Такого не было у меня все лето.

— Рыба!..

— Вот теперь можно сматывать, — сказал гуманоид. — Больше никого вы сегодня не подцепите.

Я повиновался. Я верил гуманоиду. Он не помнил, сколько времени провел на Земле, но будущее предсказывал профессионально.

— Вероятно, вы живете у нас довольно долго, — предположил я.

— Почему вы так думаете?

— Вы хорошо говорите по-русски, а наш язык сложен для изучения. Логично?

Гуманоид усмехнулся. Мимика у него тоже была совсем человеческая.

— Нет. Если я неплохо говорю по-вашему, то не потому, что когда-то учил язык. В этом случае я бы его, конечно, забыл.

— Не понимаю.

— Для вас это звучит необычно, — согласился гуманоид. — Но любое существо живет не только в пространстве, но и во времени. Для того чтобы определять свое место в мире, мы располагаем специальными органами чувств. Органы пространственной ориентации — это глаза, уши и так далее. Чувств ориентации во времени два — это память и интуиция, то есть способность предвидеть будущее. Если бы их у нас не было, мы были бы подобны мертвой материи, для которой понятие времени практически лишено смысла.

— Допустим, — сказал я. — Это интересная точка зрения, но...

— Вы это поймете, — предсказал гуманоид. — Вероятно, вы замечали, что ваши временные чувства несимметричны. У вас, людей, хорошая память, но почти отсутствует способность к предвидению. Вы еще не знаете, что это универсальный закон природы: из двух временных чувств одно обязательно доминирует. Этот закон справедлив и для моих соплеменников. Но у нас это не так, как у людей. Наоборот. Наша память слаба, и мы не помним своего прошлого. Оно столь же туманно, как для вас будущее. Зато у нас развито чувство предвидения, поэтому будущее мы знаем.

— Но это же страшно неудобно! Как вы ухитряетесь жить без памяти?

— Зато мы помним будущее. Уверяю вас, это ничуть не менее удобно. Например, произнося длинную фразу, вы не всегда знаете, какими словами кончите, но помните ее начало и вопрос, на который отвечаете. Я же помню конец фразы и следующую реплику собеседника. Например, сейчас вы собираетесь вернуться к языковым проблемам.

— Угадали, — согласился я. — Какое отношение эти сведения имеют к знанию языка?

— Я пробуду у вас много дней, — объяснил гуманоид. — Несомненно, за это время я успею изучить язык, а сейчас ясно вижу весь процесс обучения и поэтому знаю язык заранее. Разумеется, потом я его забуду.

Я представил себе, как он изучает язык. В свете его высказываний это выглядело так. Он разговаривает со мной, с другими, а говорит все хуже и хуже. Чем больше говорит, тем меньше знает язык. Потом садится за словари и учебники и забывает все окончательно. И покидает Землю.

— Откуда вы прилетели? — полюбопытствовал я.

— Не помню.

— Даже так? Не помните, где и когда родились?

— Естественно, — сказал гуманоид. — Наше прошлое подобно вашему будущему. Разве вы знаете, когда умрете?

— А вы это знаете?

— О вас? — Гуманоид пожал плечами. — Естественно, нет. Вы ведь тоже не знаете дату моего рождения.

Возразить на это было нечего. Как спорить с законом природы? Все симметрично во времени. Ни он, ни я не знаем дня его рождения. И мы оба ничего не можем сказать о моей смерти.

— Вы помните свое индивидуальное прошлое, —

продолжал он. — Я знаю свое индивидуальное будущее. Но не надейтесь услышать от меня что-нибудь существенное для вас. Будущее, которое я знаю, вам не интересно. А мне мало пользы от вашего прошлого, даже если вы о нем подробно расскажете.

Он был прав. Допустим, я потребую от него комбинацию цифр, которая выиграет в «Спортлото». Но он не знает выигрышной комбинации. Ему в его будущем и в голову не придет заглянуть в таблицу. А если я попрошу его сделать это, он тут же забудет о моей просьбе.

В конце концов, я ведь тоже не помню, какие числа выиграли в прошлом тираже.

— Минувшее укутано мраком, — сказал гуманоид. — Если бы вы знали, как это печально. Кто расскажет мне о моем прошлом? Почему я один? И откуда я прибыл?

— Откуда-то оттуда. — Я показал вверх.

— Спасибо за информацию, — поблагодарил он. — В обмен я сообщу вам кое-что из вашего будущего. Когда я улечу — а это вот-вот случится — вы будете стоять, задрав голову, и смотреть мне вслед. Я очень ясно вижу эту картину.

Мы помолчали.

— Кстати, что вы здесь делали? — внезапно спросил он.

— Ловил рыбу, — сказал я. — Потом прилетели вы. Оттуда, со стороны солнца.

В разговоре наметился перелом. Раньше вопросы задавал я, теперь это делал он. Естественно: моя память обогащалась, его предвидение укорачивалось. Я знал о нем все больше, он обо мне — все меньше. Теперь я лучше его понимал, что никакой пользы от нашего контакта не будет.

Я сказал:

— Значит, сейчас вы улетите на своем магадо.

— Откуда вы знаете, что оно так называется?

— Вы сами назвали его так.

— Да, возможно. — Гуманоид, грустно улыбнувшись, посмотрел на меня со слабой надеждой. — Значит, мы не сообщили друг другу ничего интересного?

— Нет, — сказал я.

— К сожалению, так будет всегда, — сказал он. — Прощайте.

— Счастливого пути.

Он повернулся ко мне спиной и пошел, раздвигая кусты. Устремленный в свое грядущее, он уже не помнил меня. По диску заструился волокнистый туман, и аппарат беззвучно взмыл в чистое утреннее небо. Я стоял на берегу озера и, задрав голову, глядел ему вслед.

Я и сейчас ясно вижу эту картину.

СОДЕРЖАНИЕ

Мы и наши родители	5
Человек с пустой кобурой	17
Терминатор	27
Звездный дождь	41
Окно в Футурозой	61
Спасение жизни	69
Монополия на разум	76
Машина памяти	144
Контакт? Нет контакта...	152
Лидер	160
Порт Перпетуум	169
Пирамида	183
Черный Шар	203
Путь Одноклеточных	226
Дефицитный хвост	230
Коммуникабельный гуманоид	233

Пухов М. Г.

П90 Звездные дожди.— М.: Мол. гвардия, 1982.— 239 с., ил. — (Б-ка сов. фантаст.)

75 к. 100 000 экз.

В новой книге молодого фантаста Михаила Пухова рассказывается об освоении космоса, о контактах с инопланетными цивилизациями, о тех проблемах, с которыми, возможно, встретится человек на своем пути во вселенную.

П $\frac{4702010200-025}{078(02)-82}$ 092—82

ББК 84Р7
Р2

Рецензент Б. Герасимов

ИБ № 3149

Михаил Георгиевич Пухов

ЗВЕЗДНЫЕ ДОЖДИ

Редактор В. Родионов

Художник В. Бай

Художественный редактор Б. Федотов

Технический редактор В. Пилкова

Корректоры А. Долидзе, Г. Трибунская

Сдано в набор 28.08.81. Подписано в печать 17.12.81. А01477. Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Школьная». Печать высокая. Условн. печ. л. 10,5. Учетно-изд. л. 10,4. Тираж 100 000 экз. Цена 75 коп. Заказ 1459.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суцевская, 21.

75 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

